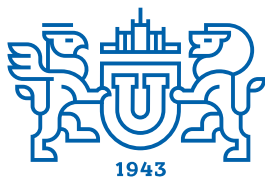

ВЕСТНИК

ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

2023
Т. 23, № 3

ISSN 1990-8466 (Print)
ISSN 2413-1024 (Online)

СЕРИЯ

«СОЦИАЛЬНО- ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»

Решением ВАК России включен в Перечень рецензируемых научных изданий

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)»

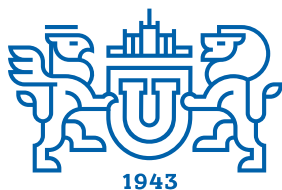
Основной целью журнала является продвижение новейших исследований в области социально-гуманитарных наук: исторических, филологических (литературоведения и журналистики), искусствоведения. Приоритетное право на публикацию имеют результаты качественных исследований по истории, историографии, источниковедению, искусствоведению, методологически актуальные исследования в области литературоведения и журналистики, результаты исследований общих методологических вопросов социально-гуманитарных наук.

Редакционная коллегия

д. филол. н., доц. **Шестеркина Л. П.**
(гл. редактор),
д. филол. н., проф. **Семьян Т. Ф.**
(зам. гл. редактора)
д. ист. н., проф. **Сибиряков И.В.**
(зам. гл. редактора),
к. социол. н., доц. **Салганова Е. И.**
(отв. секретарь),
к. филол. н, доц. **Афанасьев А. С.**
д. филол. н., проф. **Варганова Е. Л.**
д. ист. н., проф. **Епимахов А. В.**
д. филол. н., доц. **Лободенко Л. К.**
д. ист. н., доц. **Никонова О. Ю.**
д. ист. н., д. искусств., проф. **Парфентьев Н. П.**
д. искусств., проф. **Парфентьева Н. В.**
к. филол. н. **Смышляев Е. А.**
д. ист. н., проф. **Таиров А. Д.**
Ph. D., проф. **Шенк Б.**

Редакционный совет

академик РАН, д. ист. н., проф. **Алексеев В. В.**
д. ист. н., проф. **Ахметова Л. С.**
Ph. D., проф. **Баберовски Й.**
Ph. D., проф. **Байрау Д.**
Dr. habil **Буренина-Петрова О. Д.**
к. филол. н., доц. **Градюшко А. А.**
д. филос. н., проф. **Грунт Е. В.**
Ph. D., проф. **Ичин К.**
Ph. D., проф. **Кайзер Э.**
д. искусств. **Москалюк М. В.**
д. ист. н. **Нарский И. В.**
д. ист. н. **Самашев З. С.**
д. социол. н. **Тараданов А. А.**
ассоц. проф. **Хацеган В.-П.**
Ph. D., проф. **Хелльбек Й.**

BULLETIN

OF THE SOUTH URAL
STATE UNIVERSITY

2023

Vol. 23, no. 3

SERIES

“SOCIAL SCIENCES
AND THE HUMANITIES”

ISSN 1990-8466 (Print)
ISSN 2413-1024 (Online)

Vestnik Yuzhno-Ural'skogo Gosudarstvennogo Universiteta.
Seriya “Sotsial'no-gumanitarnye Nauki”

South Ural State University

The main purpose of the journal is to promote the latest research in the field of social and humanities sciences: historical, philological (literature and journalism), art history. Priority is given to publishing the results of qualitative research in history, historiography, source studies, art criticism, methodologically relevant research in the field of literary studies and journalism, the results of research on general methodological issues of social and humanities sciences.

Editorial Board

Shesterkina Lyudmila Petrovna, editor-in-chief, D. Sc. (Philology), associate professor
Semyan Tatiana Fedorovna, Deputy Chief Editor, D. Sc. (Philology), professor
Sibiriyakov Igor Vyacheslavovich, Deputy Chief Editor, D. Sc. (History), professor
Salganova Elena Ivanovna, executive secretary, Cand. Sc. (Sociology), associate professor
Afanasiev Anton Sergeevich, Cand. Sc. (Philology), associate professor
Lobodenko Lidia Kamilovna, D. Sc. (Philology), associate professor
Nikonova Olga Yurievna, D. Sc. (History), associate professor
Parfentyeva Natalia Vladimirovna, D. Sc. (Art History), professor
Parfentyev Nikolay Pavlovich, D. Sc. (History), D. Sc. (Art History), professor
Smyshlyayev Evgeny Alexandrovich, Cand. Sc. (Philology)
Schenk Benjamin, Ph. D., professor
Tairov Alexander Dmitrievich, D. Sc. (History), professor
Vartanova Elena Leonidovna, D. Sc. (Philology), professor
Yepimakhov Andrey Vladimirovich, D. Sc. (History), professor

Editorial Council

Alekseev Veniamin Vasilyevich, academician of the Russian Academy of Sciences, D. Sc. (History), professor (Russian Federation)
Akhmetova Laila Seisembekovna, D. Sc. (History), professor (Kazakhstan)
Baberowski Joerg, Ph. D., professor (Germany)
Beyrau Dietrich, PhD, professor, Tübingen University (Tübingen, Germany)
Burenina-Petrova Olga Dmitrievna, Dr. habil (Switzerland)
Gradyushko Alexander Aleksandrovich, Cand. Sc. (Philology), associate professor (Belarus)
Grunt Elena Viktorovna, D. Sc. (Philosophy), professor (Russian Federation)
Hatsegan Vasil-Petru, ass. Professor (Romania)
Ichin Cornelia, Ph. D., professor (Serbia)
Jochen Hellbek, PhD, professor (USA)
Kaiser Elke, Ph. D., professor (Germany)
Moskalyuk Marina Valentinovna, D. Sc. (Art History), professor (Russian Federation)
Narsky Igor Vladimirovich, D. Sc. (History) (Russian Federation)
Samashev Zainolla Samashevich, D. Sc. (History) (Kazakhstan)
Taradanov Alexander Ardalionovich, D. Sc. (Sociology), professor (Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии.....	5
Исторические науки	
ПАЛЕЦКИХ Н. П., МИРОШНИЧЕНКО М. И., ЖУРАВЛЕВА В. А. Кассы общественной взаимопомощи как институт социальной защиты колхозников накануне и в годы Великой Отечественной войны (на материалах уральских архивов).....	6
САМОХИНА А. В., ХУДОБОРОДОВ А. Л. Роль средств массовой информации в политической жизни Челябинской области в 90-е гг. XX в. в контексте информационной безопасности современной России.....	16
СИБИРЯКОВ И. В., СОСНОВСКИХ Е. Г. Виртуальный образ экологической катастрофы (на примере Кыштымской аварии 1957 г.).....	25
Искусствоведение	
ЖУК С. А., КУЗНЕЦОВА О. Н. Герменевтическое «прочтение» мировоззренческих смыслов в искусстве символизма.....	35
КОВТУН О. А. Драгоценный убор уральских икон (страницы творчества художницы Лидии Блохиной).....	45
CRAVEIRO T. Arts in the Chinese revolution: the intermedial relations between cinema and ballet in the «Red Detachment of Women».....	55
Литературоведение. Журналистика	
ЖАПЛОВА Т. М., СКИБИН С. М. Авторские примечания в поэтике произведений А. С. Пушкина 1830-х годов.....	61
КОРОЛЬ Н. Б. Полифония идейно-тематической и мотивно-образной системы в современных текстах (на материале романов М. Шишкина и В. Шарова).....	69
ПЕРЕПЕЛКИН М. А., ПЕЛЕВИНА О. В. «Не знал и не знаю этого человека»: Н. Г. Гарин-Михайловский и Р. Э. Циммерман.....	77
ПОТАПОВА З. С. Поэтика ранней малой прозы В. В. Набокова: из рассказов, не опубликованных при жизни писателя.....	84
СМЫШЛЯЕВ Е. А., ШОЛОХОВ М. А. Тыдым-Кыштым: мифопоэтика пространства в творчестве А. Петрушкина.....	93
ЧУМИКОВ А. Н. Трансформация форм медийных ресурсов и динамика жанров журналистских текстов в российском информационном пространстве.....	100
Рецензии	
ВОЛКОВ Е. В. Рецензия на коллективную монографию «Диссертационная культура российского историко-научного сообщества: опыт и практики подготовки и защит диссертаций (XIX – начало XX в.) (Москва – Санкт-Петербург, 2022).....	110

CONTENTS

From the Editorial Board	5
Historical studies	
PALETSKIKH N. P., MIROSHNICHENKO M. I., ZHURAVLEVA V. A. Public mutual assistance funds as an institute of social protection for collective farmers on the eve and during the Great Patriotic War (materials of the Ural archives).....	6
SAMOKHINA A. V., KHUODOBORODOV A. L. The role of Mass Media in the political life of the Chelyabinsk Region in the 20th century in the context of information security of modern Russia.....	16
SIBIRYAKOV I. V., SOSNOVSKIKH E. G. Virtual image of an environmental disaster (on the example of the Kyshtym accident 1957).....	25
Art Criticism	
ZHUK S. A., KUZNETSOVA O. N. Hermeneutical «reading» of world view meanings in the art of symbolism.....	35
KOVTUN O. A. Precious headdress of Ural icons (pages of the artist Lydia Blokhina's work).....	45
CRAVEIRO T. Arts in the Chinese revolution: the intermedial relations between cinema and ballet in the «Red Detachment of Women».....	55
Literary criticism. Journalism	
ZHAPLOVA T. M., SKIBIN S. M. Author's comments in the poetics of A. S. Pushkin of the 1830s.....	61
KAROL N. B. Polyphony of ideological, thematic, and motif-image system in modern texts: the novels of M. Shishkin and V. Sharov.....	69
PEREPELKIN M. A., PELEVINA O. V. «I did not know and do not know this person»: N. G. Garin-Mikhailovsky and R. E. Zimmerman.....	77
POTAPOVA Z. S. Poetics of V. V. Nabokov's early small prose: from stories not published during the writer's life.....	84
SMYSHLYAEV E. A., SHOLOKHOV M. A. Tydym-Kyshtym: mythopoetics of space in the works of A. Petrushkin.....	93
CHUMIKOV A. N. Transformation of forms of media resources & dynamics of genres of journalistic texts in the Russian information space	100
Reviews	
VOLKOV E. V. Review of the collective monograph «Dissertation culture of the Russian historical and scientific community: experience and practice in the preparation and defense of dissertations (19th – early 20th century)» (Moscow – Saint Petersburg, 2022).....	110

От редакционной коллегии

Уважаемые читатели!

Вашему вниманию предлагается выпуск «Вестника Южно-Уральского государственного университета» в серии «Социально-гуманитарные науки». Цель данной серии – представить научному сообществу новейшие исследования в области гуманитарного знания в сферах истории, искусствоведения, филологии и журналистики.

Раздел «Исторические науки» представлен новейшими исследованиями в различных областях исторического знания. В статье Н. П. Палецких, М. И. Мирошниченко, В. А. Журавлевой на материалах Большого Урала (Башкирской АССР, Удмуртской АССР, Курганской, Молотовской, Свердловской, Челябинской, Чкаловской областей) исследованы партийно-государственная политика и деятельность властей по сохранению и развитию системы касс взаимопомощи, изучены векторы динамики их сети. Исследование А. В. Самохиной и А. Л. Худобородова посвящено изучению роли СМИ в политической жизни одного из крупных регионов России – Челябинской области – в 1990-е гг. И. В. Сибиряков, Е. Г. Сосновских в своей статье на примере Кыштымской аварии 1957 г. анализируют основные элементы виртуального образа одной из крупнейших экологических катастроф XX века, показывают динамичный и индивидуализированный характер этого образа, отмечают высокую степень эмоционального восприятия этого образа молодежной (в первую очередь студенческой) аудиторией.

Статьи раздела «Искусствоведение» представляют три вектора, связанных с живописным искусством, искусством создания иконных окладов и киноискусством. В статье С. А. Жука и О. Н. Кузнецовой проведено исследование искусства символизма, язык которого представляет определенную трудность для его понимания, поскольку носит условный характер. В качестве исследуемого художественного материала рассматриваются картины художника-символиста М. А. Врубеля, посвященные теме Демона («Демон сидящий», «Демон летящий», «Демон поверженный»), а также акварель «Голова Демона на фоне гор». Статья О. А. Ковтун посвящена творчеству регионального художника Л. Блохиной в области создания иконных окладов. Т. Кравейро в своей статье исследует интермедийные связи художественного языка кино и классического балета в художественном фильме «Красный женский отряд» (1961, Се Цзинь) и в одноименном экранизированном балете (1971, Пань Вэньчжань и Фу Цзе).

В разделе «Литературоведение. Журналистика» представлены статьи разных научных школ. В статье Т. М. Жапловой и С. М. Скибина исследованы авторские примечания А. С. Пушкина в его книжных и журнальных публикациях 1830-х гг. Н. Б. Король провела анализ идейно-тематической и мотивно-образной системы романов М. Шишкина «Письмовник» и В. Шарова «Возвращение в Египет» с точки зрения полифонического видения художественной реальности. М. А. Перепелкин и О. В. Пелевина исследовали эволюцию взглядов писателя Н. Г. Гарина-Михайловского на вопросы, поднятые им в очерках «Несколько лет в деревне» и «В сутолоке провинциальной жизни». В статье З. С. Потаповой рассматривается раннее творчество В. Набокова – малая проза, не опубликованная при жизни писателя. Е. А. Смышляев и М. А. Шолохов в своей статье исследовали мифопоэтику города Кыштым в творчестве регионального поэта А. Петрушкина. Статья А. Н. Чумикова посвящена трансформации форм медийных ресурсов и динамике жанров журналистских текстов в российском информационном пространстве.

В разделе «Рецензии» Е. В. Волков представил рецензию на коллективную монографию «Диссертационная культура российского историко-научного сообщества: опыт и практики подготовки и защит диссертаций (XIX – начало XX в.)». Рецензируемое научное издание, опубликованное в 2022 г., посвящено процессу становления профессиональных ученых-историков в дореволюционной России.

КАССЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ВЗАИМОПОМОЩИ КАК ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ КОЛХОЗНИКОВ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ УРАЛЬСКИХ АРХИВОВ)

Н. П. Палецких¹, М. И. Мирошниченко², В. А. Журавлева³

¹Южно-Уральский государственный аграрный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

²Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

³Южно-Уральский государственный университет (филиал), г. Златоуст, Российская Федерация

В статье освещена малоизученная форма социальной защиты колхозников накануне и в годы Великой Отечественной войны – кассы общественной взаимопомощи колхозников. На материалах Большого Урала (Башкирской АССР, Удмуртской АССР, Курганской, Молотовской, Свердловской, Челябинской, Чкаловской областей) исследована партийно-государственная политика и деятельность властей по сохранению и развитию системы касс, изучены векторы динамики их сети. Определены проблемы, возникавшие в ходе функционирования касс общественной взаимопомощи колхозников, связанные, в первую очередь, с формированием их материально-финансовой базы и адаптацией в условиях военного времени. Выявлено своеобразие двух этапов (предвоенного и военного) в развитии касс общественной взаимопомощи колхозников как института социальной защиты колхозников, возникшего в русле советской социальной политики в коллективизированной деревне по инициативе «снизу». В результате исследования сделаны выводы о том, что социальная помощь, социальное обеспечение и социальное обслуживание стали тремя основными направлениями в деятельности касс общественной взаимопомощи колхозников, что, несмотря на неблагоприятные условия существования в годы войны, этот социальный институт не был разрушен и продолжал выполнять свои функции.

Ключевые слова: социальная политика, социальная защита, отделы социального обеспечения, кассы общественной взаимопомощи колхозников, Урал, Великая Отечественная война.

Введение

Степень и формы социальной поддержки престарелых, инвалидов, детей-сирот – это важные показатели гуманизма и жизнеспособности общества. В СССР ко второй половине 1930-х гг. сформировались две параллельные модели социальной защиты: для рабочих и служащих и для колхозного крестьянства. Общим системным элементом этих моделей были кассы взаимопомощи. При отделах социального обеспечения (собесах) создавались городские и районные кассы взаимопомощи пенсионеров и инвалидов, на предприятиях – профсоюзные кассы взаимопомощи, в малых трудовых коллективах появлялись неуставные «черные» кассы. В деревне действовали КОВК. В нормативно-правовых актах 1930-х гг. и в архивных источниках эта аббревиатура расшифровывается по-разному. В нашей статье принято название «кассы общественной взаимопомощи колхозников» и поставлена задача выяснить их место и роль в системе социальной защиты сельского населения Урала накануне и в годы войны.

Обзор литературы

Появление КОВК вызвало интерес исследователей, в том числе зарубежных. Сидней и Беатрис Вебб в 1936 г. назвали этот феномен «...“системой эконо-

мической взаимопомощи” колхозников, простой формой помощи неспособным к труду, но получающим право на долю коллективного продукта» [1, р. 327, 341]. По проблеме социальной защиты колхозников, которая активно обсуждалась в 1930-е гг., в период с 1940 г. и вплоть до 1980-х гг. специальных исследований не создавалось [2, с. 1–12]. Приоритет возвращения к исследованию проблемы принадлежит В. С. Григорьеву, который проанализировал трансформацию КОВ в ККОВ: крестьянских обществ взаимопомощи мелких индивидуальных товаропроизводителей в колхозные кассы общественной взаимопомощи [3]. О КОВК в связи с общей характеристикой советской системы социальной поддержки сельчан упоминали Т. М. Димони [4], Т. В. Еферица [5]. Работу КОВК военного времени рассматривали в контексте социального обеспечения крестьянства юга России В. А. Бондарев [6, с. 58–86], европейского севера России – Л. В. Изюмова [7].

В трудах по проблемам социальной политики 1930–1940-х гг., в том числе и на Урале, о наличии КОВК лишь сообщалось [8, с. 62–73; 9, с. 64–67; 10, с. 247, 253; 11, с. 47]. Зарубежные исследователи трактуют советскую социальную политику 1930-х гг. преимущественно негативно. Так, Моше

Левин говорил о ней как о «статусной революции», усилившей социальное и идеологическое расслоение советского общества и закрывшей, в частности, колхозникам доступ к социальной защите [12, р. 184–186]. Социальная ситуация в коллективизированной деревне 1930-х гг. чаще всего оценивается со знаком «минус». Ш. Фицпатрик считает, что в деревне «...царил дух неустойчивой злобы», а «...взаимная поддержка и солидарность среди крестьян встречались редко» [13, с. 261]. Андреа Грациози интерпретирует советскую политику в деревне в парадигме войны власти против крестьянства и полагает эту войну «...самостоятельным источником регресса» [14, с. 91]. В этих трудах наличие КОВК не артикулируется. Присутствие среди учреждений социального обеспечения «комитетов общественной взаимопомощи колхозов» признает Б. Мэдисон, но она называет их помощь «...жалкой и неспособной повлиять на низкий уровень жизни» колхозников [15, с. 70, 71].

В уральской историографии аграрной истории периода Великой Отечественной войны в монографиях Г. Е. Корнилова [16, 17], В. П. Мотревича [18, 19], Р. Р. Хисамутдиновой [20] имеются сюжеты об оказании помощи разным категориям сельского населения, но деятельность КОВК не раскрывается. Попыткой акцентировать внимание на данной теме стала небольшая статья, опубликованная в 2021 г. [21]. В целом степень научной разработки вопросов социальной защиты колхозников, в том числе через КОВК, накануне и в годы войны надо признать недостаточной.

Методы исследования

Теоретическим ориентиром для работы стала гипотеза о советской цивилизации как обществе мобилизационного типа, переживавшем в 1930–1940-е гг. глубокие и противоречивые процессы модернизации. Модернизирующая сельский социум советская социальная политика с ее культом труда, матрицами коллективизма и добровольчества одним из результатов имела систему социальной защиты колхозного населения, главным институтом которой стали кассы общественной взаимопомощи колхозников. В преломлении к изучаемой теме применены подходы: институциональный, структурно-функциональный, факторный. На этой основе были изучены нормативно-директивные, делопроизводственные, учетно-статистические документы, выявленные в 17 фондах 10 уральских архивов (ГАКО, ГАОПДКО, ГАСО, НА РБ, ОГАОО, ОГАЧО, ПермГАСПИ, ЦГА УР, ЦДНИ УР, ЦДООСО).

Результаты и дискуссия

Система КОВК как институт внутриколхозной социальной защиты сложилась на протяжении 1930-х гг. Кассы являлись добровольными самостоятельными общественными организациями колхозников и колхозниц для помощи нетрудоспособным членам артели, сиротам и нуждаю-

щимся детям колхозников, управлялись общим собранием и правлением сельскохозяйственной артели, контролировались сельсоветом и райсобесом. Зарегистрировав в райисполкоме свой устав, они приобретали права юридического лица (с печатью, счетом в банке, членскими книжками участников, где отмечались уплата взносов, получение пособия или ссуды, погашение задолженности, общественная работа в кассе и т. д.) [22, л. 170]. В процессе становления система КОВК пережила существенную трансформацию, часть ее функций (курирование школ и медпунктов) перешла колхозам. Принципиально то, что работа касс (пособия и ссуды в денежной или натуральной форме, трудоустройство инвалидов, помощь им в повышении квалификации, организация «трудо-вой помощи» и социального обслуживания престарелых) объективно способствовала укреплению трудовой дисциплины, росту производительности труда и в итоге организационно-хозяйственному укреплению колхозов как новой производственной структуры. Материально-финансовые фонды КОВК формировались из нескольких источников. Сельсоветы передавали кассам бесхозное и выморочное имущество. Для выплаты государственных пособий и пенсий колхозникам, имевшим на то право, на счета касс райсобесы перечисляли ассигнования из местных бюджетов. Колхозы имели право ежегодных дотаций кассам в объеме не более 2 % своих денежных и натуральных фондов и (для денежных отчислений) не более общей суммы поступивших членских взносов, которые вместе со вступительными взносами служили основным источником для КОВК. И те, и другие зависели от положения дел в колхозе. Размеры взносов устанавливались общими собраниями кассы, однако желательные суммы диктовались Наркомсобесом РСФСР.

Сохранившаяся областная статистика указывает на резкое сокращение сети и работы КОВК в 1937 г. Упадок аграрной отрасли на рубеже 1930–1940-х гг. и осложнение международной обстановки повысили значимость КОВК как института социальной защиты. Выплата через КОВК государственных пособий и пенсий военнослужащим и их семьям получила импульсы в связи с принятием Указа ПВС СССР от 10 октября 1939 г. и постановления СНК СССР от 16 июля 1940 г. [23, с. 147–151].

Текущие задачи, меры по расширению сети и активизации работы КОВК формулировались в решениях партийных и советских органов. Проводились инструктивные совещания сотрудников собесов, краткосрочные курсы-семинары председателей касс. Популяризировался опыт передовиков. В Челябинской области в 1939 г. были организованы выступления по радио лучших председателей КОВК, в областной и районных газетах помещена 21 корреспонденция о работе касс [24,

л. 12]. Новым явлением для предвоенной деревни стало признание трудовых достижений женщин и избрание их руководителями КОВК. Одна из них – Т. Ерофеева; она, вступив в колхоз лишь в 1935 г., к марту 1939 г. завоевала уважение сельчан и была избрана председателем кассы [25, л. 267].

Требование создавать КОВК в каждом колхозе, судя по статотчетам собесов, выполнялось успешно. К примеру, через шесть месяцев после принятия СНК БАСССР 23 июня 1940 г. решения о КОВК они были созданы в 84 % сельхозартелей. В Чкаловской области в 1940 г. кассы общественной взаимопомощи колхозников были созданы в 87,2 % сельхозартелей [26, л. 98; 27, л. 8; 28, л. 4; 29, л. 167]. Можно предположить, что в предвоенной уральской деревне КОВК становились самой массовой общественной организацией.

С началом войны тенденция организационного укрепления системы КОВК приостановилась. Между тем в круг нуждавшихся в социальной поддержке вошло практически все население колхозов: поскольку на колхозное крестьянство не распространялось бронирование от призыва в вооруженные силы, в первые же дни военной мобилизации выросла категория семей военнослужащих. 26 июня 1941 г. вышел Указ ПВС СССР «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время» [30, с. 5–6].

Условия назначения государственных пособий и организация их выплаты в ходе войны менялись, но в начале войны выдача пособий семьям мобилизованных какое-то время по-прежнему поручалась КОВК. Выявились много недостатков и финансовых нарушений, требовалась оперативная настройка механизма социальной поддержки сельчан в новых условиях. Бюро Чишминского РК ВКП(б) БАСССР 11 июля 1941 г. отметило, что с начала войны бытовые условия семей красноармейцев проверялись только в трех колхозах и что КОВК им не помогают. Райком обязал местных руководителей организовать помощь семьям в том числе и из колхозных касс взаимопомощи, от райсобеса потребовали вызывать председателей касс с отчетом. Чкаловский обком ВКП(б) в январе 1942 г. при рассмотрении вопроса «О неполадках в деле назначения и выплаты государственного пособия семьям мобилизованных в Красную Армию» обязал райкомы обсудить на заседаниях бюро поступление и расходование денежных и натуральных средств КОВК [31, л. 12; 32, л. 61].

Помощь семьям фронтовиков все годы войны входила в число ведущих забот КОВК. Довоенный принцип преимущественной помощи передовикам производства отходил на второй план. По данным Молотовского облисполкома в августе 1941 г. КОВК оказали материальную помощь 1158 семьям военнослужащих. В конце года областная газета отмечала хорошую работу КОВК в ряде районов,

ставила в пример кассу колхоза им. Ленина Чернушинского района, которая дотировала покупку детской одежды и учебников, предоставляла возвратные ссуды на приобретение крупного рогатого скота, двум семьям организовала подвоз дров, одной – ремонт бани. В Челябинской области в декабре 1941 г. через кассы общественной взаимопомощи колхозников получили помощь 4825 семей фронтовиков, им заготовливали и привозили дрова, выдавали хлеб [33, с. 321; 34; 35, л. 25].

Помощь раненым и больным бойцам, отправленным в колхозы из госпиталей на долечивание, стала новой стороной деятельности касс. Отводимая КОВК роль прописывалась четко. В письме Молотовского обкома ВКП(б) и облисполкома районным властям 18 октября 1941 г. указывалось, что расходы на эти нужды следует относить за счет средств общественной колхозной кассы взаимопомощи [36, л. 42].

Среди забот КОВК оказалось бытовое устройство размещенного в колхозах эвакуированного населения, в составе которого было много семей фронтовиков. Но для того, чтобы вступить в кассу взаимопомощи, прибывшие должны были стать членами колхоза. Чаще всего это было невозможно, поскольку приезжие не хотели закреплять свое пребывание в уральской деревне и не имели средств для внесения пая в фонды колхозов. Тем не менее в архивных документах встречается информация о помощи эвакуированным со стороны КОВК. В отчете о работе КОВК в Челябинской области за 1941 г. говорилось о том, что из 32,8 тыс. руб. дотаций, распределенных райсобесами, 3,8 тыс. руб. было израсходовано на детей из эвакуированных семей [37, л. 62].

Прежние уставные направления работы КОВК: помощь сиротам, престарелым и нетрудоспособным колхозникам – в обстановке войны приобретали новые смыслы. О том, что именно на КОВК возлагалась задача социальной защиты осиротевших детей, говорится в постановлении СНК БАСССР от 20 февраля 1942 г.: «Учитывая, что кассы общественной взаимопомощи колхозов являются основным источником для содержания сирот – детей колхозников, обязать Наркомсобес БАСССР (т. Мустафину), Наркомзем БАСССР (т. Ермолаева) и председателей исполкомов райсоветов укрепить материальную базу существующих колхозных касс взаимопомощи... Обеспечить патронирование круглых сирот-детей колхозников в семьях колхозников за счет средств колхозных касс взаимопомощи» [38, с. 297].

Выделение средств на содержание детей-сирот составляло значительную расходную статью бюджета КОВК. В Чкаловской области за 1942 г. КОВК израсходовали на эти цели 94,5 тыс. руб. и на 25 тыс. руб. произвели натуральные выдачи [39, л. 26]. Но в пересчете на одного ребенка это были совсем малые суммы, которые к тому же не всегда осваи-

вались. В 1942 г. в расходах касс общественной взаимопомощи колхозников Удмуртии на содержание сирот предусматривалось по 350 руб. на человека в год. В 1943 г. фактические расходы по этой статье составили 50,888 тыс. руб., что равнялось 40 % от запланированных [40, л. 24, 50; 41, л. 71; 42, с. 122].

Реальным достижением в условиях тыловой повседневности, к которому причастны КОВК, стало расширение сети сезонных дошкольных учреждений, дававшее возможность пополнять трудовые ресурсы за счет домохозяек. В Башкирии, Молотовской и Чкаловской областях летом 1943 г. яслей и детских площадок было открыто на 39,4 % больше, чем в 1940 г. В одной только Свердловской области действовало 17520 сельских площадок [подсчитано по: 43, л. 31, 32; 44, л. 5; 45, л. 34; 46, л. 47]. В отличие от тысяч сезонных сеть постоянных учреждений (с небольшой емкостью) исчислялась на селе сотнями. В Молотовской области в 1943 г. их насчитывалось 271. В Чкаловской области в 1941 г. мест в постоянных колхозных яслях было 2575, в 1942 г. – 2735. Основная часть этих заведений влачила жалкое существование. Но были и исключения. В докладе 1944 г. по Свердловской области сообщалось о яслях в колхозе «1 Мая» Красноуфимского района: помещение из 6 комнат, инвентаря достаточно, наблюдение участкового врача, питание детей полноценное [45, л. 34; 47, л. 31; 48, л. 20].

КОВК продолжали оказывать помощь нетрудоспособным колхозникам. На средства касс содержались дома престарелых колхозников (ДПК). Еще до войны обнаружился тренд на сокращение обитателей в них. В 1940 г. в 10 ДПК, работавших в районах Челябинской области, имелось 266 койко-мест, но обеспечиваемых было только 143 человека. «Недокомплект обслуживаемых» власти объясняли тем, что «...в связи с недостатком рабочей силы некоторые колхозы престарелых не отпускают в дома, используя их на работе сторожами, а некоторые прямо заявляют, что дешевле прокормить в колхозе, чем платить на содержание в дом... Возможность загрузки домов единоличниками-стариками в районах, где находятся дома, имеются, но оплачивать их содержание никто не хочет, в том числе и обособ» [24, л. 11; 49, л. 165]. В условиях войны эта форма социального обслуживания была свернута до предела. В отчетах за 1941 г. сообщалось, что в ДПК колхозников стало очень мало, потому что все те, кто может двигаться, заняты на колхозных работах, а ДПК теперь обслуживают преимущественно пенсионеров за счет их пенсии. В демографически-кризисном 1942 г. категория престарелых и нетрудоспособных колхозников на Урале сильно уменьшилась. По данным Г. Е. Корнилова, численность этой группы к концу 1941 г. равнялась 851,1 тыс. человек, а в 1942 г. – 372, 7 тыс.

При этом ее доля среди принимавших участие в колхозных работах выросла: в 1942 г. она составляла 13,5 %, в 1943 г. – 15,3 %, в 1944 г. – 15,9 %. [15, с. 38, 40, 42]. Многие ДПК закрывались. На всю Чкаловскую область к началу 1945 г. остался только один ДПК, содержавшийся за счет средств КОВК – в селе Городище Краснохолмского района [29, л. 165].

Закрытие ДПК не означало отсутствия заботы КОВК о нетрудоспособных колхозниках. На обеспечение инвалидов, престарелых и временно потерявших трудоспособность КОВК Чкаловской области в 1942 г. израсходовали 75 тыс. руб., и на 41 тыс. руб. было выделено материалов и продуктов. Кроме того, на обучение, переобучение и протезирование инвалидов было выдано 12 тыс. руб. Расход КОВК УАССР за 1943 г. по этой статье составил 74,069 тыс. руб. и на 14,53 тыс. руб. натурой [39, л. 26; 41, л. 71, 76].

При растущей востребованности КОВК условия их существования ухудшились. Из-за ухода колхозников на фронт и в промышленность сокращалась численность касс, их участников и количества взносов. Зачастую эти процессы имели обвальный характер и означали фактический распад довоенной сети КОВК. Вопрос о воссоздании КОВК, сборе задолженности по вступительным и паевым взносам часто выносился на рассмотрение сессий райсоветов и заседаний бюро райкомов партии [27, л. 5; 50, л. 44; 51, л. 4].

В середине войны уральская колхозная деревня подошла к кризисному состоянию сельхозпроизводства, высокой степени обезлюдения и обнищания [подробнее см.: 16, с. 64–87; 18, с. 237–286; 19, с. 153–215]. На 1943 г. пришлись пиковые значения свертывания сети КОВК. На совещании заведующих райсобесами Башкирии сообщалось о том, что КОВК существуют только в 35 % колхозов и работа их неудовлетворительна.

В Удмуртии лишь 20 райсобесов (из 37) прислали в 1943 г. отчетную информацию в Наркомат социального обеспечения республики (из которой видно, что количество касс за год сократилось в этих районах на 50 %.), оставшиеся 17 сообщали что КОВК у них либо бездействуют, либо их совсем нет. Единицами измерялось число касс и по районам Челябинской области: 6 касс на 76 колхозов в Аргаяшском районе, 1 – на 32 колхоза в Верхне-Уральском; в 18 районах КОВК отсутствовали [26, л. 98; 41, л. 69; 52, л. 49].

Меры по восстановлению КОВК предпринимались на протяжении всех военных лет. Но оценивая их итоги, надо делать поправку на «лукавые цифры» в отчетах. Большие показатели расширения системы касс, отраженные в сводках отделов социального обеспечения, следует воспринимать критически. Так, динамика КОВК по Чкаловской области с 1940 г. по 1944 г. показывает устойчивый, хотя и крайне медленный, рост: 87,2 %, 87,5 %, 87,5 %, 87,5 %.

94 %, 94,6 %, 95,1 % соответственно. Но составителями документа отмечено, что многие кассы «существуют формально» [29, л. 167]. Существенны и расхождения в численности членов КОВК и трудоспособных в сельхозартелях.

По Молотовской области в 1942 г. трудоспособных в 2027 колхозах было учтено 218195, а членов КОВК 109254 человека [53, л. 70]. Иной вариант соотношения трудоспособных колхозников и членов КОВК за 1942 г. был представлен в отчете Удмуртского Наркомсобеса: 185919 человек – и тех, и других. НКССО РСФСР потребовал уточнить эти сведения [40, л. 24, 49].

Главной причиной ослабления сети КОВК было сужение их материально-финансовой базы. Курганский облисполком в мае 1944 г. констатировал, что КОВК созданы только в 772 колхозах из 1900, никаких фондов не имеют и бездействуют [54, л. 8–9]. Выделение и освоение бюджетных средств на соцобеспечение сокращалось. К примеру, местным бюджетом Челябинской области на нужды КОВК (совместно со Всесоюзным обществом глухих и Всесоюзным обществом слепых) на 1941 г. выделялось в сумме 117 тыс. руб. (в 1942 г. они сократились более, чем на 13 % и составили 102 тыс. руб., лишь чуть более трети этой суммы – 35 тыс. руб., – отводилось непосредственно кассам). Средства, выделенные в области на социальное обеспечение, в 1941 г. были освоены лишь на 91,8 %, а в 1943 г. – всего на 66,8 % [55, л. 17; 56, л. 108, 119; 57, л. 44].

Объем членских взносов в КОВК пытались директивно увеличивать. Так, НКССО РСФСР в 1942 г. давал установку принимать членские взносы в размере 12 руб. НКССО Удмуртии это требование не выполнил, запланировав вдвое меньшую сумму, объясняя это средней величиной фактически принятых в большинстве районов размеров взносов (в 4–8 руб.) (несмотря на указания о 12 руб.). Нормы, которые диктовались сверху, были невыполнимы из-за тотального ухудшения материального положения и колхозников, и колхозов. Однако требования поднять размеры взносов продолжались. Курганский облисполком весной 1944 г. рекомендовал установить вступительные взносы в КОВК в размере 30 руб., а паевые взносы (отчисления от доходов) – 100 руб. в год [40, л. 49–50; 54, л. 8].

В связи с трудным положением колхозы сокращали, а нередко и вовсе прекращали дотации КОВК. Так, в 1943 г. КОВК Удмуртии получили 27,4 % планируемых денежных колхозных отчислений – 82885 руб., натуральные отчисления в этом году либо не были произведены, либо не нашли отражения в графе «Доходы» сметы, их расход исчислялся суммой в 334,25 тыс. руб. [40, л. 24; 41, л. 71, 76]. Неясно, можно ли их отнести к уставным фондам или это были продукты, которые выделялись за участие в колхозных воскресни-

ках по оказанию помощи семьям красноармейцев, инвалидам войны и детям, в 1943–1944 гг. перечислявшиеся КОВК и составлявшие в структуре доходов так называемые инициативные фонды.

Создание и использование фондов КОВК сопровождалось различными конфликтами. Типичными были срывы отчислений для КОВК со стороны колхозов. Такие случаи, например, массово наблюдались в сельхозартелях Миасского района Челябинской области в 1944 г. Зачастую фондами КОВК распоряжались правления, бывало, что правление во главе с председателем колхоза своими действиями полностью подменяло миссию КОВК [58, л. 43; 51, л. 3–4].

Уральские материалы свидетельствуют о том, что, хотя система КОВК в крае работала с перебоями, нужда в таких формах социальной поддержки ощущалась не только в деревне. Подобные организации возникали по инициативе инвалидов войны и пенсионеров при горсобесах; в районных военных комиссариатах при женских советах. В июле 1944 г. фронтовики Стерлитамакского района Башкирии выступили с инициативой организовывать в каждом колхозе, совхозе и МТС кассы общественной помощи инвалидам Великой Отечественной войны, семьям фронтовиков и сиротам [38, с. 183].

С 1943 г. результаты работы касс были введены в качестве критерия при подведении итогов социалистического соревнования между собесами. Лучшие кассы и их руководители поощрялись. Так, весной 1944 г. Почетную грамоту Президиума Верховного Совета Удмуртии получил председатель КОВК колхоза «Двигатель» Воткинского района Ф. Г. Глушков [59, л. 11; 41, л. 69].

Выводы

КОВК, находясь в сфере внимания партийных и советских органов, институционально и функционально являлись объектом социальной политики государства. Содержание их деятельности составляла социальная защита колхозного населения: социальная помощь нуждающимся путем разовых мер; социальное обеспечение путем предоставления социальных выплат (пенсий, пособий, стипендий, льгот) как гарантированных государством, так и определяемых ресурсами колхозов; социальное обслуживание через содержание на средства КОВК детских учреждений и ДПК. Несмотря на все трудности, нерешенные проблемы, на сокращение численности КОВК под давлением тыловой деревенской экстремальности, их сеть не была разрушена. При поддержке партийно-советской власти КОВК оставались массовыми общественными организациями, действовавшими на основе принципа взаимопомощи.

Литература

1. Webb, S. Soviet Communism: A New Civilization? / S. Webb, B. Webb. – Vol. II. – London : Longmans, Green and Co., LTD, 1936. – 590 p.
2. Бондарев, В. А. Социальная помощь в кол-

- хозах 1930-х годов: на материалах Юга России / В. А. Бондарев, Т. А. Самсоненко. – Новочеркасск : ЮРГТУ (НПИ), 2010. – 304 с.
3. Григорьев, В. С. Организация общественной взаимопомощи российского крестьянства (1921–1941 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / В. С. Григорьев. – М., 1997. – 38 с.
4. Димони, Т. М. Социальное обеспечение колхозников Европейского Севера России во второй половине XX века / Т. М. Димони // Северная деревня в XX веке: актуальные проблемы истории. Вып. 3. – Вологда : Легия, 2002. – URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/se/ern/aya/de/re/vna/5.htm> (дата обращения: 05.03.2023).
5. Еферица, Т. В. Факторы социальных рисков и модели социальной поддержки крестьянства (Вторая половина XIX – конец XX в.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Т. В. Еферица. – Саранск, 2004. – 40 с.
6. Бондарев, В. А. Селяне в годы Великой Отечественной войны: Российское крестьянство в годы Великой Отечественной войны (на материалах Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев) / В. А. Бондарев. – Ростов-н/Д. : СКНЦ ВШ, 2005. – 192 с.
7. Изюмова, Л. В. Деятельность касс общественной взаимопомощи в годы Великой Отечественной войны (по материалам европейского Севера России) / Л. В. Изюмова // Великая Отечественная война: Проблемы междисциплинарного осмысления : материалы Всероссийской научной конференции. – Вологда : Вологодский государственный университет, 2016. – С. 61–66.
8. Шестаков, О. И. Историография реализации социальной политики в 1920–1930-е годы / О. И. Шестаков // Россия и АТР. – 2003. – № 1 (39). – С. 62–73.
9. Ким, М. Ю. Социальная политика советской власти (1930-е гг.) в отечественной и зарубежной историографии / М. Ю. Ким, К. А. Кузоро // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 334. – С. 64–67.
10. Ахмадиев, Т. Х. Башкирская АССР в годы Великой Отечественной войны / Т. Х. Ахмадиев. – Уфа : Башкирское книжное изд-во, 1984. – 280 с.
11. Палецких, Н. П. Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны / Н. П. Палецких. – Челябинск : ЧГАУ, 1995. – 184 с.
12. Lewin, M. The Making of the Soviet System: Essays on the Social History of Interwar Russia / M. Lewin. – New York : The New Press, 1985. – 354 p.
13. Fitzpatrick, Sh. Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization / Sh. Fitzpatrick. – New York : Oxford University Press, 1994. – 386 p.
14. Graziosi, A. The Great Soviet Peasant War: Bolsheviks and Peasants, 1917-1933 / A. Graziosi. – Cambridge : Harvard University Press, 1996. – 77 p.
15. Madison, B. Contributions and Problems of Soviet Welfare Institutions / B. Madison // Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность / под ред. П. Романова, Е. Ярославской-Смирновой. – М. : Вариант : ЦСПГИ, 2007. – С. 68–83.
16. Корнилов, Г. Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / Г. Е. Корнилов. – Свердловск : Изд-во Уральского ун-та, 1990. – 221 с.
17. Корнилов, Г. Е. Уральское село и война. Проблемы демографического развития / Г. Е. Корнилов. – Екатеринбург : Уралагропресс, 1993. – 174 с.
18. Мотревич, В. П. Колхозы Урала в годы Великой Отечественной войны / В. П. Мотревич. – Свердловск : Изд-во Уральского ун-та, 1990. – 196 с.
19. Мотревич, В. П. Вклад в Победу: сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны : монография / В. П. Мотревич. – Екатеринбург : Альфа Принт, 2021. – 700 с.
20. Хисамутдинова, Р. Р. Сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны. Малоизвестные страницы / Р. Р. Хисамутдинова. – Оренбург : ОГПУ, 2002. – 300 с.
21. Палецких, Н. П. Кассы общественной взаимопомощи колхозников на Урале накануне и в годы Великой Отечественной войны / Н. П. Палецких // Труд во имя Победы: трудовые ресурсы и экономика Урала и Центральной Азии в годы Великой Отечественной войны : сборник научных статей. – Челябинск : Изд. центр ЮУрГУ, 2021. – С. 350–362.
22. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). – Ф. Р-948. – Оп. 1. – Д. 69.
23. Трудовое законодательство военного времени : сборник. – 2-е изд., доп. – М. : Изд-во ВЦСПС : Профиздат, 1943. – 191 с.
24. ОГАЧО. – Ф. Р-948. – Оп. 1. – Д. 9.
25. ОГАЧО. – Ф. Р-948. – Оп. 1. – Д. 93.
26. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). – Ф. 122. – Оп. 24. – Д. 751.
27. НА РБ. – Ф. 169. – Оп. 3. – Д. 8.
28. НА РБ. – Ф. 169. – Оп. 3. – Д. 44.
29. Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). – Ф. 371. – Оп. 8. – Д. 865.
30. Социальное обеспечение. – 1941. – № 7–8.
31. НА РБ. – Ф. 632. – Оп. 1. – Д. 236.
32. ОГАОО. – Ф. 371. – Оп. 6. – Д. 11.
33. РСФСР – фронту. 1941–1945 : документы и материалы / сост. Н. П. Беликова и др. – М. : Советская Россия, 1987. – 384 с.
34. Звезда. – 1941. – 2, 14 декабря.
35. ОГАЧО. – Ф. П-288. – Оп. 4. – Д. 276.
36. Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГАСПИ). – Ф. 105. – Оп. 7. – Д. 290.
37. ОГАЧО. – Ф. Р-948. – Оп. 1. – Д. 89.
38. Башкирия в годы Великой Отечественной войны : сборник документов и материалов. – Уфа : Китап, 1995. – 570 с.
39. ОГАОО. – Ф. 371. – Оп. 7. – Д. 185.

40. Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР). – Ф. 1109. – Оп. 1. – Д. 64.
41. ЦГА УР. – Ф. 1109. – Оп. 1. – Д. 82.
42. Удмуртия в Великой Отечественной войне, 1941–1945 : сборник документов / сост. Н. И. Зайцева и др. – Ижевск : Удмуртия, 1974. – 248 с.
43. НА РБ. – Ф. 444. – Оп. 1. – Д. 115.
44. ОГАОО. – Ф. 1893. – Оп. 3. – Д. 34.
45. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). – Ф. 830. – Оп. 1. – Д. 41.
46. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). – Ф. 4. – Оп. 38. – Д. 29.
47. ОГАОО. – Ф. 371. – Оп. 7. – Д. 188.
48. ГАСО. – Ф. 627. – Оп. 1. – Д. 47а.
49. ОГАЧО. – Ф. Р-948. – Оп. 1. – Д. 87.
50. Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики (ЦДНИ УР). – Ф. 16. – Оп. 14. – Д. 181.
51. Государственный архив общественно-политической документации Курганской области (ГАОПДКО). – Ф. 82. – Оп. 2. – Д. 671.
52. ОГАЧО. – Ф. П-288. – Оп. 8. – Д. 226.
53. ПермГАСПИ. – Ф. 105. – Оп. 11. – Д. 231.
54. Государственный архив Курганской области (ГАКО). – Ф. 1504. – Оп. 2. – Д. 2.
55. ОГАЧО. – Ф. Р-804. – Оп. 2. – Д. 32.
56. ОГАЧО. – Ф. Р-804. – Оп. 2. – Д. 48.
57. ОГАЧО. – Ф. Р-804. – Оп. 2. – Д. 71.
58. ОГАЧО. – Ф. П-288. – Оп. 8. – Д. 371.
59. ЦДНИ УР. – Ф. 16. – Оп. 14. – Д. 717.

Палецких Надежда Петровна – доктор исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин и русского языка как иностранного, Южно-Уральский государственный аграрный университет (Челябинск), e-mail: palenad@mail.ru. ORCID 0000-0001-5073-7914

Мирошниченко Мария Ильинична – доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной и зарубежной истории, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: mmi74@yandex.ru. ORCID 0000-0003-0545-2359

Журавлева Вера Анатольевна – доктор исторических наук, доцент кафедры социально-правовых и гуманитарных наук, филиал Южно-Уральского государственного университета (Златоуст), e-mail: zhuravlvera@yandex.ru. ORCID 0000-0002-1915-913X

Поступила в редакцию 30 апреля 2023 г.

DOI: 10.14529/ssh230301

PUBLIC MUTUAL ASSISTANCE FUNDS AS AN INSTITUTE OF SOCIAL PROTECTION FOR COLLECTIVE FARMERS ON THE EVE AND DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (MATERIALS OF THE URAL ARCHIVES)

N. P. Paletskikh¹, M. I. Miroshnichenko², V. A. Zhuravleva³

¹*South Ural State Agrarian University, Chelyabinsk, Russian Federation*

²*South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation*

³*South Ural State University (Branch), Zlatoust, Russian Federation*

The article highlights a little-studied form of social protection of the eve and during the Great Patriotic War – public mutual assistance funds for collective farmers. The party and state policy and the activities of the authorities to preserve and develop the system of funds were studied and the evolution of their network were studied in materials from the Greater Urals (Bashkir ASSR, Udmurt ASSR, Kurgan, Molotov, Chelyabinsk, Chkalov regions). The problems that arose in the public mutual assistance funds for collective farmers, primarily related to the formation of their material and financial resource base and adaptation in wartime conditions, were identified. The differences between the two stages of development (pre-war and war) of the funds as an institution of social protection of collective farmers, which arose in line with the Soviet social policy in the collectivized village on the «from the bottom up» initiative, was revealed. It was concluded that social assistance, social support, and social services have become the three main areas in the activities of public mutual assistance funds for collective farmers, and despite the unfavorable conditions during the years of war, this social institution was not destroyed and continued to perform its functions.

Keywords: social policy, social protection, social support departments, funds of public mutual assistance of collective farmers, Urals, Great Patriotic War.

References

1. Webb S., Webb B. Soviet Communism: A New Civilisation? Vol. II. London: Longmans, Green and Co., LTD, 1936. 590 p.
2. Bondarev V.A., Samsonenko T.A. Sotsial'naya pomoshch' v kolkhozakh 1930-kh godov: na materialakh Yuga Rossii [Social Assistance on Collective Farms in the 1930s: Based on the Materials of the South of Russia]. Novocherkassk: YURGTU (NPI), 2010. 304 s.
3. Grigor'ev V. S. Organizatsiya obshchestvennoi vzaimopomoshchi rossiiskogo krest'yanstva (1921–1941 gg.) [Organization of Public Mutual Assistance of the Russian Peasantry (1921–1941)]: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk. M., 1997. 38 s.
4. Dimoni T.M. Sotsial'noe obespechenie kolkhoznikov Evropeiskogo Severa Rossii vo vtoroi polovine XX veka [Social Security of Collective Farmers of the European North of the Second Half of the 20th Century] // *Severnaya derevnya v XX veke: aktual'nye problemy istorii*. Vyp. 3. Vologda: Legiya, 2002. URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/se/ern/aya/de/re/vna/5.htm> (data obrashcheniya: 05. 03. 2023).
5. Eferina T.V. Faktory sotsial'nykh riskov i modeli sotsial'noi podderzhki krest'yanstva (Vtoraya polovina XIX – konets XX v.) [Social Risk Factors and Models of Social Supports for the Peasantry (Second Half of the 19th – End of the 20th Centuries)]: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk. Saransk, 2004. 40 s.
6. Bondarev V.A. Selyane v gody Velikoi Otechestvennoi voyny: Rossiiskoe krest'yanstvo v gody Velikoi Otechestvennoi voyny (na materialakh Rostovskoi oblasti, Krasnodarskogo i Stavropol'skogo kraev) [Peasants During the Great Patriotic War: Russian Peasantry During the Great Patriotic War (Based on the Materials of the Rostov Region, Krasnodar and Stavropol Territories)]. Rostov-n/D.: SKNTS VSH, 2005. 192 s.
7. Izyumova L.V. Deyatel'nost' kass obshchestvennoi vzaimopomoshchi v gody Velikoi Otechestvennoi voyny (po materialam evropeiskogo Severa Rossii) [The Activities of Public Mutual Assistance Funds During the Great Patriotic War (Based on Material from the European North of the Russia)] // *Velikaya Otechestvennaya voina: Problemy mezhdistsiplinarnogo osmysleniya: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii*. Vologda: Vologodskiy gosudarstvennyy universitet, 2016. S. 61–66.
8. Shestak O.I. Istoriografiya realizatsii sotsial'noi politiki v 1920–1930-e gody [Historiography of the Implementation of Social Policy in the 1920s–1930s] // *Rossiya i ATR*. 2003. № 1 (39). S. 62–73.
9. Kim M.Y., Kuzoro K.A. Sotsial'naya politika sovetskoj vlasti (1930-e gg.) v otechestvennoi i zarubezhnoi istoriografii [Social Policy of the Government (1930s) in Domestic and Foreign Historiography] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2010. № 334. S. 64–67.
10. Akhmadiev T.K. Bashkirskaya ASSR v gody Velikoi Oteche-stvennoi voyny [Bashkir ASSR during the Great Patriotic War]. Ufa: Bashkirskoe knizhnoe izd-vo, 1984. 280 s.
11. Paletskikh N.P. Sotsial'naya politika na Urale v period Velikoi Otechestvennoi voyny [Social policy in the Urals during the Great Patriotic War]. – Chelyabinsk: CHGAU, 1995. 184 s.
12. Lewin M. The Making of the Soviet System: Essays on the Social History of Interwar Russia. New York: The New Press, 1985. 354 p.
13. Fitzpatrick Sh. Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization. New York: Oxford University Press, 1994. 386 p.
14. Graziosi A. The Great Soviet Peasant War: Bolsheviks and Peasants, 1917–1933. Cambridge: Harvard University Press, 1996. 77 p.
15. Madison B. Contributions and Problems of Soviet Welfare In-stitutions // *Sovetskaya sotsial'naya politika 1920–1930-kh godov: ideologiya i povsednevnost'*; pod red. P. Romanova, E. Yarskoy-Smirnovoy. M.: Variant: TsSPGI, 2007. S. 68–83.
16. Kornilov G.E. Ural'skaya derevnya v period Velikoi Otechestvennoi voyny (1941–1945 gg.) [Ural Village During the Great Patriotic War (1941–1945)]. Sverdlovsk: Izd-vo Ural'skogo un-ta, 1990. 221 s.
17. Kornilov G.E. Ural'skoe selo i voina. Problemy demo-graficheskogo razvitiya [Ural Village and War. Problems of Demographic Development]. Ekaterinburg: Uralagropress, 1993. 174 s.
18. Motrevich V.P. Kolkhozy Urala v gody Velikoi Otechestvennoi voyny [Collective Farms of the Urals During the Great Patriotic War]. Sverdlovsk: Izd-vo Ural'skogo un-ta, 1990. 196 s.
19. Motrevich V.P. Vklad v Pobedu: sel'skoe khozyaistvo Urala v gody Velikoi Otechestvennoi voyny: monografiya [Contribution to the Victory: Ural agriculture during the Urals During the Great Patriotic War]. Ekaterinburg: Alfa Print, 2021. 700 s.
20. Khisamutdinova R. R. Sel'skoe khozyaistvo Urala v gody Velikoi Otechestvennoi voyny. Maloizvestnye stranitsy [Agriculture of the Urals During the Great Patriotic War. Little Known Pages]. Orenburg: OGPU, 2002. 300 s.

21. Paletskikh N.P. Kassy obshchestvennoi vzaimopomoshchi kol-khoznikov na Urale nakanune i v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Public Mutual Assistance Funds for Collective Farmers in the Urals on the Eve of and During the Great Patriotic War] // *Trud vo imya Pobedy: trudovye resursy i ehkonomika Urala i Tsentral'noi Azii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny*: sbornik nauchnykh statey. Chelyabinsk: Izd. tsentr YuUrGU, 2021. S. 350–362.
22. Ob"edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Chelyabinskoi oblasti (OGACHO) [United State Archive of the Chelyabinsk Region (USACR)]. F. R-948. Op. 1. D. 69.
23. Trudovoe zakonodatel'stvo voennogo vremeni [Wartime Labor Legislation]: sbornik. 2-e izd., dop. M.: Izd-vo VTsSPS: Profizdat, 1943. 191 s.
24. OGACHO [USACR]. F. R-948. Op. 1. D. 9.
25. OGACHO [USACR]. F. R-948. Op. 1. D. 93.
26. Natsional'nyi arkhiv Respubliki Bashkortostan (NA RB) [National Archives of Republic of Bashkortostan (NA RB)]. F. 122. Op. 24. D. 751.
27. NA RB [NA RB]. F. 169. Op. 3. D. 8.
28. NA RB [NA RB]. F. 169. Op. 3. D. 44.
29. Ob"edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti (OGAOR) [United State Archive of the Orenburg Region (USAOR)]. F. 371. Op. 8. D. 865.
30. Sotsial'noe obespechenie [Social Security]. 1941. № 7–8.
31. NA RB [NA RB]. F. 632. Op. 1. D. 236.
32. OGAOR [USAOR]. F. 371. Op. 6. D. 11.
33. RSFSR – frontu. 1941–1945 [RSFSR – to the Front]: dokumenty i materialy; sost. N.P. Belikova i dr. M.: Sovetskaya Rossiya, 1987. 384 s.
34. Zvezda [Star]. 1941. 2, 14 dekabrya.
35. OGACHO [USACR]. F. P-288. Op. 4. D. 276.
36. Permskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii (PermGASPI) [Perm State Archive of Socio-Political History (PSASH)]. F. 105. Op. 7. D. 290.
37. OGACHO [USACR]. F. R-948. Op. 1. D. 89.
38. Bashkiria v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: sbornik dokumentov i materialov [Bashkiria During the Great Patriotic War]. Ufa: Kitap, 1995. 570 s.
39. OGAOR [USAOR]. F. 371. Op. 7. D. 185.
40. Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Udmurtskoi Respubliki (TSGA UR) [Central State Archive of the Udmurt Republic (CSA UR)]. F. 1109. Op. 1. D. 64.
41. TSGA UR [CSA UR]. F. 1109. Op. 1. D. 82.
42. Udmurtiya v Velikoi Otechestvennoi voine, 1941–1945 [Udmurtia in the Great Patriotic War, 1941–1945]: sbornik dokumentov / sost. N.I. Zaytseva i dr. Izhevsk: Udmurtiya, 1974. 248 s.
43. NA RB [NA RB]. F. 444. Op. 1. D. 115.
44. OGAOR [USACR]. F. 1893. Op. 3. D. 34.
45. Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoi oblasti (GASO) [State Archive of the Sverdlovsk Region (SASR)]. F. 830. Op. 1. D. 41.
46. Tsentr dokumentatsii obshchestvennykh organizatsii Sverdlovskoi oblasti (TSDOOSO) [Center for Documentation of Public Organization of the Sverdlovsk Region (CDPOSR)]. F. 4. Op. 38. D. 29.
47. OGAOR [USAOR]. F. 371. Op. 7. D. 188.
48. GASO [SASR]. F. 627. Op. 1. D. 47a.
49. OGACHO [USACR]. F. R-948. Op. 1. D. 87.
50. Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Udmurtskoi Respubliki (TSDNI UR) [Center for Documentation of the Modern History of the Udmurt Republic (CDMHUR)]. F. 16. Op. 14. D. 181.
51. Gosudarstvennyi arkhiv obshchestvenno-politicheskoi dokumentatsii Kurganskoi oblasti (GAOPDKO) [State Archive of Socio-Political Documentation of the Kurgan Region (SASDKR)]. F. 82. Op. 2. D. 671.
52. OGACHO [USACR]. F. P-288. Op. 8. D. 226.
53. PermGASPI [PSASH]. F. 105. Op. 11. D. 231.
54. Gosudarstvennyi arkhiv Kurganskoi oblasti (GAKO) [State Archive of the Kurgan Region (SAKR)]. F. 1504. Op. 2. D. 2.
55. OGACHO [USACR]. F. R-804. Op. 2. D. 32.
56. OGACHO [USACR]. F. R-804. Op. 2. D. 48.
57. OGACHO [USACR]. F. R-804. Op. 2. D. 71.
58. OGACHO [USACR]. F. P-288. Op. 8. D. 371.
59. TSDNI UR [USACR]. F. 16. Op. 14. D. 717.

Nadezhda P. Paletskikh – D. Sc. (History), Associate Professor of the Department of Social Sciences, Humanities, and Russian as a Foreign Language, South Ural State Agrarian University (Chelyabinsk), e-mail: palenad@mail.ru

Maria I. Miroshnichenko – D. Sc. (History), Associate Professor of the Department of Russian and Foreign History, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: mmi74@yandex.ru

Vera A. Zhuravleva – D. Sc. (History), Associate Professor of the Department of Socio-Legal Sciences and Humanities, South Ural State University (Branch) (Zlatoust), e-mail: zhuravlvera@yandex.ru

Received April 30, 2023

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Палецких, Н. П. Кассы общественной взаимопомощи как институт социальной защиты колхозников накануне и в годы Великой Отечественной войны (на материалах уральских архивов) / Н. П. Палецких, М. И. Мирошниченко, В. А. Журавлева // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2023. – Т. 23, № 3. – С. 6–15. DOI: 10.14529/ssh230301

FOR CITATION

Paletskikh N. P., Miroshnichenko M. I., Zhuravleva V. A. Public Mutual Assistance Funds as an Institute of Social Protection for Collective Farmers on the eve and during the Great Patriotic War (Materials of the Ural Archives). *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2023, vol. 23, no. 3, pp. 6–15. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh230301

РОЛЬ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ В 90-е гг. XX в. В КОНТЕКСТЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

А. В. Самохина, А. Л. Худобородов

*Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет,
г. Челябинск, Российская Федерация*

Эпоха девяностых годов в России характеризуется увеличивающимся влиянием средств массовой информации, что, в первую очередь, было связано с глобальной информатизацией общества. С помощью медийного ресурса происходит становление «нового» демократического сознания людей. Весь период «перестройки» и 1990-х гг. формировалась новая модель взаимодействия власти и СМИ, которая устойчиво продолжает действовать и сейчас. Особенность современного периода заключается во всё более возрастающей роли СМИ и их влиянии на информационную безопасность России. С этой точки зрения нам важно извлечь уроки, как позитивные, так и негативные, из опыта «переходного» периода и той «прививки», которую граждане России получили в 1990-е гг. в процессе организации деятельности и функционирования СМИ. Цель статьи – изучить роль СМИ в политической жизни одного из крупных регионов России – Челябинской области – в 1990-е гг. Методы исследования: сравнительно-исторический, проблемно-хронологический, историко-системный. В результате исследования авторы статьи проанализировали исторический опыт развития и роль СМИ «переходного периода» России, в частности, взаимодействие СМИ с властью региона, а также влияние СМИ на переформатирование сознания населения области при ключевой роли СМИ в этом процессе. Сформулированные выводы и практические рекомендации позволят использовать данные научные результаты для совершенствования модели взаимодействия региональных органов власти и СМИ в рамках обеспечения национальных интересов современной России.

Ключевые слова: средства массовой информации, иноагент, информационная безопасность, Челябинская область, Россия.

Введение

В условиях современного мира и глобальной информатизации общества особым социальным институтом, обладающим значительным влиянием и ресурсами, являются средства массовой информации (далее СМИ). Они трансграничны и способны ежедневно формировать повестку дня, оказывая воздействие на сознание и поведение людей. Отсюда основой национальной безопасности и благополучия в современных условиях становится обеспечение информационной и кибербезопасности государства. Органы государственной власти Российской Федерации на всех уровнях напрямую заинтересованы в развитии и совершенствовании взаимоотношений со средствами массовой информации, в поиске новых форм и методов взаимодействия в сфере информации, в уменьшении количества иноагентов на территории нашей страны, в том числе в реализации практических шагов в этом направлении.

Под лозунгами «нового мышления», «демократизации» и «деидеологизации» в период «перестройки» – начале 1990-х гг. по всей России и в Челябинской области резко возросло количество печатных изданий разной направленности. Традиционным осталось развитие радио и телевидения. В середине 1990-х гг., по данным социологического опроса, наибольшей популярностью пользовалось областное радио, ему доверяло 80 %

населения Челябинской области, т. е. радио имело самую большую аудиторию [1, с. 122]. Телевидению доверял 71 % населения Челябинской области [1, с. 119]. Жители Челябинской области в основном смотрели такие федеральные телеканалы, как «ОРТ», «НТВ», «РТР», а также местные телеканалы: «ЧГТРК», «Восточный экспресс», «ОТВ», «31 канал (Югра)».

Газеты занимали третье место среди источников получения информации. Наибольшей популярностью пользовались следующие местные газеты (официальные издания): «Челябинский Рабочий», «Южноуральская панорама», «Челябинск за неделю», «Вечерний Челябинск», «Деловой Урал»; рекламные и коммерческие издания – «Челябинская неделя», «Возрождение Урала», «Соседи», «Челябинская губерния», «Городской дилижанс», «Синегорье», «Итоги 74», «МК-Урал», «Теле-7»; оппозиционное издание «Новая газета».

В 1990-е гг. в России появляется интернет, который со временем получает все большее распространение. Однако в исследуемый период заметным влиянием он еще не обладал.

Цель статьи – изучить роль средств массовой информации в политической жизни Челябинской области в 90-е гг. XX в.

Авторы статьи в рамках проведенного исследования решили важную научную задачу – выявить роль средств массовой информации, которую

они стали играть в 1990-е гг. в политической жизни региона, а также их влияние на переформатирование сознания населения области, что в еще большей степени имеет тенденцию усиления в современных реалиях. В связи с этим необходимо гарантировать защиту информационной безопасности современной России.

Обзор литературы

Изучение роли средств массовой информации в современном мире вызывает глубокий интерес ученых. В основном внимание зарубежных исследователей сосредоточено на изучении проблем кибербезопасности, повышении ее роли, что, в первую очередь, связано с цифровизацией экономики. Уничтожение или изменение информации, хранящейся на компьютерах, в результате кибервойн и хакерских атак может привести к потере данных и репутации, огромному финансовому ущербу, разрушению предприятий и даже целых государств [2, 3]. Роль и влияние СМИ учеными исследуются в контексте формирования образа жизни современного общества, причем в плане как обеспечения информацией, так и предоставления населению различных услуг через сеть интернет – работа магазинов, просмотр фильмов, чтение книг, дистанционное обучение и дистанционная работа [4–6].

Данная проблематика находит отражение и в исследованиях российских ученых. Вопросы медиакоммуникаций и интернет-маркетинга в условиях цифровой цивилизации изучает Л. П. Шестеркина [7]. Автор известна также своими работами в области развития экранных коммуникаций и их влияния на мировоззрение, самоидентификацию людей в условиях современной медиаиндустрии [8].

Российские ученые в своих трудах особое внимание уделяют изучению информационной безопасности детей в современном мире [9], воздействия экологических СМИ на молодежную аудиторию [10], применения цифровых технологий в сфере образования [11], международному сотрудничеству по обеспечению информационной безопасности [12]. Отдельно следует отметить работы, посвященные исследованию последствий цифровой трансформации медиасреды, меняющейся архитектуры медиа и ее влияния на современное общество [13]. На уровне регионов России исследуются проблемы взаимоотношения власти и СМИ, участие СМИ в выборах, а также роль местной прессы в общественно-политической жизни регионов [14–16]. Однако необходимо отметить, что изучение роли СМИ в политической жизни Челябинской области в 1990-е гг. в контексте информационной безопасности современной России отсутствует, что в еще большей степени актуализирует наше исследование.

Методы исследования

В данной научной статье авторы используют положения формационной теории, согласно кото-

рой переходный период развития России в 1990-е гг. – от социализма к капитализму – и такие процессы, как «перестройка», «гласность» и «демократизация», определили особенности взаимодействия органов государственной власти Челябинской области и СМИ региона. Принципы формационного подхода применены к исследованию социально-политических процессов, анализу функционирования СМИ, общественных противоречий, роли журналистского сообщества в системе политических отношений Челябинской области исследуемого периода. Важное значение в изучении истории России и ее регионов имеет теория модернизации, которая позволяет понять особенности социальных перемен и ту роль, которую стали играть СМИ в переломный период конца XX – начала XXI вв.

Сравнительно-исторический метод позволил исследовать эволюцию роли СМИ в контексте информационной безопасности современной России и в тесной связи с исторической обстановкой на протяжении качественно различных этапов исторического развития. Проблемно-хронологический метод позволил сосредоточиться на изучении конкретных проблем и сложностей в отношении средств массовой информации и органов государственной власти Челябинской области в хронологической последовательности. Историко-системный метод предполагал изучение событий и процессов как причинно-обусловленных и функционально связанных, он дал возможность рассмотреть роль СМИ в 1990-е гг. в Челябинской области в контексте изменения общефедеральной системы отношений власти и СМИ.

Результаты и дискуссия

Роль средств массовой информации в современных политических процессах многофункциональна и становится настолько разносторонней, насколько сложной и насыщенной является жизнь российского общества. Средства массовой информации, отражая социальную реальность, при этом создают виртуальный аналог социальной действительности. В свою очередь это означает, что население взаимодействует с действительностью в том виде, в котором она отражена в СМИ, т. е. средства массовой информации могут напрямую манипулировать сознанием людей, конструируя собственную реальность. С этой точки зрения на первый план выходит проблема достоверности информации, а также обеспечения информационной безопасности государства.

1990-е гг. можно охарактеризовать как транзитный, переходный период становления российских средств массовой информации. В результате в России появилось множество телеканалов, радиостанций, печатных изданий – проправительственных, партийных, оппозиционных «независимых», рекламных, деловых, религиозных, казачьих, развлекательных, эротических, которые могли

финансироваться не только государством, но и различными организациями, частными лицами, состоятельными покровителями, в том числе из-за рубежа. Особенностью развития средств массовой информации в Челябинской области являлось то, что наряду с центральными телеканалами, радиостанциями, печатными изданиями существовали и местные каналы, радиостанции и печатные издания, придающие своеобразие региональным СМИ.

В конце XX в. российское государство и общество находились в кризисном состоянии [17, л. 220]. Реформы 1990-х гг. выявили и обострили негативные тенденции в российском обществе, что напрямую нашло отражение в региональном информационном пространстве, которое в целом демонстрировало общероссийскую картину и являлось довольно насыщенным по спектру проблем и вопросов, рассматриваемых и обсуждаемых. Наряду с этим начинаются процессы, связанные с демократизацией, гласностью, которые впоследствии приобрели необратимый характер. Выразилось это прежде всего в изменении стиля работы. Средствам массовой информации «сверху» было разрешено публиковать материалы с целью критики советской власти, государственных институтов СССР разных уровней, основного закона государства – Конституции СССР, коммунистической партии, наблюдалось ослабление цензуры, задачей которой по заявлению М. С. Горбачева «...остается лишь препятствовать появлению в прессе государственных и военных секретов, порнографии» [18, л. 9]. Среди обязательных появились темы, связанные с «ускорением», «рационализаторством», «плюрализмом», которые продавливались «сверху», т. е. население, таким образом, толкали к «перестройке». Резко возросло количество острых, злободневных публикаций, таких как публикации о борьбе с пьянством и алкоголизмом, о наркомании, сексе, СПИДе, мафии, криминале, о проблеме воровства, «нетрудовых» доходов населения. Нормой стали статьи о взаимоотношениях СССР и США, очень часто с публикацией американского флага. На страницах областной прессы появляются статьи о приватизации, о проблеме резкого роста цен, о падении уровня жизни населения, о криминальной ситуации в стране, что в советский период и представить себе было невозможно. В свою очередь всё это напрямую влияло на переформатирование сознания населения.

В 1990-е гг. развитие российского государства как демократического предусматривало появление СМИ, которые призваны были выражать разные точки зрения. Не утратила своего значения базовая функция СМИ – информирование. Проводились совещания по проблемам печати, регулярные встречи региональной власти с представителями СМИ. При этом контроль в 1990-е гг. продолжает частично сохраняться и осуществляется государством как в период Советского Союза, когда сред-

ства массовой информации выступали в качестве инструмента политики КПСС. Случаи, когда главному редактору на газете красной ручкой на уровне первого секретаря обкома партии могли написать «поблагодарите этого журналиста», «вот это очень хорошо», «а вот этого лучше не надо» [19, л. 10], были достаточно часто.

Необходимо отметить, что на начальном этапе исследуемого периода в большей степени использовались традиционные подходы во взаимодействии власти и СМИ в Челябинской области, чему способствовало сохранение в органах власти «старой» советской номенклатуры. Выражалось это в высоком уровне контроля со стороны партийных комитетов за средствами массовой информации, цензуре, вопросами кадровой политики – большинство руководящих работников редакций являлись номенклатурными работниками. Так, например, главным редактором «Челябинского рабочего» в 1991 г. был избран Б. Н. Киришин, который работал в газете с 1971 г. и прошел все ступени карьерной лестницы. Редактором «Вечернего Челябинска» с 1990 по 2000 гг. был член союза журналистов СССР А. В. Драгунов, под руководством которого газета была реорганизована из партийного органа в независимое издание. В 2000 г. А. В. Драгунов возглавил коллектив редакции региональной общественно-политической газеты «Южноуральская панорама».

В начале 1990-х гг. кадровая политика становится более жесткой. С должности снимались коммунисты, которые не могли принять, а значит, и транслировать «идеи нового времени». Кадровые решения в отношении СМИ принимались на самом высоком уровне, большинство назначений курировалось непосредственно должностными лицами органов власти. Так, с 1992 г. в г. Челябинске впервые начинается вещание на 23 ТВК – первом независимом телеканале города. С 1995 г. 23 ТВК усиливается благодаря вхождению телерадиоцентра «Восточный экспресс» в состав ОАО «Челябинсксвязьинформ». Организатором, идеологом и директором нового негосударственного телеканала «Восточный экспресс» стал журналист, один из основателей и главный редактор первого российского информационно-коммерческого еженедельника «Контакт» (1988), заслуженный работник культуры Российской Федерации Ю. В. Вишня. С 1993 г. началось техническое вещание на собственном ТВ-36 канале – первом «коммерческом» телевизионном канале г. Челябинска – Государственной телевизионной и радиовещательной компании «Южный Урал», генеральным директором которого стал Н. Б. Яровой – токарь, инженер, экономист, работавший на различных промышленных предприятиях г. Челябинска и не связанный с партийной работой.

К середине 1990-х гг. во взаимоотношениях региональной власти и СМИ происходят значи-

тельные изменения. Прежде всего это выразилось в усилении самостоятельности деятельности СМИ, полной отмене цензуры, финансовой независимости отдельных СМИ, самостоятельном решении кадровых вопросов: подбор журналистов нередко из журналистских династий, редколлегии – это была прерогатива главного редактора. Кроме того, СМИ во многом стали сами определять информационную повестку, которая зависела, в том числе, от идеологических предпочтений самих редакторских коллективов, издания получили возможность изменять формат газеты, организовывать приложения, спецвыпуски, например, посвященные теме НЛО и всевозможной мистики, популярной в 1990-е гг., которые давали колоссальный прирост подписчиков. В практику вошло зарабатывание денег на рекламе, обеспечивающее материальную независимость, так называемое «информационное обслуживание», т. е. публикация заказных материалов, которые оплачивали как рекламу. Причем очень часто печатали материалы сомнительного содержания – информацию о финансовых пирамидах, о девушках, с номерами телефонов. Материалы такие заказчики писали сами, газеты только их публиковали. Зачастую газеты сотрудничали с ними, так как они платили хорошие деньги, а газетам нужно было «выжить», поэтому и публиковали всякое. В 1992 г. у газеты «Челябинский Рабочий» появилось приложение – газета бесплатных частных объявлений «Тумба», а в июле 1995 г. – информационно-рекламное издание «Челяба».

Вместе с тем в этот период идет поиск новых путей взаимодействия региональной власти, «свободных» СМИ и населения. Так, при администрации Челябинской области начинает работать пресс-служба губернатора Челябинской области. Основной задачей пресс-службы являлось обеспечение реализации губернатором полномочий в области информационной политики с целью формирования единого информационного пространства в Челябинской области. Кроме того, пресс-служба обеспечивала взаимодействие губернатора области со СМИ, в том числе в рамках проведения пресс-конференций, интервью, брифингов, информировала население области о его деятельности, а также сопровождала в официальных визитах и рабочих поездках по стране и за рубежом.

В практику входит выпуск совместных с органами региональной власти тематических номеров, а также газет, учредителями которых являются органы власти, освещающих их деятельность, деятельность должностных лиц и публикующих официальные документы. Такая ситуация может быть объяснена двумя факторами: с одной стороны, это был вопрос выживания для газет в условиях развития рыночной экономики, с другой стороны, таким образом был организован процесс взаимодействия народа и власти. В редакцию населения Челябинской области отправляло свои вопро-

сы и предложения к власти, в том числе и самые острые. Дальше отвечала власть, как она видит решение проблем, которых было на самом деле очень много. Редакция газеты сама разделяла все это по направлениям, часть из которых исходила от губернатора, часть от его заместителей. Так, в Челябинской области к таким изданиям можно отнести газету «Южноуральская панорама», учредителями которой является Правительство и Законодательное собрание Челябинской области. Главный редактор газеты «Призыв» Татьяна Гончарова вспоминает о своей деятельности в газете «Южноуральская панорама»: «Мне нравилось работать в газете, ... кроме обычных интервью, я делала “интервью без галстука” с заместителями губернатора, руководителями профильных комитетов Законодательного Собрания. Многие из них меня действительно впечатлили своими умениями, необычным мышлением, памятью, способной удерживать множество цифр и фактов, отношением к себе и к людям» [20]. Главный редактор «ЧелябинскСегодня» Александр Файрузов, также работавший в «Южноуральской панораме», заявляет следующее: «Без общения с губернатором и депутатами областного парламента не обошлось, однако нам удалось сделать из этого интересные и живые репортажи с мест событий» [20].

В рамках подготовки к выборам редакции предоставляют площадки для кандидатов. В начале 1990-х гг. в Челябинской области действовало два губернатора – В. П. Соловьев и П. И. Сумин. Данная ситуация в региональной прессе получила название «Двоевластие» и очень подробно освещалась в местной прессе [21, 22]. В Челябинской области в 1996 г. вслед за президентскими выборами проходят выборы губернатора. В этот раз в них участвовало несколько претендентов – П. И. Сумин, В. П. Соловьев, В. И. Головлев, В. К. Гартунг, В. П. Уткин, М. И. Гришанков, В. В. Филичкин. Каждому кандидату в губернаторы «...выделялось 400 тыс. рублей на ведение предвыборной кампании» [23, с. 1]. Публикация всех материалов в местной прессе оплачивалась в соответствии с законом и расценками газеты. Часть кандидатов публиковалась бесплатно, но только в пределах определенного объема, а за все, что свыше, нужно было доплачивать. По содержанию эти материалы представляли информацию личного характера о кандидатах, характеристику их профессиональных достижений, программу дальнейшего развития региона.

Появляются первые, пусть и рамочные законы о СМИ. На федеральном уровне 27 декабря 1991 г. был принят закон № 2124-1 «О средствах массовой информации» [24]. В 1990-е гг. в Челябинской области принимаются свои нормативно-правовые акты в области СМИ [25].

С 1998 г. ежегодно в Челябинской области проводится журналистский конкурс «Фестиваль

средств массовой информации Челябинской области» с целью более полного и объективного информирования населения о социально-политической и культурной жизни Челябинской области через СМИ, а также повышения значимости журналистских работ и стимулирования творческого роста работников редакций СМИ.

Формируются государственные институты контроля за СМИ. Среди основных форм и методов контроля СМИ можно выделить следующие: привлечение к ответственности директоров и редакторов, принудительное закрытие теле-радиозданий-нарушителей, судебные разбирательства о фактах нарушения законодательства о СМИ, обращение в прокуратуру, государственное финансирование СМИ, дотации. Вместе с тем в структуре управления Челябинской области появляются новые органы государственной власти – главное управление информации и общественных связей (И. В. Томский), главное управление печати, телекоммуникаций, полиграфии и издательств (В. В. Понуров), управление информационных систем и технологий (О. В. Логиновский). Их главной задачей было осуществление контроля региональных СМИ, объединение представителей СМИ региона, совместное решение вопросов развития СМИ региона, повышение профессионального уровня представителей СМИ, в том числе организация обучения в системе высшего образования на бюджетных местах.

Средства массовой информации во многом являются творцом политической реальности, это не просто средство, но относительно самостоятельный актор общественно-политического процесса, одной из функций которого является формирование общественного мнения. В настоящее время российское и наше региональное информационное пространство – телеканалы, радиостанции, печатные издания, службы интернета – насыщено информацией. Усиливающаяся амбивалентность общественно-политических процессов – наличие института независимых демократических СМИ, а также СМИ, подчиненных чьим-то интересам, в том числе зарубежных стран, – не всегда совпадает, а порой даже наносит вред интересам российского общества. В условиях развязанной информационной войны против нашего государства западными странами Россия уже ведет борьбу за свою информационную безопасность. В частности, принятие Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» [26] существенно ограничило или даже прекратило деятельность некоторых СМИ, признанных иноагентами. Необходимо отметить, что на Южном Урале в активном капитале некоторых челябинских изданий имеется доля иностранных инвесторов – «Челябинский рабочий», «ТелеСемь–Челябинск», «Metro International», медиахолдинг «Гранада

пресс» и телеканал «СТС-Челябинск» [27]. Однако очевидно, что предпринимаемых мер явно недостаточно, и эту борьбу нужно продолжать.

Учитывая данную ситуацию, а также, безусловно, опыт 1990-х гг. мы сформулировали практические рекомендации в реализации государственной политики в отношении СМИ и обеспечении информационной безопасности, которые могут быть использованы в Челябинской области в наше время:

1. Совершенствование и разработка нового законодательства, напрямую запрещающего публикацию материалов русофобского контента вплоть до привлечения к уголовной ответственности.

2. Выдворение за пределы Российской Федерации всех лиц, признанных иноагентами и наносящих вред государству и его гражданам, без возможности вернуться обратно.

3. Закрытие всех средств массовой информации, финансируемых из-за рубежа.

4. Значительное сокращение, исключение показа кино- и телефильмов недружественных России стран.

5. Контроль со стороны государства в отношении кадровой политики, а именно: назначение государством в лице его компетентных должностных лиц на должности директоров, руководителей, главных редакторов важнейших средств массовой информации.

6. Защита от информационной агрессии наиболее уязвимых групп населения – молодежи, в частности, установление запрета посещения определенных сайтов в интернете, распространения вредоносных игр, разрушающих психику детей, мобильных приложений этого же контента.

7. Развитие специальных государственных и гражданских институтов контроля за средствами массовой информации («Народный контроль за СМИ»).

8. Увеличение объема трансляции посредством теле- и радиопередач, публикаций в газетах, посвященных традиционной русской и других народов России культуры, чего на сегодняшний день явно недостаточно или практически отсутствует.

Выводы

В последние десятилетия мир переживает период перехода от «индустриального общества» к «обществу информационному». Уровень развития информационного пространства общества решающим образом влияет на экономику, обороноспособность и политику. От этого уровня в значительной степени зависят поведение людей и социальная стабильность в обществе и государстве. Главное же влияние средств массовой информации на политику осуществляют через информационный процесс, когда СМИ не просто информируют, но и пропагандируют определенные идеи, взгляды, тем самым участвуют в социальном управлении.

В 1990-е гг. в Челябинской области цель деятельности средств массовой информации, воздействующих на целевую аудиторию в политической сфере, потребляющую медийный продукт, существенно меняется, а именно: главным становится получение прибыли или лоббирование чьих-то интересов. В этом отношении СМИ сложно назвать независимыми, в любом случае это будет многослойный клубок чьих-то финансовых интересов, и прежде всего тех, кто хорошо себе представляет роль СМИ и напрямую заинтересован в информационном ресурсе. Одно дело, когда такие СМИ создаются и финансируются органами региональной государственной власти, работают в национальных интересах, и совсем другое, когда они существуют на деньги, поступающие из зарубежных стран, финансируются различными фондами, привлекают к своей деятельности «нужные» кадры и выполняют вполне конкретный политический заказ.

В заключение отметим, что, безусловно, роль СМИ как четвертой власти в политической жизни Челябинской области в 1990-е гг. сложно переоценить, однако, возвращаясь к современной действительности, прежде всего о деятельности региональных СМИ необходимо думать в контексте обеспечения информационной безопасности России.

Литература

1. Гуревич, М. А. Социально-экономическая обстановка в г. Челябинске и Челябинской области в 1994 году (итоги социологических исследований) / М. А. Гуревич. – Челябинск : НТЦ НИИОГР, 1995. – 125 с.
2. Vallarelli, N. Cyber Security's Influence on Modern Society. 20 May 2020 / N. Vallarelli. – URL: https://digitalcommons.pace.edu/honorscollege_theses (дата обращения: 20.01.2023).
3. Popescu, G. N. Risks of Cyber Attacks on Financial Audit Activity / G. N. Popescu, C-R. G. Popescu // Audit Financiar. – 2018. – № 16. – S. 140–147.
4. Purvis, T. Get Set for Media and Cultural Studies / T. Purvis. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2006. – 204 s.
5. Chaturvedi, M. Role and Impact of media on society: a sociological approach with respect to demonetization / M. Chaturvedi, R. Devi // International Journal of Research in Humanities, Arts and Literature. – 2017. – № 5. – S. 127–136.
6. Reese, V. N. How Does the Media of Today Affect the Culture of Modern Society. 8 January 2023 / V. N. Reese. – URL: <https://icasnetwork.com/how-does-the-media-of-today-affect-the-culture-of-modern-society/> (дата обращения: 20.01.2023).
7. Шестеркина, Л. П. Медиакоммуникации и интернет-маркетинг в условиях цифровой цивилизации / Л. П. Шестеркина [и др.]. – Челябинск : Изд. центр ЮУрГУ, 2020. – 476 с.
8. Экранные коммуникации как фактор социализации медиапространства / Л. П. Шестеркина, Е. Л. Дмитренко ; под ред. С. Л. Уразовой. – М. : Академия медиаиндустрии, 2019. – 398 с.
9. Ефимова, Л. Л. Информационная безопасность детей. Российский и зарубежный опыт / Л. Л. Ефимова, С. А. Кочерга. – М. : Юнити, 2016. – 239 с.
10. Lobodenko, L. Perception of environmental information materials by youth audiences: results of a neuromarketing study / L. Lobodenko // World of Media. – 2022. – № 3. – S. 5–44.
11. Семьян, Т. Ф. Цифровой литературный проект как новая форма обучения в вузе / Т. Ф. Семьян, Е. А. Смышляев // Литература в контексте современности : сборник материалов XIII Всероссийской научно-методической конференции с международным участием. – Челябинск : Библиотека А. Миллера, 2021. – С. 155–160.
12. Зиновьева, Е. С. Международное сотрудничество по обеспечению информационной безопасности: проблемы, субъекты, перспективы : дис. ... д-ра полит. наук / Е. С. Зиновьева. – М., 2017. – 332 с.
13. Варганова, Е. Л. К вопросу о последствиях цифровой трансформации медиасреды / Е. Л. Варганова // Меди@льманах. – 2022. – № 2(109). – С. 8–14.
14. Новикова, И. В. Взаимоотношения органов государственной и муниципальной властей Омской области с печатными СМИ региона (1989–2001 гг.) : дис. ... канд. ист. наук / И. В. Новикова. – Омск, 2004. – 303 с.
15. Очур, А. М. Воздействие региональных средств массовой информации на мотивацию электорального поведения : дис. ... канд. полит. наук / А. М. Очур. – М., 2005. – 145 с.
16. Захарова, А. В. Роль местной прессы в общественно-политической жизни Саратовской области. 1991–2010 гг. : дис. ... канд. ист. наук / А. В. Захарова. – Саратов, 2011. – 226 с.
17. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. А.–664. – Оп. 1. – Д. 120.
18. ГАРФ. – Ф. А.–664. – Оп. 1. – Д. 54.
19. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). – Ф. Р–700. – Оп. 1. – Д. 11.
20. Рискин, М. «Южноуральская панорама» 27 апреля отмечает свое 25-летие / М. Рискин. – URL: https://up74.ru/articles/obshchestvo/139778/?sphrase_id=340705 (дата обращения: 24.01.2023).
21. Алябьева, Е. Главы администраций делают выбор / Е. Алябьева // Челябинский рабочий. – 1993. – 7 сентября.
22. Грачев, О. Президент на словах подтвердил полномочия В. Соловьева / О. Грачев // Вечерний Челябинск. – 1993. – 21 сентября.
23. Алябьева, Е. Кандидатские фонды / Е. Алябьева // Челябинский рабочий. – 1996. – 7 декабря.

24. О средствах массовой информации: Закон Российской Федерации от 27.12.1991 г. № 2124-1 – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/f977773d5130bdc4b8aa5c541d1fa7ca381b18f4/ (дата обращения: 16.02.2023).

25. О развитии детских средств массовой информации в Челябинской области: Постановление главы администрации Челябинской области от 28.06.1994 г. № 494 – URL: <http://lawsrf.ru/region/documents/1078344/> (дата обращения: 16.02.2023).

26. О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием: Федеральный закон от 14.07.2022 г. № 255-ФЗ. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421788/ (дата обращения: 16.02.2023).

27. Челябинских СМИ закон об иностранных агентах коснуться не должен. – URL: <https://cheltoday.ru/articles/sobytiya/chelyabinskikh-smi-zakon-ob-inostrannykh-agentakh-kosnutsya-ne-dolzhen/> (дата обращения: 14.03.2023).

Самохина Анна Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории и права, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (Челябинск), e-mail: samokhinaav@cspu.ru. ORCID 0000-0001-9669-9925

Худобородов Александр Леонидович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и права, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (Челябинск), e-mail: hudoborodov@cspu.ru. ORCID 0000-0003-4825-8927

Поступила в редакцию 7 апреля 2023 г.

DOI: 10.14529/ssh230302

THE ROLE OF MASS MEDIA IN THE POLITICAL LIFE OF THE CHELYABINSK REGION IN THE 1990s IN THE CONTEXT OF INFORMATION SECURITY OF MODERN RUSSIA

A. V. Samokhina, A. L. Khudoborodov

South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russian Federation

In the global informatization era, which began to develop in Russia in the 1990s, mass media acquire a decisive importance. The media became more influential due to its role as a serious component of political pressure, including the aim of forming a new democratic consciousness among the people. Throughout the perestroika period and the 1990s, a new model of interaction between the authorities and the media was formed, which continues to operate steadily today. The peculiarity of the modern period lies in the ever-increasing role of the media and its influence on the information security of Russia. From this point of view, it is important for us to draw lessons, both positive and negative, from the experience of the transitional period and the «vaccination» that Russian citizens received in the 1990s when organizing the activities and function of the media. The purpose of the article is to study the role of the media in the political life of one of the major regions of Russia – the Chelyabinsk region in the 1990s. Comparative, chronological, and systemic research methods were used to this end. The historical development and the role of the media of the transition period in Russia, in particular, the interaction of the media with the authorities of the region, as well as the influence of the media on reformatting the consciousness of the population of the region with the key role of the media in this process were analyzed. The formulated conclusions and practical recommendations will allow these scientific results to improve the model of interaction between regional authorities and the media in the framework of ensuring the national interests of modern Russia.

Keywords: mass media, foreign agent, information security, Chelyabinsk region, Russia.

References

1. Gurevich M.A. Sotsial'no-ekonomicheskaya obstanovka v g. Chelyabinske i Chelyabinskoy oblasti v 1994 godu (itogi sotsiologicheskikh issledovaniy) [Socio-Economic Situation in the city of Chelyabinsk and the Chelyabinsk Region in 1994 (Results of Sociological Research)]. Chelyabinsk: NTTs NIIOGR, 1995. 125 s.

2. Vallarelli N. Cyber Security's Influence on Modern Society. 20 May 2020. URL: https://digitalcommons.pace.edu/honorscollege_theses (data obrashcheniya: 20.01.2023).
3. Popescu G.N., Popescu C-R.G. Risks of Cyber Attacks on Financial Audit Activity // *Audit Financiar*. 2018. Vol. 16. P. 140–147.
4. Purvis T. Get Set for Media and Cultural Studies. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006. 204 p.
5. Chaturvedi M., Devi R. Role and Impact of Media on Society: a Sociological Approach with Respect to Demonetization // *International Journal of Research in Humanities, Arts and Literature*. 2017. Vol. 5. P. 127–136.
6. Reese V.N. How Does the Media of Today Affect the Culture of Modern Society. 8 January 2023. URL: <https://icasnetwork.com/how-does-the-media-of-today-affect-the-culture-of-modern-society/> (data obrashcheniya: 20.01.2023).
7. Shesterkina L.P. Mediakommunikatsii i internet-marketing v usloviyakh tsifrovoy tsivilizatsii [Media Communications and Internet Marketing in the Context of Digital Civilization]. Chelyabinsk: Izd. tsentr YUUrGU, 2020. 476 s.
8. Shesterkina L.P., Dmitrenko E.L. Ekrannyye kommunikatsii kak faktor sotsializatsii mediaprostranstva [Screen Communications as a Factor in the Socialization of the Media Space]; pod red. S.L. Urazovoy. M.: Akademiya mediaindustrii, 2019. 398 s.
9. Efimova L.L., Kocherga S.A. Informatsionnaya bezopasnost' detey. Rossiyskiy i zarubezhnyy opyt [Information Security of Children. Russian and Foreign Experience]. M.: Unity, 2016. 239 s.
10. Lobodenko L. Perception of Environmental Information Materials by Youth Audiences: Results of a Neuromarketing Study // *World of Media*. 2022. Vol. 3. P. 5–44.
11. Semyan T.F., Smyshlyaev E.A. Tsifrovoy literaturnyy proyekt kak novaya forma obucheniya v vuze [Digital Literary Project as a NEW Form of Education at the University] // *Literatura v kontekste sovremenosti: sbornik materialov XIII Vserossiyskoy nauchno-metodicheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem*. Chelyabinsk: Biblioteka A. Millera, 2021. S. 155–160.
12. Zinovieva E.S. Mezhdunarodnoye sotrudnichestvo po obespecheniyu informatsionnoy bezopasnosti: problemy, sub'yekty, perspektivy [International Cooperation to Ensure Information Security: Problems, Subjects, Prospects]: dis. ... d-ra polit. nauk. M., 2017. 332 s.
13. Vartanova E.L. K voprosu o posledstviyakh tsifrovoy transformatsii mediasredy [On the Issue of the Consequences of the Digital Transformation of the Media Environment] // *Medi@l'manakh*. 2022. Vol. 2(109). S. 8–14.
14. Novikova I.V. Vzaimootnosheniya organov gosudarstvennoy i munitsipal'noy vlastey Omskoy oblasti s pechatnymi SMI regiona (1989–2001 gg.) [Relations Between State and Municipal Authorities of the Omsk Region with the Print Media of the Region (1989–2001)]: dis. ... kand. ist. nauk. Omsk, 2004. 303 s.
15. Ochur A. Vozdeystviye regional'nykh sredstv massovoy informatsii na motivatsiyu elektoral'nogo povedeniya [The Impact of Regional Mass Media on the Motivation of Electoral Behavior]: dis. ... kand. polit. nauk. M., 2005. 145 s.
16. Zakharova A.V. Rol' mestnoy pressy v obshchestvenno-politicheskoy zhizni Saratovskoy oblasti. 1991–2010 gg. [The Role of the Local Press in the Social and Political Life of the Saratov Region. 1991–2010]: dis. ... kand. ist. nauk. Saratov, 2011. 226 s.
17. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF) [State Archive of the Russian Federation (SARF)]. F. A–664. Op. 1. D. 120.
18. GARF [SARF]. F. A–664. Op. 1. D. 54.
19. Obyedinennyy gosudarstvennyy arkhiv Chelyabinskoy oblasti (OGACHO) [United State Archive of the Chelyabinsk Region (USACR)]. F. P–700. Op. 1. D. 11.
20. Riskin M. «Yuzhnoural'skaya panorama» 27 aprelya otmechayet svoye 25-letiyе [South Ural Panorama Celebrates its 25th Anniversary on April 27]. URL: https://up74.ru/articles/obshchestvo/139778/?sphrase_id=340705 (data obrashcheniya: 24.01.2023).
21. Alyabyeva E. Glavy administratsiy delayut vybor [Heads of Administrations Make a Choice]. Chelyabinskii rabochiy. 1993. 7 September.
22. Grachev O. Prezident na slovakh podtverdil polnomochiya V. Solov'yeva [The President Verbally Confirmed the Powers of V. Solovyov]. Vecherniy Chelyabinsk. 1993. 21 sentyabrya.
23. Alyabyeva E. Kandidatskiye fondy [Candidate Funds]. Chelyabinskii rabochiy. 1996. 7 dekabrya.
24. O sredstvakh massovoy informatsii. Zakon Rossiyskoy Federatsii ot 27.12.1991. № 2124-1 [On Mass Media. Law of the Russian Federation of 27.12.1991 № 2124-1]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/f977773d5130bdc4b8aa5c541d1fa7ca381b18f4/ (data obrashcheniya: 16.02.2023).
25. O razvitiy detskikh sredstv massovoy informatsii v Chelyabinskoy oblasti. Postanovleniye glavy administratsii Chelyabinskoy oblasti ot 28.06.1994. № 494 [On the Development of Children's Media in the Chelyabinsk Region. Decree of the Head of the Administration of the Chelyabinsk Region of 28.06.1994 no. 494]. URL: <http://lawsrf.ru/region/documents/1078344/> (data obrashcheniya: 16.02.2023).

26. О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием. Федеральный закон от 14.07.2022. № 255-FZ [On Control over the Activities of Persons under Foreign Influence. Federal Law of 14.07.2022 no. 255-FZ]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421788/ (data obrashcheniya: 16.02.2023).

27. Chelyabinskikh SMI zakon ob inostrannykh agentakh kosnut'sya ne dolzhen [Chelyabinsk Media should not be Affected by the Law on Foreign Agents]. URL: <https://cheltoday.ru/articles/sobytiya/chelyabinskikh-smi-zakon-ob-inostrannykh-agentakh-kosnutsya-ne-dolzhen/> (data obrashcheniya: 14.03.2023).

Anna V. Samokhina – Cand. Sc. (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of National History and Law, South Ural State Humanitarian Pedagogical University (Chelyabinsk), e-mail: samokhinaav@cspu.ru

Alexander L. Khudoborodov – D. Sc. (History), Professor, Professor of the Department of National History and Law, South Ural State Humanitarian Pedagogical University (Chelyabinsk), e-mail: hudoborodov@cspu.ru

Received April 7, 2023

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Самохина, А. В. Роль средств массовой информации в политической жизни Челябинской области в 90-е гг. XX в. в контексте информационной безопасности современной России / А. В. Самохина, А. Л. Худобородов // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2023. – Т. 23, № 3. – С. 16–24. DOI: 10.14529/ssh230302

FOR CITATION

Samokhina A. V., Khudoborodov A. L. The Role of Mass Media in the Political Life of the Chelyabinsk Region in the 20th Century in the Context of Information Security of Modern Russia. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2023, vol. 23, no. 3, pp. 16–24. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh230302

ВИРТУАЛЬНЫЙ ОБРАЗ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КАТАСТРОФЫ (НА ПРИМЕРЕ КЫШТЫМСКОЙ АВАРИИ 1957 г.)

И. В. Сибиряков Е. Г. Сосновских

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

В статье представлены первые результаты реализации научного проекта, посвященного проблемам формирования виртуальных образов некоторых экологических процессов, происходящих в современном мире. На примере Кыштымской аварии 1957 г. авторы анализируют основные элементы виртуального образа одной из крупнейших экологических катастроф XX века, показывают динамичный и индивидуализированный характер этого образа, отмечают высокую степень эмоционального восприятия этого образа молодежной (в первую очередь студенческой) аудитории. В статье используются материалы небольшого социологического исследования, проведенного со студентами Южно-Уральского государственного университета весной 2023 г. В рамках исследования изучались процессы формирования культурной памяти молодежи о Кыштымской аварии 1957 г. Сделан вывод, что очень важным элементом виртуального образа экологической катастрофы пока остается визуальный ряд, созданный в основном небольшим числом фотографий, сделанных уже после аварии и не отражающих масштабы трагедии. Однако по мере развития новых информационных технологий у него могут появиться «сильные» конкуренты. Уже сегодня с точки зрения молодежной аудитории наиболее сильное эмоциональное воздействие на потребителя соответствующего контента оказывают видеоматериалы, в которые включается не только вербальная информация, но и музыкальное сопровождение. К числу элементов образа, которые создают наиболее тревожные ощущения от работы с контентом, посвященным Кыштымской аварии 1957 г., относятся: знак радиационная опасность, река Теча, элементы костюма химзащиты, слово Чернобыль, символическое изображение взрыва.

Ключевые слова: авария, виртуальный образ, Кыштымская авария, экология, экологическая катастрофа.

Введение

По мере развития новых технологий растет и число масштабных техногенных аварий, которые приводят к настоящим экологическим катастрофам. Гибель людей, разрушение естественных экологических систем, нарушение многих природных процессов – это далеко не полный перечень тех негативных последствий, к которым ведут экологические катастрофы. Публикации, посвященные «экологической повестке», способны повлиять на общественные настроения, а значит, на политические процессы, протекающие в самых разных странах и регионах. Не случайно в качестве самостоятельного направления в СМИ многих государств сформировалась т. н. «экологическая журналистика» [1, 2], в филологической науке появилось понятие «экологическая лингвистика» [3], а в исторической науке школа «экологической истории». В этом направлении особенно активно в последние годы работают американские и китайские ученые (Макнейл, Хьюз, Укеттер, Винивартер, Маохонг) [4]. Определенные достижения есть и у французских специалистов в области «экологической истории» [5].

Большой интерес к развитию этих школ и направлений сегодня проявляют представители политического класса, бизнес-структур, деятели искусства, медики. Существует острая потребность в научном исследовании самых разных

граней этого явления, что придает особую актуальность теме данной статьи.

Обзор литературы

Феномен «экологических катастроф» уже много лет исследуют социологи, антропологи, экологи и другие представители социально-гуманитарных [6–8] и естественных наук [9, 10].

В последние годы особый интерес к этой проблеме стали проявлять специалисты в области политологии [11, 12]. Во многом этот интерес связан с растущим политическим потенциалом экологической проблематики в жизни современного социума, с растущей ролью экологизма в «конструировании» образа страны. Как проблемы экологии влияют на процесс формирования образа России в средствах массовой информации Франции показали исследования М. С. Устиновой [13].

К изучению последствий развития на Урале атомной промышленности активно подключились известные уральские историки: В. Н. Новоселов [14], В. С. Толстикова, В. Н. Кузнецов и др. [15, 16]. Им удалось показать исторический контекст Кыштымской аварии, ее наиболее заметные экологические и социальные последствия, реакцию органов власти и местного населения на произошедшую в 1957 г. трагедию

Среди авторов, много и последовательно работавших над экологическими «сюжетами», представленными в современных средствах массовой информации, можно выделить таких исследователей,

как Н. В. Калинина [17] Л. К. Лободенко, О. В. Перезова, А. Б. Черднякова [18], А. Е. Перова [19, 20].

Дополнительным фактором актуальности исследований, посвященных проблемам экологии, является стремительное развитие интернет-технологий, существенно меняющих сам процесс рождения, передачи и восприятия любой (в том числе и экологической) информации. Не случайно в отечественной и зарубежной литературе уже появились первые исследования, посвященные различным виртуальным жанрам экологического дискурса, например в ФРГ [21].

При всей универсальности этих изменений каждый из языковых сегментов интернет-пространства работает в особом режиме. Русскоязычный сегмент интернета в этом плане не является исключением.

Цель данного исследования состоит в разработке алгоритма анализа виртуального образа экологической катастрофы, который формируется в русскоязычном сегменте интернет-пространства у молодежной (в первую очередь студенческой) аудитории.

Методы исследования

Новизна проекта определяется не только его предметом, но и междисциплинарным характером использованного в рамках проекта исследовательского инструментария, который включает в себя: иконологический анализ, дискурсивный анализ, контент-анализ, социальный эксперимент и др.

В качестве базовой конструкции, избранной для данного исследования, используется виртуальный образ экологической катастрофы, которая в 1957 г. произошла на Южном Урале и получила разные названия, такие как «кыштымская авария», «авария на производственном объединении “Маяк”», «челябинский Чернобыль» и др.

Данный выбор связан с тремя следующими обстоятельствами. Во-первых, «кыштымская авария» стала первой в истории нашей страны экологической катастрофой, связанной с использованием ядерной энергии. Многие сюжеты, связанные с этой аварией, стали предметом исследования отечественных ученых [22–24]. Во-вторых, объем информации, доступной населению в связи с этой катастрофой, имеет ограниченный характер и за последние годы уже фактически не расширяется, что позволяет предположить, что формирование этого образа в культурной памяти россиян уже завершилось. В-третьих, основной объем информации, посвященной «кыштымской аварии», размещен на ограниченном количестве русскоязычных ресурсов, что дает возможность исследовать эту информацию в рамках одного проекта.

Главными задачами, которые предполагается решить в представленной статье, являются следующие задачи. 1. Выявить и исследовать основные интернет-ресурсы в русскоязычном сегменте сети, где размещены доступные пользователю материа-

лы, посвященные «кыштымской аварии» 1957 г. 2. На основе анализа студенческих эссе, посвященных «кыштымской аварии» 1957 г., выделить основные элементы виртуального образа этой аварии. 3. Соотнести полученные результаты с данными социологического исследования с контрольной группой представителей студенческой молодежи (опрос).

Используя конструкцию «виртуальный образ экологической катастрофы», мы исходим из признания нескольких важных обстоятельств. Во-первых, это образ, который представляет из себя совокупность различных характеристик, созданных в рамках виртуального пространства (интернет) и транслируемых в различные аудитории с разной степенью приоритетности отдельных его элементов (изображение, цвет, шрифт и т. д.). Во-вторых, это образ, который возникает не на «пустом месте», а в определенном культурно-историческом контексте, что приводит к индивидуализации процесса восприятия образа, существенно меняя некоторые его изначальные характеристики. В-третьих, в условиях интенсивных информационных потоков время существования виртуального образа определяется множеством объективных и субъективных факторов, но в том случае, если этот образ не проходит постоянную актуализацию, он чаще всего имеет краткосрочный характер.

Результаты и дискуссия

Для реализации первой задачи исследования использовались возможности поисковых систем «Яндекс» и «Гугл». Для каждой из систем были сформулированы 2 варианта поисковых запросов: «Кыштымская авария 1957 г.» и «Авария на производственном объединении “Маяк”», которые содержали определенные географические и хронологические ориентиры.

Данные, полученные в результате применения этих вариантов запросов 2 апреля 2023 г., можно структурировать следующим образом: Поисковая система «Яндекс» предложила 395 изображений по запросу «Кыштымская авария 1957 г.». Поисковая система «Гугл» дала 100 соответствующих изображений. По запросу «Авария на производственном объединении “Маяк”» поисковая система «Яндекс» предложила 395 изображений. Поисковая система «Гугл» по аналогичному запросу предложила 192 изображения.

Анализ представленных по этим запросам изображений позволил сделать следующие выводы:

1. Чаще других (86 раз при запросе в «Яндекс», 14 раз при запросе в «Гугл») пользователь может получить изображение Восточно-Уральского радиоактивного следа (ВУРС) (см. рис. 1) [25]. Это изображение дает возможность географической локализации аварии, а цветовая гамма, в которой выполнено изображение, в ряде случаев может породить ощущение тревожности.

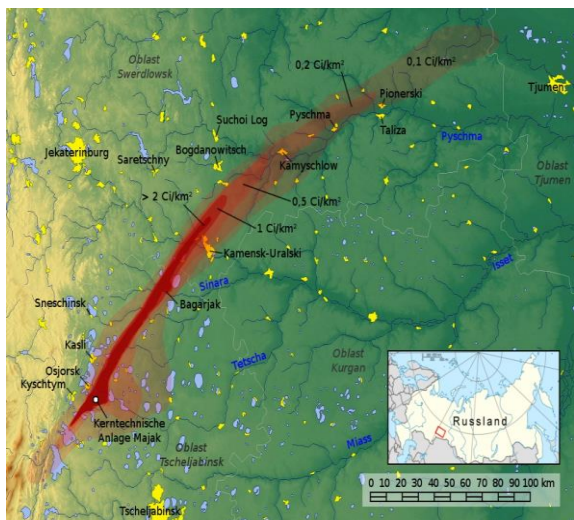

Рис. 1. Восточно-Уральский радиоактивный след
Fig. 1. East Ural radioactive trace

2. Географическое название, которое чаще всего можно увидеть на представленных по запросу изображениях, это река Теча (см. рис. 2) [26] (20 изображений при запросе через «Яндекс» и 8 изображений при запросе через «Гугл»).

Рис. 2. Река Теча
Fig. 2. The Techa river

3. Из мемориальных памятников, посвященных аварии, чаще других можно встретить изображение памятника, на котором присутствует надпись «Ликвидаторам аварии. Кыштым 57» (см. рис. 3) [27] (36 таких изображений при запросе через поисковую систему «Яндекс», 7 при запросе через «Гугл»). Обращает на себя внимание простота и лаконичность композиции данного памятника, которые могут по-разному интерпретироваться пользователями при просмотре данной фотографии.

Рис. 3. Памятник ликвидаторам аварии. Кыштым 57
Fig. 3 Monument to Liquidators of the Accident. Kyshtym 57

4. 15 раз при соответствующем запросе в «Яндекс», 6 при запросе в «Гугл» пользователь может получить черно-белую фотографию промышленного объекта, который нельзя идентифицировать без дополнительной информации (подпись, комментарий и т. д.) [28] (см. рис. 4). Среди деталей, определяющих образ объекта, можно выделить: высокую трубу, несколько промышленных корпусов и лес, в котором расположено предприятие.

Рис. 4. Производственное объединение «Маяк»
Fig. 4. Production Association «Mayak»

5. В 6 случаях при запросе через «Яндекс» и в 2 случаях при запросе через «Гугл» изображения, связанные с аварией 1957 г., совмещены с аварией на Чернобыльской АЭС (см. рис. 5) [29]. При этом важными элементами нового изображения являлись: изображение костюма войск химической защиты, знак «радиоактивное излучение», название реки Теча и выделенное особым шрифтом слово «Чернобыль». Такое изображение могло создать у зрителя состояние эмоциональной тревожности, страха, возникавших от резонансного сочетания двух негативных образов.

Рис. 5. Коллаж, объединивший сюжеты, связанные с различными авариями

Fig. 5. Collage uniting stories related to various accidents

6. В 21 случае при запросе через «Яндекс» и в 8 случаях при запросе через «Гугл» использовалась технология компьютерных коллажей, создающих для зрителя состояние эмоционального дискомфорта (см. рис. 6) [30].

Рис. 6. Коллаж, созданный с помощью компьютерных технологий

Fig. 6. Collage created using computer technology

7. Показательно, что только в одном случае через поисковые системы удалось встретить изображение, которое можно типологизировать как мем (см. рис. 7) [31].

Рис. 7. Мем «Ликвидатор аварии на производственном объединении «Маяк»»

Fig. 7. Meme «The liquidator of the accident at the Production Association «Mayak»»

Отсутствие в русскоязычном сегменте интернета большого количества изображений юмористической направленности, посвященных «кыштымской аварии 1957 г.», и анализ визуальных конструкций, используемых создателями соответствующих интернет-ресурсов, дают основание предположить существование определенного паттерна восприятия экологической аварии 1957 г. как негативного, отрицательного явления отечественной истории.

Этот вывод подтверждается при анализе видеоматериалов, посвященных аварии, размещенных на платформе YouTube. Поисковая система платформы в ответ на запрос «кыштымская авария 1957 г.», сделанный 2 апреля 2023 г., предложила 7 видеоматериалов, непосредственно посвященных экологической катастрофе. Та же система в ответ на запрос «Авария на производственном объединении «Маяк»», предложила к просмотру 8 видеоматериалов.

Самый короткий ролик, найденный поисковой системой, продолжался 4 минуты 49 секунд, самый длинный – 2 часа 48 минут (но он был посвящен истории комбината «Маяк» в целом).

Найденные визуальные материалы – картинки и видеоролики – в ходе одного из занятий были продемонстрированы студентам. После просмотра им было предложено написать эссе по теме аварии.

Просмотр этих материалов вызвал гамму эмоций у студентов. Ниже приведены наиболее показательные выдержки из эссе.

1. Ролик «Хуже Чернобыля, рассекреченная Кыштымская авария» [32]

«...С одной стороны, от самого существования такой катастрофы становится не по себе, появляется невыразимая словами внутренняя напряженность, ужасают масштабы данного происшествия. С другой – качество видео не позволяет до конца прочувствовать весь кошмар, всю преступность человеческих амбиций, их пагубные последствия против природы, против своего же людского рода...».

2. Ролик «Кыштымская авария 1957-го. Авария на ПО Маяк. Техногенная катастрофа» [33].

«...с каждой минутой в душе нарастала тревога и жутко стягивающее чувство страха. Моментами видеоролик вызывал удивление. Если действительно задуматься, о том, что это происходило буквально в нескольких часах езды от моего родного города Челябинска, становится жутко...».

3. Ролик «Кыштымская авария 1957: Чернобыль до Чернобыля!» [34].

«Страх, ужас, беспокойство – это первые эмоции, которые я испытала. Но самым большим чувством во время просмотра для меня был интерес. Почему? Я хотела получить более полную информацию, историю об этих событиях».

«Первые эмоции от просмотра – это скорее равнодушие, потому что основную информацию

о катастрофе я уже знала. Но некоторые факты всё равно вызвали удивление, такие как то, что аварию скрывали более 20 лет, техника безопасности почти не соблюдалась, скрывалось количество жертв, халатное отношение работников и, конечно, то, что о влиянии радиации сами сотрудники знали далеко не всё. Интересно и то, что в постройке комбината принимал участие Курчатов, а сама авария занесена в книгу рекордов Гиннеса».

Через две недели после просмотра визуального материала студенты приняли участие в анкетном опросе. Исследование носит экспериментальный характер, поэтому группа студентов была выбрана случайно, было проведено сплошное анкетирование. Анкета состояла из нескольких блоков: общая информированность по экологическим проблемам, осведомленность о техногенных катастрофах на территории Южного Урала, ассоциации с аварией 1957 г. (цвета, музыка, литература, символика), источники информации по аварии 1957 г., память об аварии.

В анкетировании принял участие 31 студент, учащиеся дневного отделения специальности «Журналистика» и «Филология». Большинство учащихся – девушки. Возрастные группы ответивших – 17–19 лет (72 %) и 20–21 год (28 %).

Результаты исследования показали, что студенты не интересуются историей Урала (79,3 %), что отражает общие тенденции – низкий интерес к истории в молодежной среде в целом. Показательными являются мнения по поводу того, кто руководил СССР в год аварии. 38 % ответивших на вопрос выбрали Н. С. Хрущева, 31 % – И. В. Сталина, еще 24 % – Л. И. Брежнева.

Почти все студенты согласились, что экологические проблемы региона имеют исторические корни (82,3 %). Участников опроса попросили проранжировать очередность появления экологических проблем в исторической перспективе. Загрязнение водных ресурсов респонденты отметили как самую раннюю по времени формирования проблему. Далее следуют загрязнение воздуха, сбор / утилизация отходов, повышенный радиационный фон и загрязнение почвы.

Далее участников опроса спросили о том, какое понятие в отношении аварии на предприятии «Маяк» стало им известно в первую очередь. Респонденты остановились на двух вариантах – «Кыштымская авария 1957 г.» (41,4 %) и «Авария на комбинате “Маяк”» (31 %). Эти же названия были указаны респондентами как те, которые бы они дали техногенной катастрофе – «Кыштымская авария 1957 г.» (37,9 %), «Авария на комбинате “Маяк”» (34,5 %).

Учитывая, что студентам показывали фильмы об аварии, важно было понять, насколько сохранилась информация о продемонстрированном материале. Для решения этой задачи им предложили ответить на вопрос, откуда они получили инфор-

мацию об аварии. Большинство респондентов ответили, что узнали о трагедии в университете (48,3 %). Еще порядка 21 % отметили, что получили информацию в интернете (21 %), остальные – от родителей и в школе (по 13,8 %). Учащиеся получают информацию по экологической тематике с новостных сайтов в интернете (76 %), из социальных сетей (65,5 %), из материалов на телевидении (45 %) и из блогов (24 %).

Если бы опрошенные интересовались аварией 1957 г., то обратились бы к следующим источникам: YouTube (83 %), сайты научных учреждений (45 %), крупные информационные порталы (27,6 %). Кроме того, респонденты выбрали вариант «Любой ресурс, который предложит поисковая система» (34,5 %). Данная информация подтвердилась при изучении ответов на вопрос о доверии к источникам информации об аварии на комбинате «Маяк». Больше всего доверяют YouTube (62 %), сайтам научных учреждений (58,6 %), крупным информационным порталам (55 %).

Все приведенные выше результаты отражают современные тенденции в коммуникации. Сегодня на передний план в формировании повестки дня выходят новые медиа, в том числе социальные сети.

В отношении использования поисковых систем существенных отличий не выявлено: 45 % опрошенных используют «Google» и 48 % «Яндекс».

В результате столкновения с визуальными источниками у учащихся сформировался определенный образ экологической катастрофы 1957 г. Символами аварии для опрошенных стали (в порядке убывания): знак радиационное излучение, противогаз, костюм химзащиты, надпись «река Теча», разрушенное промышленное здание. В качестве цвета опасности студенты указали (в порядке убывания): красный, желтый, черный, синий, белый. В качестве лучшего музыкального сопровождения для материалов об аварии 1957 г. ответившие выбрали И. Баха (48 %) и Л. Бетховена (27,6 %). Возможно, эти композиторы хорошо знакомы обучающимся еще со школы и потому они так уверенно выбирали именно их.

На вопрос об осведомленности о других техногенных катастрофах на территории области мнения разделились. Более половины участников (58,6 %) ответили, что не знают о других катастрофах, а 38 % заявили, что знают и о других катастрофах.

Далее респондентам был предложен ряд высказываний на установление степени согласия. Респонденты согласны с тем, что авария 1957 г. никак не повлияла на их жизнь, а также, что авария 1957 г. создала в регионе серьезные экологические проблемы. Однако ответившие не согласны, что авария на предприятии «Маяк» создала негативную репутацию региону и что об аварии 1957 г. уже все давно забыли и не надо эту тему

поднимать вновь. Более половины респондентов обязательно расскажут своим детям о катастрофе 1957 г., но треть респондентов не хотят рассказывать об этом (31 %). Кроме того, участники опроса единогласны в том, что надо установить памятник ликвидаторам аварии в Челябинске. Порядка 60 % опрошенных заявили о необходимости раздела в музее Южного Урала, посвященного катастрофе.

Большая часть респондентов хотела бы поехать на место аварии (55 %).

Из поездки они бы привезли фотографии обломков промышленных сооружений (52 %), памятника ликвидаторам аварии (34,5 %), надписи «река Теча» (31 %). Кроме того, студенты хотели бы посетить интернет-музей, посвященный аварии (65,5 %).

Молодежь считает, что компьютерная игра по событиям рассматриваемой техногенной катастрофы имела бы коммерческий успех (62 %). Тем не менее не все бы хотели сыграть роль ликвидатора аварии в игре («да» – 41,04 %, «нет» – 34,5 %). По мнению опрошенных, лучше всего бы написали произведения по событиям катастрофы Б. Акунин (31 %) и Д. Глуховский (21 %).

На памятной марке, посвященной катастрофе, респонденты хотели бы видеть человека в противогазе (38 %), знак радиационной опасности (34,5 %), здание (21 %). Цветовая гамма у такой марки должна быть красно-серая (38 %) или бордово-синяя (24 %). Такие представления о почтовой марке совпадают с ассоциативными цветами техногенной катастрофы, представленными выше.

Студенты считают, что на Южном Урале слишком много объектов, связанных с опасными технологиями. Чуть более половины ответивших считают, что катастрофы, подобные аварии на комбинате «Маяк», все еще возможны. Треть опрошенных затруднились ответить на этот вопрос (31 %).

Выводы

Итак, проведенное исследование носит во многом пилотный, «кейсовый» характер, но позволяет сделать несколько предварительных замечаний, которые могут быть полезны при дальнейшем исследовании истории формирования виртуальных образов экологических катастроф XX–XXI вв.

Во-первых, в основе виртуальных образов экологической аварии, которая произошла в 1957 г. под Кыштымом, лежит визуальный ряд, созданный небольшим числом фотографий, сделанных уже после аварии и не отражающих масштабы трагедии. Возможно, в других случаях (например, после аварии на Чернобыльской АЭС в распоряжении создателей соответствующего контента оказалось гораздо больше фото- и видеоматериалов непосредственно с места трагедии, что может привести к формированию иного виртуального образа экологической катастрофы).

Во-вторых, с точки зрения молодежной аудитории наиболее сильное эмоциональное воздействие на потребителя соответствующего контента оказывают видеоматериалы, в которые включается не только вербальная информация, но и музыкальное сопровождение.

В-третьих, к числу элементов образа, которые создают тревожные ощущения от работы с контентом, посвященным Кыштымской аварии 1957 г., относятся: знак радиационная опасность, река Теча, элементы костюма химзащиты, слово Чернобыль, символическое изображение взрыва и др.

В-четвертых, специфика виртуальных образов аварии 1957 г. во многом связана не только с тем, что информация об этой аварии долгое время скрывалась от населения Советского Союза, но и с тем, что даже сейчас эта информация носит разрозненный, фрагментарный характер.

В-пятых, многие студенты не имели сформированного образа аварии до занятий по истории в вузе. Просмотренный визуальный материал позволил (пусть и кратковременно) не только задуматься над последствиями техногенных катастроф, но и сформировать новые элементы «экологического» образа региона, взглянуть на экологические проблемы и на роль человека в их формировании.

В-шестых, в современных условиях именно интернет-коммуникации, новые медиа, играют основную роль в формировании образа экологии. В первую очередь это новостные порталы, социальные сети и блоги.

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 23-18-20090, <https://rscf.ru/project/23-18-20090/>).

Литература

1. Байрамова, С. А. Экологическая журналистика в социальных СМИ / С. А. Байрамова // *Via Scientiarum – Дорога знаний*. – 2015. – № 2. – С. 65–69.
2. Шаркова, Е. А. Экологическая журналистика: природа источников экологической информации / Е. А. Шаркова // *APRIORI*. Серия: Гуманитарные науки. – 2014. – № 2. – С. 1–16.
3. Брусенская, Л. А. Экологическая лингвистика: монография / Л. А. Брусенская, Э. Г. Куликова. – М.: Флинта: Наука, 2018. – 182 с.
4. Маохонг, Б. Экологическая история и мировая история / Б. Маохонг // *Historia provinciae – журнал региональной истории*. – 2018. – № 1. – С. 6–18.
5. Успенская, Н. С. Историография экологической истории Франции XX–XXI вв. / Н. С. Успенская // *Вестник РГУ*. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2018. – № 4 (37). – С. 47–53.
6. Галимов, Т. М. Экологическая катастрофа или «катастрофа человеческого сознания»? / Т. М. Галимов // *NovaInfo.Ru*. – 2016. – Т. 3, № 48. – С. 289–292.

7. Федоренко, В. И. Мировая экологическая катастрофа / В. И. Федоренко. – Тамбов : Изд-во ГОУ ВПО ТГТУ, 2011. – 175 с.
8. Яницкий, О. Н. Экологические катастрофы: структурно-функциональный анализ / О. Н. Яницкий. – М. : Институт социологии Российской академии наук, 2013. – 257 с.
9. Квалиметрия жизни и отдаленные радиационные последствия Чернобыльской экологической катастрофы / И. Б. Ушаков и др. ; отв. ред. А. П. Прудников. – М. : Вычисл. центр РАН, 1999. – 122 с.
10. Кузнецова, Л. Д. Экологические катастрофы и математические методы их исследования / Л. Д. Кузнецова, М. В. Попова, М. И. Кузнецова, М. Р. Короткина // Лесной вестник. – 2002. – № 1. – С. 96–101.
11. Дробот, Г. А. Экологические проблемы как глобальная угроза безопасности / Г. А. Дробот, Е. В. Кочеткова // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. – 2009. – № 3. – С. 61–73.
12. Кондратьев, К. Я. Экодинамика и геополитика. Т. 2. Экологические катастрофы / К. Я. Кондратьев. – СПб. : РФФИ, 2001. – 687 с.
13. Устинова, М. С. Политический образ России во французских СМИ в свете вопросов экологии / М. С. Устинова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2021. – № 12 (854). – С. 139–150.
14. Новоселов, В. Н. Атомный след на Урале: [О первенце атомной промышленности производственном объединении «Маяк»] / В. Н. Новоселов, В. С. Толстиков. – Челябинск : Рифей, 1997. – 238 с.
15. Толстиков, В. С. Социально-экологические последствия развития атомной промышленности на Урале (1945–1998 гг.) / В. С. Толстиков. – Челябинск, 1998. – 301 с.
16. Толстиков, В. С. Радиационное наследие на Урале: исторические оценки и документы / В. С. Толстиков, В. Н. Кузнецов. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2017. – 400 с.
17. Калинина, Н. В. Место экологической журналистики в современной медиасфере / Н. В. Калинина // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2016. – № 72. – С. 16–20.
18. Лободенко, Л. К. Анализ представленности экологической проблематики в социальных сетях региональных интернет-СМИ / Л. К. Лободенко, О. В. Перезовова, А. Б. Череднякова, О. Ю. Харитонova // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. – 2022. – № 3. – С. 600–614.
19. Перова, А. Е. Роль сми в освещении «новых» экологических катастроф: нарративы и риски / А. Е. Перова // Коммуникология. – 2017. – № 5. – С. 48–58.
20. Perova, A. E. The role of mass media in the coverage of «new» ecological catastrophes: narratives and risks / A. E. Perova // Коммуникология. – 2018. – № 1. – С. 83–93.
21. Зайцева, А. В. Разнообразие виртуальных жанров экологического дискурса ФРГ (на примере интернет-коммуникаций на экологические темы) / А. В. Зайцева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – № 8. – С. 2573–2579.
22. Дубов, В. А. Экологическая катастрофа в Челябинской области и ее экологические последствия / В. А. Дубов // Россия молодая : сборник докладов III Всероссийской, 56 научно-практической конференции студентов, аспирантов и профессорско-преподавательского состава университета. – Кемерово : Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева, 2011. – С. 116–117.
23. Татарникова, Ю. М. Ядерная катастрофа 1957 г. на ПО «Маяк» / Ю. М. Татарникова // Ядерная, радиационная безопасность и нераспространение : II региональный образовательно-научный семинар с международным участием. – М. : МИФИ, 2015. – С. 122–127.
24. Толстиков, В. С. Ядерная катастрофа 1957 года на Урале / В. С. Толстиков // Вестник Челябинского государственного университета. – 1999. – № 1 (9). – С. 86–95.
25. Кыштымская авария. – URL: <https://earth-chronicles.ru/news/2017-10-02-108734> (дата обращения: 13.06.2023).
26. Не только Чернобыль. – URL: <https://dzen.ru/a/YL0H3nsLpytv6dAf> (дата обращения: 13.06.2023).
27. Кыштымская авария: уральский Чернобыль – URL: <https://nashural.ru/article/istoriya-urala/kyshtymskaya-avariya/?amp> (дата обращения: 13.06.2023).
28. Кыштымская авария – предвестник Чернобыля – URL: https://dzen.ru/a/YLnNcRs_XCImjGSQ (дата обращения: 13.06.2023).
29. Радиационная авария на комбинате «Маяк». – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=W0hnSQPG5hk> (дата обращения: 13.06.2023).
30. Кыштымская авария. – URL: <https://fishki.net/3974850-kyshtymskaja-avarija-prichiny-likvidatsija-postradavshie-posledstvija/gallery-9979180-photo.html> (дата обращения: 13.06.2023).
31. Ликвидатор аварии на производственном объединении «Маяк». – URL: <https://memchik.ru/show/6321f9acb1c7e37f3477e7ca?page=2> (дата обращения: 13.06.2023).
32. Хуже Чернобыля, рассекреченная Кыштымская авария. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=LutB4439fwU> (дата обращения: 13.06.2023).
33. Кыштымская авария 1957-го. Авария на ПО Маяк. Техногенная катастрофа. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=SE1QY9CH-DI> (дата обращения: 13.06.2023).
34. Ролик «Кыштымская авария 1957: Чернобыль до Чернобыля!». – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=TjtpdXZjyrc> (дата обращения: 13.06.2023).

Сибиряков Игорь Вячеславович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной и зарубежной истории, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: sibiriaikoviv@susu.ru. ORCID 0000-0003-0984-4333

Сосновских Елена Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: sosnovskikh@yususu.ru. ORCID 0000-0003-3247-4844

Поступила в редакцию 17 июня 2023 г.

DOI: 10.14529/ssh230303

VIRTUAL IMAGE OF AN ENVIRONMENTAL DISASTER (ON THE EXAMPLE OF THE KYSHTYM ACCIDENT, 1957)

I. V. Sibiryakov, E. G. Sosnovskikh

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The article represents first results of the implementation of a scientific project dedicated to the problems of forming virtual images of some environmental processes taking place in the modern world. On the example of the Kyshtym accident in 1957 yr. authors analyze the main elements of the virtual image of one of the largest environmental disasters of the 20th century, show the dynamic and individualized nature of this image, note the high degree of its emotional perception by the youth (primarily student) audience. Also the article contains materials of a small sociological research of students of the South Ural State University in the spring of 2023, which studied the processes of forming the cultural memory of young people about the Kyshtym accident in 1957. The main conclusion of the research is that the most important component of the virtual image of the ecological catastrophe still is a visual range, however, as new information technologies develop, it may have «strong» competitors. From the point of view of the youth audience, today the strongest emotional impact on the consumer of the relevant content is provided by video materials, which include not only verbal information, but also musical accompaniment. To the number of elements of the image that create the most disturbing sensations from working with content dedicated to the Kyshtym accident in 1957 include: the radiation hazard sign, the Techa River, elements of a chemical protection suit, the word Chernobyl, a symbolic image of the explosion.

Keywords: accident, virtual image, Kyshtym accident, ecology, ecological catastrophe.

References

1. Bairamova S.A. Ekologicheskaja zhurnalistika v sotsial'nykh SMI [Environmental Journalism in Social Media] // *Via Scientiarum – Doroga znaniy*. 2015. № 2. S. 65–69.
2. Sharkova E.A. Ekologicheskaja zhurnalistika: priroda istochnikov ekologicheskoi informatsii [Environmental Journalism: the Nature of Sources of Environmental Information] // *APRIORI. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 2014. № 2. S.1–16.
3. Brusenskaja L.A., Kulikova E.G. Ekologicheskaja lingvistika [Ecological Linguistics]: monografiia. M.: Flinta: Nauka, 2018. 182 s.
4. Maokhong B. Ekologicheskaja istoriia i mirovaia istoriia [Environmental History and World History] // *Historia provinciae – zhurnal regional'noi istorii*. 2018. № 1. S. 6–18.
5. Uspenskaja N.S. Istoriografiia ekologicheskoi istorii Frantsii XX–XXI vv. [Historiography of the Ecological History of France in the XX–XXI Centuries] // *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Iazykoznanie. Kul'turologiia*. 2018. № 4 (37). S. 47–53.
6. Galimov T.M. Ekologicheskaja katastrofa ili «katastrofa chelovecheskogo soznaniia»? [Ecological Catastrophe or «Catastrophe of Human Consciousness»?] // *NovaInfo.Ru*. 2016. T. 3, № 48. S. 289–292.
7. Fedorenko V.I. Mirovaia ekologicheskaja katastrofa [World Ecological Catastrophe]. Tambov: Izd-vo GOU VPO TGTU, 2011. 175 s.
8. Ianitskii O.N. Ekologicheskie katastrofy: strukturno-funktsional'nyi analiz [Ecological Disasters: Structural and Functional Analysis]. M.: Institut sotsiologii Rossiiskoi akademii nauk, 2013. 257 s.

9. Kvalimetriia zhizni i otdalennye radiatsionnye posledstviia Chernobyl'skoi ekologicheskoi katastrofy [Qualimetry of Life and Long-term Radiation Consequences of the Chernobyl Environmental Catastrophe] / I.B. Ushakov i dr.; otv. red. A. P. Prudnikov. M.: Vychisl. tsentr RAN, 1999. 122 s.
10. Kuznetsova L.D., Popova M.V., Kuznetsova M.I., Korotkina M.R. Ekologicheskie katastrofy i matematicheskie metody ikh issledovaniia [Ecological Disasters and Mathematical Methods for their Study] // *Lesnoi vestnik*. 2002. № 1. S. 96–101.
11. Drobot G.A., Kochetkova E.V. Ekologicheskie problemy kak global'naia ugroza bezopasnosti [Environmental Problems as a Global Security Threat] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serii 18. Sotsiologiya i politologiya*. 2009. № 3. S. 61–73.
12. Kondrat'ev K.I. Ekodinamika i geopolitika. T. 2. Ekologicheskie katastrofy [Ecodynamics and Geopolitics. Environmental Disasters]. SPb.: RFFI, 2001. 687 s.
13. Ustinova M.S. Politicheskii obraz Rossii vo frantsuzskikh SMI v svete voprosov ekologii [The political Image of Russia in the French Media in the Light of Environmental Issues] // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 2021. № 12 (854). S. 139–150.
14. Novoselov V.N., Tolstikov V.S. Atomnyi sled na Urale: O perventse atomnoi promyshlennosti proizvodstvennom ob"edinenii «Maiak» [Atomic Footprint in the Urals: About the First-Born of the Nuclear Industry, the Production Association «Mayak»]. Cheliabinsk: Rifei, 1997. 238 s.
15. Tolstikov V.S. Sotsial'no-ekologicheskie posledstviia razvitiia atomnoi promyshlennosti na Urale (1945–1998 gg.) [Socio-Environmental Consequences of the Development of the Nuclear Industry in the Urals (1945–1998)]. Cheliabinsk, 1998. 301 s.
16. Tolstikov V.S., Kuznetsov V.N. Radiatsionnoe nasledie na Urale: istoricheskie otsenki i dokumenty [Radiation Legacy in the Urals: Historical Assessments and Documents]. Ekaterinburg: Bank kul'turnoi informatsii, 2017. 400 s.
17. Kalinina N.V. Mesto ekologicheskoi zhurnalistiki v sovremennoi mediasfere [The Place of Environmental Journalism in the Modern Media Sphere] // *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Gumanitarnye nauki*. 2016. № 72. S. 16–20.
18. Lobodenko L.K., Perevozova O.V., Cheredniakova A.B., Kharitonova O.I. Analiz predstavlenosti ekologicheskoi problematiki v sotsial'nykh setiakh regional'nykh internet-SMI [Analysis of the Representation of Environmental Issues in Social Networks of Regional Online Media] // *Vestnik RUDN. Serii: Literaturaovedenie, zhurnalistika*. 2022. № 3. S. 600–614.
19. Perova A.E. Rol' SMI v osveshchenii «novykh» ekologicheskikh katastrof: narrativy i riski [The Role of the Media in the Coverage of «New» Environmental Disasters: Narratives and Risks] // *Kommunikologiya*. 2017. № 5. S. 48–58.
20. Perova A.E. The Role of Mass Media in the Coverage of «New» ecological Catastrophes: Narratives and Risks // *Kommunikologiya*. 2018. № 1. S. 83–93.
21. Zaitseva A.V. Raznoobrazie virtual'nykh zhanrov ekologicheskogo diskursa FRG (na primere internet-kommunikatsii na ekologicheskie temy) [Variety of Virtual Genres of Environmental Discourse in Germany (on the Example of Internet Communications on Environmental Topics)] // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2022. № 8. S. 2573–2579.
22. Dubov V.A. Ekologicheskaiia katastrofa v Cheliabinskoi oblasti i ee ekologicheskie posledstviia [Environmental Catastrophe in the Chelyabinsk Region and its Environmental Consequences] // *Rossia molodaia: sbornik dokladov III Vserossiiskoi, 56 nauchno-prakticheskoi konferentsii studentov, aspirantov i professorsko-prepodavatel'skogo sostava universiteta*. Kemerovo: Kuzbasskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet imeni T.F. Gorbacheva, 2011. S. 116–117.
23. Tatarnikova I.M. Iadernaia katastrofa 1957g. na PO «Maiak» [Nuclear Disaster in 1957 at the Software «Mayak»] // *Iadernaia, radiatsionnaia bezopasnost' i nerasprostranenie: II regional'nyi obrazovatel'no-nauchnyi seminar s mezhdunarodnym uchastiem*. M.: MIFI, 2015. S. 122–127.
24. Tolstikov V.S. Iadernaia katastrofa 1957 goda na Urale [Nuclear Disaster in 1957 in the Urals] // *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1999. № 1 (9). S. 86–95.
25. Kyshtymskaia avariia [Kyshtym Accident]. URL: <https://earth-chronicles.ru/news/2017-10-02-108734> (data obrashcheniia: 13.06.2023).
26. Ne tol'ko Chernobyl' [Not only Chernobyl]. URL: <https://dzen.ru/a/YL0H3nsLpytv6dAf> (data obrashcheniia: 13.06.2023).
27. Kyshtymskaia avariia: ural'skii Chernobyl' [Kyshtym Accident: Ural Chernobyl]. URL: <https://nashural.ru/article/istoriya-urala/kyshtymskaya-avariya/?amp> (data obrashcheniia: 13.06.2023).
28. Kyshtymskaia avariia – predvestnik Chernobylia [Kyshtym Accident – a Harbinger of Chernobyl]. URL: https://dzen.ru/a/YLnNcRs_XCImjGSQ (data obrashcheniia: 13.06.2023).
29. Radiatsionnaia avariia na kombinatе «Maiak» [Radiation Accident at the Mayak Plant]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=W0hnSQPG5hk> (data obrashcheniia: 13.06.2023).

30. Kyshtymskaia avariia [Kyshtym Accident]. URL: <https://fishki.net/3974850-kyshtymskaja-avariija-prichiny-likvidacija-postradavshie-posledstvija/gallery-9979180-photo.html> (data obrashcheniia: 13.06.2023).

31. Likvidator avarii na proizvodstvennom ob"edinenii «Maiak» [The Liquidator of the Accident at the Production Association «Mayak»]. URL: <https://memchik.ru/show/6321f9acb1c7e37f3477e7ca?page=2> (data obrashcheniia: 13.06.2023).

32. Khuzhe Chernobyliia, rassekrechennaia Kyshtymskaia avariia [Worse than Chernobyl, Declassified Kyshtym Accident]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=LUtB4439fwU> (data obrashcheniia: 13.06.2023).

33. Kyshtymskaia avariia 1957-go. Avariia na PO Maiak. Tekhnogennaia katastrofa [Kyshtym Accident 1957. Accident at the Mayak Software. Technological Disaster]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=SE1QY9CH-DI> (data obrashcheniia: 13.06.2023).

34. Rolik «Kyshtymskaia avariia 1957: Chernobyl' do Chernobyliia!» [Video «Kyshtym accident 1957: Chernobyl before Chernobyl!»]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=TjtpdXZjyrc> (data obrashcheniia: 13.06.2023).

Igor V. Sibiryakov – D. Sc. (History), Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign History, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: sibiriakoviv@susu.ru

Elena G. Sosnovskikh – Cand. Sc. (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: sosnovskikh@susu.ru

Received June 17, 2023

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Сибиряков, И. В. Виртуальный образ экологической катастрофы (на примере Кыштымской аварии 1957 г.) / И. В. Сибиряков, Е. Г. Сосновских // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2023. – Т. 23, № 3. – С. 25–34. DOI: 10.14529/ssh230303

FOR CITATION

Sibiryakov I. V., Sosnovskikh E. G. Virtual Image of an Environmental Disaster (on the Example of the Kyshtym Accident, 1957). *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2023, vol. 23, no. 3, pp. 25–34. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh230303

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОЕ «ПРОЧТЕНИЕ» МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ СМЫСЛОВ В ИСКУССТВЕ СИМВОЛИЗМА

С. А. Жук, О. Н. Кузнецова

Алтайский государственный институт культуры, г. Барнаул, Российская Федерация

Статья посвящена искусству символизма, «язык» которого представляет определенную трудность для его понимания, поскольку носит условный (символический) характер. В качестве исследуемого художественного материала рассматриваются картины художника символиста М. А. Врубеля, посвященные теме Демона («Демон сидящий», «Демон летящий», «Демон поверженный»), а также акварель «Голова Демона на фоне гор». Основная задача – провести авторский анализ глубинных, мировоззренческих смыслов в названных работах художника, абстрагируясь от устоявшихся в публикациях оценочных стереотипов.

С учетом специфики предмета и поставленной задачи, в работе актуализируется проблема метода, что сообщает статье собственно методологический характер и придает ей дополнительную теоретическую значимость.

В качестве методологической базы в данной работе выступает герменевтическая логика. Именно этим обстоятельством обусловлен еще один уровень актуальности настоящей статьи, поскольку использование герменевтики как метода в научных изысканиях – явление редкое. Основные этапы «герменевтического следования» в тексте статьи сопровождаются необходимыми разъяснениями

Использование герменевтической логики в данной работе позволяет выявить глубинные смыслы картин М. Врубеля, связанные с мировоззренческими взглядами художника (философия Ф. Ницше, А. Шопенгауэра) и их интерпретацией в «призме выбора» сверхличности (Демона).

Ключевые слова: искусство, символизм, методология, текст, герменевтика, реконструкционная гипотеза.

Введение

Обсуждение вопросов, связанных с проблемой понимания смыслов в искусстве авангарда и символизма, на теоретическом уровне всегда носит характер дискуссий, поскольку речь идет об искусстве условно-символического характера, которым зачастую обусловлен эффект смысловой «непроявленности», семантической закрытости в произведениях такого искусства.

Поэтому во «главу угла» рассматриваемой проблемы ставится вопрос о специфике художественного языка в искусстве символизма и авангарда. «Языковой» материал в искусстве данных направлений представляет собой систему символов, со свойственной ей спецификой закрытости.

Дополнительную трудность в вопросе исследований условно-символического искусства представляет методологическая несогласованность ученых в определении понятия «символ». Зачастую этот термин используется в традиционно обобщенном, не научном характере его трактовки. Поэтому, основываясь на научной теории символа, разработанной А. Ф. Лосевым [1], в статье утверждается тезис о символе как о функции и одновременно как о художественном методе в искусстве символизма.

В контексте логики рассматриваемой проблематики актуализируется проблема научного метода

в исследовании иррациональных и внелингвистических аспектов условно-символического искусства.

Исходя из того, что художественное произведение является системой смыслов, запечатленных в знаковой (образной) форме и поддающихся языковой интерпретации, картины М. Врубеля с общей тематикой (Демон) могут рассматриваться и рассматриваются в статье как единый «текст». Учитывая то обстоятельство, что произведения искусства, обобщенные в понятие «текст», наряду с рациональным аспектом, содержат в себе нерациональные и невербальные составляющие (особенно в символизме), для их выявления и рационализации требуются соответствующие, не классические методы и приемы, которые специфицируют герменевтический методологический стандарт.

Поэтому именно в русле герменевтической логики рассматриваются произведения М. Врубеля в настоящей статье. Для этого выстраивается реконструкционная гипотеза, которая структурирует весь процесс «методологического следования», с целью выявления глубинных, мировоззренческих смыслов в тематических картинах М. Врубеля.

Обзор литературы

Поскольку статья носит методологический характер, где герменевтическая логика утверждается в качестве универсальной методологии гуманитарного знания, в первую очередь отметим

работы современного российского философа В. Г. Кузнецова [2], который впервые систематизировал наработки многих ученых прошлого: В. Дильтея, М. Хайдеггера [3], П. Рикера [4], М. Бахтина [5], Н. Бердяева [6], что позволило этому автору структурировать методологический герменевтический стандарт. Выстроенная герменевтическая методологическая система позволяет в полной мере учитывать и адекватно трактовать внелингвистические и внерациональные составляющие искусства условно-символического характера с целью выявления и адекватного «прочтения» (для понимания!) его мировоззренческих доминант. В настоящей статье используется весь инструментарий герменевтической логики, с ее методологическим «ядром» – «герменевтическим кругом».

Научная теория символа, обоснованная российским философом А. Ф. Лосевым [1], выступает основанием для выработки единого, системообразующего принципа рассмотрения всей эклектики феноменов символизма с целью понимания смыслов, заложенных в них самим автором, а не продиктованных рассудочным волюнтаризмом исследователя. С точки зрения А. Ф. Лосева, всякий символ есть функция – постоянное, не прекращающееся ассоциативное движение, как «поток-символизация», и в рамках данной теории рассматривается также в качестве художественного метода в искусстве символизма. В качестве общей философско-поэтической основы искусства символизма может рассматриваться мировоззренческая позиция А. Белого «символизм как миропонимание» [7].

Методы исследования

В качестве методологической основы статьи выступает герменевтическая логика, которую предлагается рассматривать как методологию, универсальную для всего спектра наук гуманитарного цикла.

Герменевтика как метод используется в научных исследованиях гуманитарных проблем крайне редко, поэтому то обстоятельство, что методологическую базу данного авторского исследования представляет герменевтическая логика, можно рассматривать и как актуализацию проблемы метода в науках об искусстве, и как подтверждение эффективности использования этой методологии в исследованиях гуманитарного характера.

Таким образом, работы художника-символиста М. Врубеля исследуются с использованием методологического инструментария герменевтической логики: реконструкционная гипотеза, метод абстрагирования, метод идеализации, приемы «вживания», «вчувствования», интерпретации, типизации [2]. Кроме того, используется методологическая позиция «логики» символа как функции (А. Лосев).

С учетом того, что вопросы художественного метода (символ как функция) и научного метода

(герменевтическая логика) выступают в качестве ключевых, настоящая статья представляет собой исследование методологического характера. Кроме того, исследование носит системный характер, поскольку в статье рассматривается комплекс взаимосвязанных проблем, рассматриваемых с позиций диалогического и феноменологического подходов, которые лежат в основе герменевтики.

Результаты и дискуссия

Как было отмечено выше, в качестве обоснованного научного подхода к определению понятия «символ» выступает концепция «логики символа», разработанная А. Ф. Лосевым, где символ понимается не как статичный знак, но как динамичная «функция» «развертывания» смысло-образов [1, с. 135–136], что было уже проиллюстрировано в других публикациях авторов данной статьи [8].

В настоящей работе в сопряжении теории символа как функции (А. Ф. Лосев) с методологическим инструментарием герменевтической логики предлагается рассмотреть картины общей тематики художника-символиста М. Врубеля (1856–1910), объединив их понятием «текст», с целью выявления собственно мировоззренческих, философских смыслов (А. Шопенгауэр, Ф. Ницше), которые разделялись художником.

У каждого художника, писателя, композитора есть произведение, которое для широкой публики выступает своего рода «визитной карточкой» его творчества. Для Врубеля это картина «Демон сидящий». Массовый зритель, в большинстве своем не углубляясь в творчество художника в достаточной мере, знает ее просто как «Демон». Однако более искушенный зритель знает, что у Врубеля есть ряд полотен, посвященных теме Демона. Так называемая «демоническая» тема, пронизывающая все творчество художника, традиционно связывается с поэмой М. Ю. Лермонтова «Демон», которая действительно оказала неизгладимое впечатление на Врубеля, определив тематическую доминанту его творчества. Но следует отметить, что с поэмой Лермонтова перекликаются его монохромные, акварельные работы («Танец Тамары», «Тамара и Демон», «Тамара в гробу»), выступая иллюстрациями к страницам поэмы «Демон».

Однако «демоническая» тема трех известных живописных работ художника («Демон сидящий», «Демон летящий», «Демон поверженный») со всей очевидностью кристаллизуется не только под влиянием творчества поэта-романтика, но в большей степени под воздействием философских учений Ницше [9] и Шопенгауэра [10], которыми художник был увлечен, как и все приверженцы символизма. При этом, надо сказать, существуют и другие устоявшиеся в литературе трактовки: Демон не сверхличность, а недочеловек [11]; образ Демона слишком театрален, не серьезен [12]; Демон – глубина и загадка самого Врубеля [13]; Демон – безусловное зло. Поэтому трактовка мировоззрен-

ческой составляющей этих картин Врубеля не может соотноситься только с сюжетом известной поэмы или с однобокими суждениями, отсылая нас непосредственно к сюжетам самой Библии [14].

Так, на картине «Демон сидящий» (рис. 1) образ Демона – это образ ангела Люцифера, любимого сына Создателя, первого среди первых. Художник создает этот образ, помещая героя между мирами: небесным и земным. Мы видим здесь Люцифера уже изгнанным из Рая, непривычно одиноким, лишенным прежней власти и ... любви Отца. Но он по-прежнему могуч и велик. Он не помещается в тесном художественном пространстве картины, жестко ограниченном со всех сторон рамой. Художник усиливает этот эффект тем, что верхнюю часть головы Демона вообще не помещает в картину, «отрезая» ее сверху все той же рамой. Интересно то, что тело ангела, который есть не материальный Дух, изображено материальным, физически могучим.

Сильные, мускулистые руки юноши крепко сжимают подтянутые к подбородку колени, что красноречиво свидетельствуют о его внутренней закрытости, о напряженной внутренней работе. Его такое же напряженное, упругое тело напоминает сжатую пружину.

Какие мысли зреют в голове изгнанного, от которых так по-человечески болезненно «запеклись» его губы? А его взгляд? – а вот взгляд ... Его глаза нельзя назвать человеческими. В них мерцает запретельная бездна, пугающая человека своей непостижимостью.

Так чего же в Люцифере (Ангеле Света) больше? ... человеческого? ... или «надмирного», сверхчеловеческого (Ф. Ницше)? Его тело огромно, монолитно, как каменная скала. Но эта «скала» ... плачет. Слеза катится по щеке сверхчеловека, казалось бы, не способного на проявление такой слабости. Что надломило его, что заставило плакать того, кто восстал против самого Бога? При обсуждении этой темы, например, в студенческой аудитории высказываются различные предположения: обида за изгнание из Рая, утрата главенства над всеми ангельскими чинами, поистине «вселенское» одиночество.

Дело в том, что диалоговый подход лежит в основе герменевтической методологии [15, с. 51–52], поэтому используется и в коллективной поисково-исследовательской работе с произведениями искусства: в данном случае в условиях студенческой аудитории. При этом используются такие стандартные герменевтические приемы, как «вживание», «вчувствование», «интерпретация», образующие сложный процесс субъектно-субъектного взаимодействия, где субъектами выступают: библейский персонаж, художественный образ картины, автор картины, коллективный субъект-исследователь (студенческая аудитория). Именно использованием этих герменевтических приемов

обусловлен и характер описания этого процесса в статье.

В герменевтике нет пассивного объекта исследования (произведения искусства), на который была бы направлена активность изучающего его субъекта исследования (ученого). Художественное произведение с методологических позиций герменевтики само выступает в качестве субъекта, «разговаривающего» с нами «текстом», каковым и является, например, произведение искусства. Такой процесс носит диалоговый характер, требующий от исследователя особой чуткости, эмоциональной отзывчивости, умения «вслушиваться», «вживаться» в иное сознание, особого таланта почувствовать «другого» как себя самого (феноменологический подход) [15].

Поэтому для такой «диалоговой» работы в аудитории требуется создание необходимых условий. Во-первых, сообщение ей необходимой библейской информации, поскольку аудитория, как правило, не владеет ею. Во-вторых, ознакомление с мировоззренческими, философскими исканиями художника, поскольку художник-гений всегда философ, и нельзя его волюнтаристски низвергать до своего, например, не очень высокого уровня просвещенности в этой области. Третьим условием является настраивание на межсубъектный диалог самих студентов, что способствует возникновению доверительных отношений и творческой обстановки в аудитории.

Данное пояснение собственно методологического характера (в чем-то методического) возвращает нас снова к «плачущему ангелу», поскольку с использованием указанного выше герменевтического методологического инструментария и была организована работа студентов с картиной «Демон сидящий». Почему плачет сверхчеловек? Поток студенческих предположений-ответов был остановлен выступлением одного из ребят, суть которого сводилась к заключению о том, что все проблемы «вчерашнего» Серафима (изгнание, утрата главенства над всеми ангельскими чинами, одиночество) могут быть нивелированы одним абсолютным решением – *идти войной* ... против *Отца*. Именно обдумывание этой тяжелой мысли сковало Демона по рукам и ногам, держит в напряжении все его могучее тело, тяготит сознание, заставляет страдать.

Художник запечатлевает момент принятия этого тяжелого для сына решения: он поведет против Отца войной вооруженную армию так называемых «отпавших» от Бога ангелов. Именно осознанием глубочайшего трагизма принятого им страшного, преступного решения вызвана эта слеза на щеке могучего сверхчеловека. Именно переживание абсолютного трагизма принятого сверхличностью решения перекрывает другие проблемы, делает их мелкими перед глобальной катастрофой – воевать против Бога-Отца.

Это предположение и выдвигается в качестве *реконструкционной гипотезы*, с помощью которой будут наделены «восполняющим смыслом» все «части» (отдельные картины) «целого» (все картины). Будут «истолкованы» мировоззренческие смыслы всех картин М. Врубеля «демонического» цикла так, что они должны будут непротиворечиво сопрягаться в единый «текст» с одним метасмыслом относительно постулируемой реконструкционной гипотезы. Таким образом, выстраивается логика «герменевтического круга» (не традиционная, не линейная логика!), ядром которой и выступает реконструкционная гипотеза со всем арсеналом ее специфических методов и приемов [2].

Акварельная работа Врубеля «Голова Демона на фоне гор» надолго задерживает внимание зрителя своей узнаваемостью (рис. 2). Те же «обметанные», запекшиеся от внутреннего болезненного жара губы. Тот же нечеловеческий взгляд зияющей бездны. Талант Врубеля передавать эффект мистического, запредельного во взгляде Демона сродни наитию иконописцев, прозревающих своим внутренним видением иные, высшие миры. Взгляд «врубелевского» Демона напоминает религиозную экзальтацию выражения глаз и образов святых на иконах Феофана Грека.

Взгляд Демона полон решимости. Плотно сжатые губы. Он больше не сомневается. Но трагизмом переживания преступного своего решения по-прежнему охвачен весь образ восставшего на Бога ангела, не только трагизмом переживания своего решения, но ... и предчувствием фатально недоброго. Но отступить он не будет. На фоне сияющей белизны возвышающейся над ним горы весь образ его достигает такой силы контраста, что ассоциируется с эффектом антрацитной, непроницаемой черноты.

Трагически прекрасный, пронзительно юный, заложник своего рокового решения – он страдает. И здесь талант Врубеля, его интуитивное чувство предельного страдания сверхличности находит способ выражения этого чувства. А именно: в каждой картине автор акцентирует гордую, внутреннюю сдержанность Демона, закрытость переживания собственной и мировой трагедии, что увеличивает силу и масштаб его нечеловеческого страдания. Его внутренний «крик» не прорывается наружу, он неимоверным усилием загоняется еще глубже, отражаясь лишь мученическим выражением на лице Демона.

Реконструкционная гипотеза о том, что основным, мировоззренческим смыслом темы Демона в творчестве Врубеля является трагизм переживания Демоном-сыном своего преступного бунта против Бога-Отца, выполняет свою функцию и при рассмотрении картины «Демон летящий».

В отличие от Демона «сидящего» «летящий» Демон более эфемерен, изображение его фигуры условно, абрис рук лишь намечен, но зритель по-

нимает, что они что-то сжимают у самой груди. Ноги неестественно прямые и в этом безвольном положении подчинены скорости полета. О скорости полета можно судить по отлетающей далеко назад драпировке черного плаща, которая выписана со всей подробностью и реализмом струящихся в потоках воздуха змеистых складок; по той высоте, на которую вздымаются гигантские крылья ангела так, что их присутствие в картине отмечено лишь намеком, фрагментом – так они велики.

Высота самого полета обнаруживает себя пиками гор и заснеженными вершинами нетающих ледников, которые виднеются далеко внизу. Традиционно в публикациях можно встретить подробное описание и расположения горной гряды, и, возможно, угадываемого речного потока. В герменевтической логике данный описательный прием является излишним, так как он отвлекает внимание от «существенного» – реконструкции скрытых мировоззренческих смыслов, объединяющих несколько картин в единый «текст». Такой метод в герменевтике называется методом абстрагирования от несущественного. Наряду с этим методом используется метод идеализации, суть которого заключается в обосновании типического, казалось бы, в единичном. Оба эти метода используются в данной работе с картинами Врубеля. Таким образом, абстрагируясь от «несущественного» и «идеализируя» существенное, возвращаемся к полету Демона.

Отметив выразительность, с которой художник создает эффект полета, обратим внимание на то, что стихия полета более всего отражена в лице летящего Демона (рис. 3). Оно не горестно печально, как на картине «Демон сидящий», не исполнено той сдержанной решимости, как в акварели «Голова Демона», но! – оно ... сосредоточенно. Такая сосредоточенность свойственна лику воина, вступающего в битву. Его осунувшееся лицо приобрело твердую огранку и новую выразительность. Его талию туго стягивает пояс с шипами – пояс воина.

Со всей очевидностью, напряженный, не мигающий взгляд широко открытых глаз, отливающих отраженной синевой его лазоревых крыл, направлен на того, с кем он должен сразиться. Перед нами воин, решительно вступающий в бой. Его лицо лишено эмоций. Оно спокойно: те же плотно сжатые губы, та же сдержанность и закрытость, нет и тени агрессии. Но во всем этом читается какая-то спокойная обреченность. То есть тезис «отступить нельзя» повелевает действовать, выступая своего рода программой, обусловленной тем самым роковым решением, символом которого явилась ... его слеза. Стремительный и неумолимый полет, ужасающий своей гибельной обреченностью, вызывает невольную ассоциацию с «Полетом Валькирии» Р. Вагнера – композитора-романтика, ближайшего друга Ф. Ницше.

Заключительным «аккордом» в этой известной «триаде» картин Врубеля выступает его живописное полотно «Демон поверженный» (рис. 4).

Свершилось. Демон повержен. Его ангельские, «серафимовы» крылья изломаны и жалкими остатками остовов торчат за его спиной. Осыпавшееся с них прекрасное ангельское оперение мерцает угасающим светом голубых и розовых блесков, в беспорядке разбросанных вокруг его искаленного, обезображенного тела, которое обреченно скатывается, падает в разверстую черную бездну. Но нас интересует лицо. Выстроен ряд: на лице Демона «сидящего» *горестное переживание* собственного рокового решения; *горькая решимость действовать* читается в лице «акварельного» Демона; *обреченная сосредоточенность и мужественность* в лице Демона-воина «летающего».

Выражение лица Демона поверженного потрясает своей новой эмоциональной выразительностью (рис. 5). Оно принципиально иное и «говорит» об ином. В его яростном, горящем «ледяным» огнем взгляде читается ненависть, которой не было раньше. Ненависть и ярость от понимания того, что его, любимого сына, ... не пощадили! Вера в безусловную любовь Отца питало его надежду: не позволит Он – не посмеют они. Он раздавлен, ожесточен. Отныне он ненавидит Отца как своего главного Врага. Отныне – Война без пощады, без сожаления и ... без надежды. Чувство беспощадной ненависти и отрицания до скончания веков выражает его чудовищный взгляд, но губы ... беспомощно поджаты, как у маленького, обиженного ребенка.

Отныне имя ему – Сатана! Его царство – адская бездна! Какая вселенская трагедия произошла когда-то, разделив мир на зло и добро, на тьму и свет. Но более потрясает личностная трагедия надмирной сверхличности.

Какой контраст с тем, кем он был в царстве Отца своего. Шестикрылый Серафим – высший ангельский чин, его место «одесную» рядом с Создателем. Неземными, мистическими красками сияют облаченье и крылья Серафима (рис. 6). Рефлексы Небесного огня бегут по складкам удивительного платья, отражаются золотом на царственном венце, играют на лезвии обоюдоострого клинка. В цветовой палитре доминирует тоновое и оттеночное богатство синего цвета, мистического, излюбленного цвета художников-символистов.

Перед художниками-символистами стояла та же задача, что и перед художниками-изографами: сказать несказанное, запредельное, недостижимое. Врубелю удалось увидеть этот образ: он потрясает. Непостижимая, нечеловеческая красота. Величие. Власть. Какой контраст с «поверженным», да и с другими его ипостасями: «сидящим», «летающим». Вот только глаза всегда одни и те же: огромные, бездонные и ... пугающие своим холодным, отстраненным взглядом.

Гений Врубеля – это гений человека, способного понять трагедию личности, поместить в свою душу и рассказать о ней в живописи так, что зритель, открывая для себя эти смыслы, тоже становится другим: более сложным, сострадательным, диалогичным и понимающим.

В рассмотренных произведениях М. Врубеля заключена единая, «сквозная» коллизия, позволяющая рассматривать их как единый «текст». В качестве реконструкционной гипотезы было выдвинуто предположение о том, что «движителем» развития данной коллизии выступает не начальная «заданность» склада событий «внешнего» характера, но фактор внутреннего «сгорания» героя в контексте трагической динамики его отношений с Отцом. Последовательность развития его скрытых, душевных переживаний и дерзаний: *трагическое переживание* собственного рокового решения (слеза); *трагизм решимости действовать*; *трагизм сосредоточенности воина на действии против Отца*; *испепеляющая ненависть Поверженного к Отцу* – является для художника первичной и главной.

Выводы

Таким образом, реконструкционная гипотеза выполнила свою функцию относительно каждого из четырех произведений Врубеля. В русле данной гипотезы каждая из картин (частей) так входит в общий «текст» (все картины), что не противоречит смыслу «целого» (текста) так же, как и смысл какой-либо из этих картин (частей) не противоречит смыслу каждой из частей (картин) этого целого (текста) [2].

Акварель «Голова Демона», три программные картины, посвященные теме Демона, рассматриваются в качестве «текста и предмета нашего исследования. Любой текст наряду с рациональными аспектами содержит в себе нерациональные, невербальные составляющие, выявление и рационализация которых требует специальных, герменевтических приемов и диалогического подхода.

Поэтому в качестве основного методологического инструментария при рассмотрении картин была использована герменевтическая логика с ее системой специфических приемов, принципов, методов и подходов. В очередной раз была продемонстрирована эффективность применения герменевтического метода при выявлении глубинных мировоззренческих смыслов в контексте искусства, с целью достижения полного понимания его целого семантического поля.

В статье отмечается недостаточный характер научной разработанности мировоззренческого, философского аспекта в искусстве авангарда и символизма. Поэтому постулируется тезис о недопустимости процесса вытеснения из искусства глубинных, мировоззренческих смыслов – внешними, художественно-эстетическими оценочными штампами.

Именно постановкой и рассмотрением всего комплекса обозначенных в работе проблем обусловлена актуальность данной статьи в целом, поскольку в современном искусствоведении, в философской теории и истории искусства не завершены дискуссии о методах и подходах к пониманию

языка условно-символического искусства. В науке об искусстве ряд положений носит условный, конвенциональный характер и, несомненно, требует специальных исследований, что и нашло отражение в данной статье.

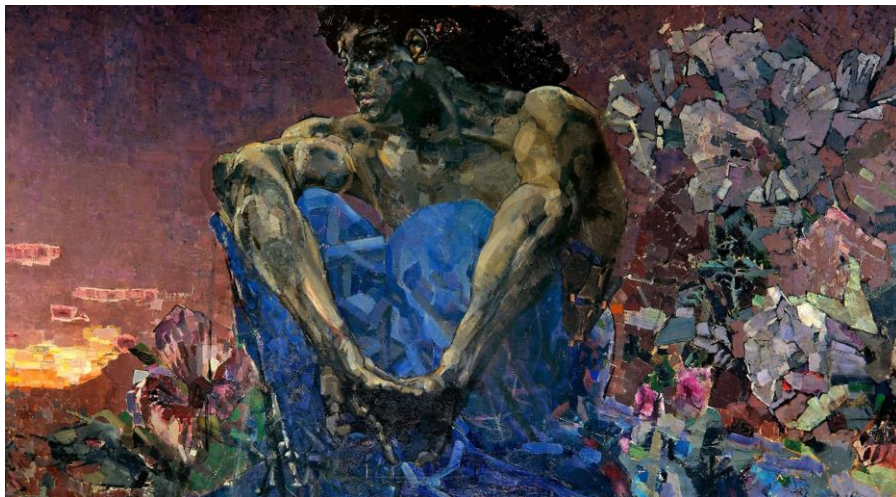

Рис. 1. Врубель Михаил Александрович «Демон сидящий» 1890, холст, масло, 114×211 см.
Государственная Третьяковская галерея
Fig. 1. Mikhail Vrubel «Seated Demon» 1890, oil on canvas, 114×211 cm. The State Tretyakov Gallery

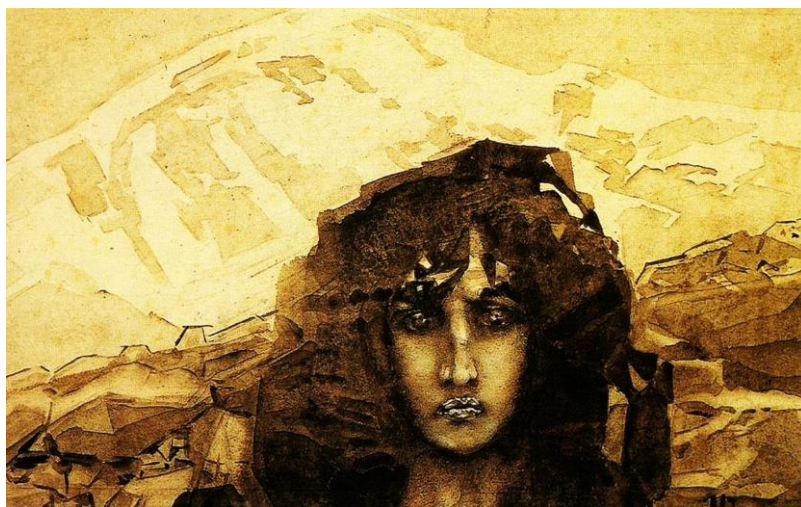

Рис. 2. Врубель Михаил Александрович «Голова Демона на фоне гор» 1891,
бумага, черная акварель, белила, 23х36 см. Киевский национальный музей русского искусства, Украина
Fig. 2. Mikhail Vrubel «Head of the Demon against the backdrop of mountains» 1891,
paper, black watercolor, white. 23х36 cm. Kiev National Museum of Russian Art, Ukraine

Рис. 3. Врубель Михаил Александрович «Демон летящий» (фрагмент) 1899, холст, масло, 138,5×430,5 см.
Государственный Русский музей
Fig. 3. Mikhail Vrubel «Flying Demon» (detail) 1899, oil on canvas, 138.5×430.5 cm. State Russian Museum

Рис. 4. Врубель Михаил Александрович «Демон поверженный» 1901–1902 гг., холст, масло, 139×387 см.
Государственная Третьяковская галерея
Fig. 4. Mikhail Vrubel «Demon Downtrodden» 1901–1902, oil on canvas, 139×387 cm. State Tretyakov Gallery (detail)

Рис. 5. Врубель Михаил Александрович «Демон поверженный» (фрагмент) 1901–1902 гг., холст, масло, 139×387 см.
Государственная Третьяковская галерея
Fig. 5. Mikhail Vrubel «Demon Downtrodden» (detail) 1901–1902, oil on canvas, 139×387 cm. State Tretyakov Gallery

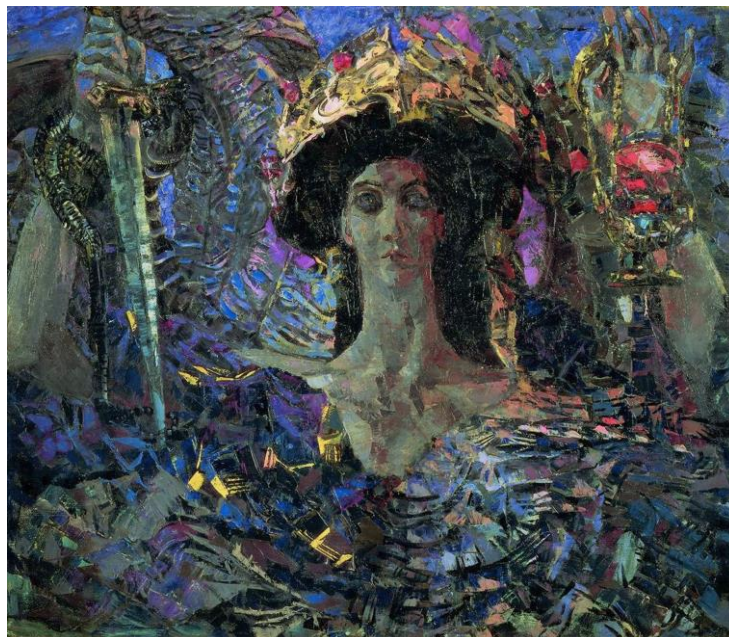

Рис. 6. Врубель Михаил Александрович «Шестикрылый Серафим» 1904, холст, масло, 131x155.

Государственный Русский музей

Fig. 6. Vrubel Mikhail Alexandrovich «Six-winged Seraphim» 1904, oil on canvas, 131x155. State Russian Museum

Литература

1. Лосев, А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство / А. Ф. Лосев. – М. : Искусство, 1995. – 320 с.
2. Кузнецов, В. Г. Герменевтика и гуманитарное познание / В. Г. Кузнецов. – М. : Изд-во МГУ, 1991. – 196 с.
3. Хайдеггер, М. Ницше и пустота / Мартин Хайдеггер. – М. : Алгоритм : Эксмо, 2006. – 304 с.
4. Рикер, П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / П. Рикер. – М. : Медиум, 1995. – 416 с.
5. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 423 с.
6. Бердяев, Н. А. Воля к жизни и воля к культуре / Н. А. Бердяев: Философия и мировоззрение. – М. : Политиздат, 1990. – С. 73–83.
7. Белый, А. Символизм как миропонимание / А. Белый. – М. : Республика, 1994. – 528 с.
8. Кузнецова, О. Н. Проблема понимания смыслов в искусстве символизма / О. Н. Кузнецова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2019. – Т. 19, № 4. – С. 66–70.

9. Ницше, Ф. Антихристианин / Ф. Ницше // Сумерки богов. – М. : Политиздат, 1990. – С. 17–93.

10. Шопенгауэр, А. Мир как воля и представление / А. Шопенгауэр. – М. : АСТ, 2020. – 576 с.

11. Розанов В. В. Собрание сочинений : в 30 т. – М. : Республика, 1994. – Т. 1. Среди художников. – 494 с.

12. Бенуа, А. Н. История русской живописи в XIX веке / А. Н. Бенуа. – М. : Республика, 1995. – 448 с.

13. Алленов, М. М. Русское искусство XIX – начало XX века / М. М. Алленов. – М. : Искусство, 1989. – 473 с.

14. Библия. Книга священного писания Ветхого и Нового завета. – М. : Библейское общество, 1993. – 1376 с.

15. Кузнецова, О.Н. Понимание мировоззренческих смыслов в искусстве условно-символического характера с позиций герменевтики / О. Н. Кузнецова. – Барнаул : Изд-во АГИК, 2019. – 295 с.

Жук Сергей Анатольевич – кандидат искусствоведения, доцент, заведующий кафедрой художественной культуры и декоративно-прикладного творчества, Алтайский государственный институт культуры (Барнаул), e-mail: sergei.zhuk2010@mail.ru

Кузнецова Ольга Николаевна – доктор искусствоведения, доцент, профессор кафедры художественной культуры и декоративно-прикладного творчества, Алтайский государственный институт культуры (Барнаул), e-mail: onk2007@mail.ru

Поступила в редакцию 13 июня 2023 г.

HERMENEUTICAL «READING» OF WORLD VIEW MEANINGS IN THE ART OF SYMBOLISM

S. A. Zhuk, O. N. Kuznetsova

Altai State Institute of Culture, Barnaul, Russian Federation

The paper focuses on the art of symbolism and its «language» which presents a certain difficulty for its understanding. It considers the paintings of the symbolist artist M.A. Vrubel dedicated to the theme of the Demon («Seated Demon», «Flying Demon», «Defeated Demon»). The authors aim to read deep, ideological meanings in the named works of the artist, abstracting from traditional evaluative stereotypes. The specifics of the subject and the task set singles out the problem of the method which makes the paper a significant methodological and theoretical contribution. Hermeneutic logic acts as a methodological basis in this study. It also increases the relevance of the research, since the use of hermeneutics as a method in scientific studies is a rare phenomenon. The main stages of «hermeneutical following» in the text of the article are accompanied with the necessary explanations. The use of hermeneutic logic reveals the deep meanings of M. Vrubel's paintings associated with the worldview of the artist (the philosophy of F. Nietzsche, A. Schopenhauer) and their interpretation in the «prism of choice» of the super-personality (Demon).

Keywords: art, symbolism, methodology, text, hermeneutics, reconstruction hypothesis.

References

1. Losev A.F. Problema simvola i realisticheskoye [The Problem of the Symbol and Realistic Art]. M.: Iskusstvo, 1995. 320 s.
2. Kuznetsov V.G. Germenevtika i gumanitarnoye poznanie [Hermeneutics and Humanitarian Knowledge]. M.: Izd-vo MGU, 1991. 196 s.
3. Khaydegger M. Nitsshe i pustota [Nietzsche and Emptiness]. M.: Algoritm; Eksmo, 2006. 304 s.
4. Riker P. Konflikt intepretatsiy. Ocherki o germenevtike [Conflict of Interpretations. Essays on Hermeneutics]. M.: Medium, 1995. 416 s.
5. Bakhtin M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of Verbal Creativity]. M.: Iskusstvo, 1979. 423 s.
6. Berdyayev N.A. Volya k zhizni i volya k kul'ture [Will to Life and Will to Culture] // *Filosofiya i mirovozzreniye*. M.: Politizdat, 1990. S. 73–83.
7. Belyy A. Simvolizm kak miroponimaniye [Symbolism as a World Outlook]. M.: Respublika, 1994. 528 s.
8. Kuznetsova O.N. Problema ponimaniya smyslov v iskusstve simvolizma [The Problem of Understanding Meanings in the Art of Symbolism] // *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 2019. T. 19, № 4, S. 66–70.
9. Nitsshe F. Antikhristianin [Anti-Christian] // *Sumerki bogov*. M.: Politizdat, 1990. S.17–93.
10. Shopengauer A. Mir kak volya i predstavleniye [World as Will and Representation]. M.: AST, 2020. 576 s.
11. Rozanov V.V. Sobraniye sochineniy [Collected Works]: v 30 t. M.: Respublika, 1994. T. 1. Sredi khudozhnikov. 494 s.
12. Benua A.N. Istoriya russkoy zhivopisi v XX veke [History of Russian Painting in the Nineteenth Century]. M.: Respublika, 1995. 448 s.
13. Allenov M.M. Russkoye iskusstvo XIX – nachalo XX veka [Russian Art of the XIX – Early XX Century]. M.: Iskusstvo, 1989. 473 s.
14. Bibliya. Kniga svyashchennogo pisaniya Vetkhogo i Novogo zaveta [Bible. The Book of the Holy Scriptures of the Old and New Testament]. M.: Bibleyskoye obshchestvo, 1993. 1376 s.
15. Kuznetsova O.N. Ponimaniye mirovozzrencheskikh smyslov v iskusstve uslovno-simvolicheskogo kharaktera s pozitsiy germenevtiki [Understanding Worldview Meanings in the Art of a Conditionally Symbolic Nature from the Standpoint of Hermeneutics]. Barnaul: Izd-vo AGIK, 2019. 295 s.

Sergey A. Zhuk – Cand. Sc. (History of Arts), Associate Professor, Head of the Department of Artistic Culture and Decorative and Applied Creativity, Altai State Institute of Culture (Barnaul), e-mail: sergei.zhuk2010@mail.ru

Olga N. Kuznetsova – D. Sc. (History), Associate Professor, Professor of the Department of Artistic Culture and Decorative and Applied Creativity, Altai State Institute of Culture (Barnaul), e-mail: onk2007@mail.ru

Received June 13, 2023

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Жук, С. А. Герменевтическое «прочтение» мировоззренческих смыслов в искусстве символизма / С. А. Жук, О. Н. Кузнецова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2023. – Т. 23, № 3. – С. 35–44. DOI: 10.14529/ssh230304

FOR CITATION

Zhuk S. A., Kuznetsova O. N. Hermeneutical «Reading» of World View Meanings in the Art of Symbolism. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2023, vol. 23, no. 3, pp. 35–44. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh230304

ДРАГОЦЕННЫЙ УБОР УРАЛЬСКИХ ИКОН (СТРАНИЦЫ ТВОРЧЕСТВА ХУДОЖНИЦЫ ЛИДИИ БЛОХИНОЙ)

О. А. Ковтун

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

Актуальность исследования обусловлена тем, что творчество Лидии Степановны Блохиной, представляющее яркие страницы церковного искусства Урала, до настоящего времени не входило в сферу научных интересов. Цель статьи – введение в научный оборот неизвестных ранее науке работ Л. Блохиной, посвященных созданию драгоценных окладов на иконы, определение своеобразия творчества Л. Блохиной как оригинального художественного явления в церковной жизни Урала. Автор статьи обращается к творчеству Л. Блохиной и ее мастерской в области создания иконных окладов с целью осмыслить их, с одной стороны, как образцы древнерусской традиции, а с другой – как обладающие собственной локальной спецификой, связанной с обработкой цветного камня на Урале. В исследовании рассматриваются творческий метод мастера, основанный на синтезе художественных приемов народной вышивки, элементов узоров древнерусского «золотного» шитья, уральской традиции обработки камня и созданием «рельефных» икон. Анализ произведений Л. Блохиной позволил выявить многообразие стилистических, художественных и технических приемов, отличающих произведения Л. Блохиной. Результатом исследования является введение в научный оборот малоизвестных произведений современного уральского церковного искусства.

Ключевые слова: церковное искусство, украшенные иконы, иконный оклад, жемчужная обнизь, рельефная икона, художественное ремесло.

Введение

Статья посвящена творческой биографии Лидии Степановны Блохиной, художнице, создавшей драгоценные оклады на иконы, а также описанию их художественных и технологических особенностей.

Искусство художественного оформления икон связано с традицией «сокрытия» святости в восточнохристианской культуре, которое сложилось в Византии и стало феноменом отечественного искусства. Структура канонического убора древнерусской иконы, в которую входили оклад, венцы, покровы и пелены, сложилась в России в середине XV века и просуществовала до XVIII века [1, с. 21]. В число украшений древнерусской моленной иконы, участвовавшей в богослужении, кроме оклада, венцов, ожерелий, цат, драгоценных камней, входили и ткани, в том числе подвесные лицевые и орнаментальные пелены и покровы, которые расширяли внутреннее пространство иконы и способствовали созданию сакрального пространства иконы как образа христианского храма [2, 3]. Традиция украшения окладов икон тесно связана с искусством церковного шитья. Произведения шитья: подвесные пелены, покровы, хоругви – являются неотъемлемой частью художественного оформления оклада икон. Вопросы, связанные с темой роли ткани в убранстве икон, рассмотрены автором ранее и содержатся в статьях [4].

В XVII веке в культуре формируются новые эстетические ценности в связи с обращенностью церковного искусства к земной красоте, к драгоценным материалам и украшательству, что повлияло и на художественный убор особо чтимых образов [5, с. 293]. В конце XVII века оклад иконы

стал самостоятельным видом прикладного искусства. В средневековой Руси в каждом доме принято было иметь икону, украшенную драгоценным окладом.

В XVIII–XIX веках драгоценное украшение икон развивается под влиянием художественных стилей светского искусства и мастерства исполнителей. Появляются новые технологические и художественные приемы соединения тканевых и металлических частей в уборе икон. Металлические ризы в украшении окладов икон Богородицы заменили шитые бисером, жемчугом и стеклярусом.

В конце XIX века усиливается внимание к национальному искусству XVII века, и драгоценный убор иконы сближается с русским народным костюмом и вышивкой, где отдается предпочтение ярким цветовым сочетаниям, что объясняется соединением религиозной традиции с народным творчеством.

В настоящее время уральскими мастерами найдены оригинальные решения в создании нового типа драгоценного убора. Цель данной статьи – изучить драгоценный убор как явление истории искусств, оценивая как художественные, так и стилистические особенности работ современного уральского мастера.

Обзор литературы

Основы изучения истории украшения икон в отечественной науке второй половины XIX века были заложены трудами Н. П. Кондакова. В 20-е годы XX века в отечественной науке преобладает исторический подход. В 70-е годы XX века исследования М. М. Постниковой-Лосевой, Н. А. Маясовой были в основном направлены на атрибуцию

произведений древнерусского искусства и введение их в научный оборот. Комплексный подход в изучении связи окладов икон с иконографией моленных образов в контексте стиля эпохи на современном этапе содержится в работах И. А. Стерлиговой, А. В. Рындиной.

Свой вклад в изучение древнерусского церковного искусства внесли М. И. Вишневская, Л. Д. Лихачева, А. В. Силкин, Н. П. Парфентьев, Т. Н. Манушина. Среди зарубежных исследователей христианских святынь следует отметить фундаментальные труды П. Брауна, Х. Бельтинга, М.-М. Готье, которые исследуют аналогии в почитании реликвий на Западе и Востоке. С именем Н. Паттерсон-Шевченко связан термин «украшенная икона», который она ввела в научный оборот. Интерес отечественного искусствознания к русской иконописи XVIII – начала XX века стимулировал изучение художественного наследия регионов Российской Федерации. Вклад в изучение иконописного наследия Урала внесли С. В. Гольянец, Н. А. Гончарова, Т. А. Рунева. Исследователи указывают, что традиционные для горнозаводского Урала камнерезные и ювелирные промыслы оказали влияние на убранство уральских храмов и оформление окладов икон, которые «...поражали богатством каменной утвари: потирами и дисками из горного хрусталя, иконами в роскошном лазуритовом и малахитовом уборе» [6, с. 12].

По свидетельству академика А. Е. Ферсмана в 1870–1900 годах в Екатеринбурге существовало специфическое направление в камнерезном искусстве – изготовление «рельефных икон» [7, с. 267]. Более подробно тема изготовления «рельефных икон» освещена Л. А. Будриной в статье, посвященной творчеству уральского камнереза А. К. Денисова-Уральского, мастера рубежа XIX–XX веков. Иконы выполнены в комбинированной технике акварели и лаковой живописи с применением уральских камней. Как отмечает Л. А. Будрина, «...сочетание разных по своей природе материалов является традиционным для уральцев, что придает религиозному сюжету особую эмоциональную окраску, выразительность и праздничность» [8, с. 222]. В основном исследования драгоценного убора русских икон касаются окладов, выполненных в великокняжеских мастерских в Средневековье, в то время как история изучения украшенных икон нового и новейшего времени остается малоизученной. Актуальность темы статьи определяется необходимостью оценить работы Лидии Блохиной как оригинальное художественное явление отечественной культуры.

Методы исследования

В основе исследования лежит художественно-стилистический анализ рассматриваемых иконных окладов мастерской Лидии Блохиной, а также сравнительный анализ орнаментальных мотивов, который позволил выявить их близость элементам

узорам древнерусского «золотного» шитья, басмы и узорам орнаментации восточных тканей, которые украшали уборы икон в семнадцатом веке. В статье также используются искусствоведческие методы описания, сравнения и аналогии.

Результаты и дискуссия

Образом драгоценного оклада может служить икона Богоматерь Скоропослушница, одно из ранних произведений мастерской Л. Блохиной, в которой воплотилась традиция художественного оформления оклада домашней иконы (рис. 1). Обычно украшали небольшие домашние образы Богоматери. В праздники внутренность киота иконы оклеивалась цветной или золотой фольгой, гирляндами бумажных цветов, лентами, их покрывали вышитыми полотенцами. Особое развитие на Руси получил убор иконы Богоматери Казанской. По мнению исследователя А. В. Рындиной, это связано с легендой обретения образа чудотворной, которая согласно преданию была закутана в ткань [9].

Л. Блохина в работе кроме характерных для украшения сакрального образа басонных изделий (шнуры, кружева, бахрама, кисти) использует и разноцветные уральские поделочные камни, сопоставляя различные по цвету, фактуре и форме материалы.

Коллаж, как творческий метод и принцип сочетания разных по своей природе материалов позволяет мастеру создать свой художественный мир, взаимодействие религиозного содержания с фольклорным искусством. Кроме того, приемы, характерные для текстильного коллажа, можно встретить и в окладах икон, где сочетались живопись, золотое шитье, эмали, драгоценные и полудрагоценные камни.

Наибольший интерес представляет работа Л. Блохиной «Святая Троица», выполненная на основе древнерусского оклада иконы «Святой Троицы» (оклад иконы 1548/1600 г. по заказу Дмитрия Годунова). Икона «Святая Троица», исполненная в мастерской Л. Блохиной, в настоящее время находится в храме преподобного Сергия Радонежского г. Челябинска (рис. 2).

Большая по размеру икона помещена в застекленный киот и выполнена в традиционной для уральцев технике сочетания разных по своей природе материалов, полудрагоценных и поделочных камней, различных видов золотых нитей, таких как канитель,¹ трунцал, бить, мерцающих блесок, крупного и мелкого жемчуга.

Особое место в композиции иконы занимают нимбы святых. Основа нимбов выполнена из золотой парчи и узоров в виде розеток с крупным камнем в центре, напоминающих драгоценные дроб-

¹ Канитель – тонкая металлическая проволока туго свитая в спираль. В XVIII–XIX веках этот материал широко используется для изготовления окладов, предметов церковного шитья, а также светской вышивки.

ницы, которые украшали древнерусские уборы икон. Так, по мнению М. М. Постниковой-Лосевой, «...больше всего занимают места в декоративном шитье XVI века жемчуг и золотые и серебряные дробнички разнообразных форм – чеканные и басменные, с растительным или геометрическим орнаментом, выполненным чернью, резьбой или эмалью» [10, с. 590]. Каждая розетка в виде дробницы в работе Л. Блохиной обнизана крупным и мелким жемчугом, создающим рельефный орнамент. Обниз каждой бусины канителью подчеркивает красоту жемчуга и имитирует высокий каст. Контуры венцов Святых обнизаны жемчугом и обведены рельефным шнуром. Очертания мотивов декора в узорах венцов Святых, приемы вставок бусин, страз и жемчужин имитируют элементы рельефных узоров древнерусского «золотного» шитья, которое в семнадцатом веке называли шитьем на «чеканное дело» в подражание металлической чеканке и дорогим привозным тканям [11, с. 6].

Один из главных и канонических элементов драгоценного убора иконы – коруна. По мнению С. Г. Зюзеовой, появление в XVI веке новой формы коруны с высоким зубчатым завершением связано с усилением западного влияния [12, с. 137]. Коруна святых на иконе работы Л. Блохиной украшена густым орнаментом из крупных кристаллов аметиста, вставленных в каждый из зубцов. Сочетание жемчужного низания с канителью, включение в композицию венца полудрагоценных камней создает удивительный художественный образ.

На груди среднего ангела медальон со вставкой из камня овальной формы, символизирующий нагрудное украшение первосвященника. Цата на груди центрального ангела украшена накладками из камня в виде розеток, обнизанных по контуру жемчугом. Подвес цаты каплевидной формы со вставкой из яшмы обнизан в несколько рядов жемчугом, тесьмой и стразами.

Включение в орнаментальную композицию иконы различных материалов дает возможность мастеру создать выразительный в техническом и художественном отношении образ Святых. Так, крылья ангелов выполнены из минералов горного хрусталя. Горный хрусталь держит острую грань, выявляет пластику и ассоциируется с прозрачным воздухом и чистой водой.

Ризы ангелов шиты из ткани, затканной золотыми нитями с жесткими складками, подчеркнутыми и выделенными контуром. По контуру фигуры ангелов окантованы пятью рядами рельефной тесьмы разной ширины и формы.

Столешица престола, за которым восседают святые, выложена кристаллами горного хрусталя, на фоне которых выделяется гроздь винограда и ритуальная чаша, украшенные камнями малахита. Основание столешницы выполнено из ткани с узором в виде регулярной решетки из ромбов,

созданных витой золотой канителью. В центре каждого ромба – камень малахита круглой формы. Узоры, аналогичные декору столешницы, повторены в орнаменте трона левого ангела. Контуры трона, на котором восседает Святой, обшиты в несколько рядов золотым витым кантом и подчеркнуты розетками, украшенными стразами.

Древо жизни над центральным ангелом выполнено в технике русской мозаики из камней малахита. Выбор фактуры и текстуры камня играет важную роль в создании художественного образа иконы. Оклад иконы «Троица» демонстрирует владение мастером сложными техниками древнерусского шитья и знание орнаментики, отличается многообразием стилистических приемов, синтезом художественных приемов народной вышивки, элементов узоров древнерусского золотного шитья, уральской традиции обработки камня и созданием «рельефных» икон.

Свои особенности имеет оклад иконы Святителя Николая, к образу которого обратилась мастерица (рис. 3).

Его композиция представляет вариант оклада иконы Св. Николая Чудотворца, выполненный итальянскими художниками в 1994 году для базилики в Бари (Италия), а затем переданный в храм Христа Спасителя в Москве. Оклад иконы, выполненной итальянскими мастерами, отмечен декоративностью и торжественностью, особенно нимб Святого, украшенный вставками из полудрагоценных камней и бирюзы.

Иконный оклад Святого Николая Чудотворца работы мастерской Л. Блохиной повторяет иконографическую схему итальянских мастеров, но мастер включает в композицию различные виды золотых нитей и ткани в сочетании с цветными эмальями и поделочными уральскими камнями. Цветная эмаль занимала важное место в украшении культовых предметов. Особенно широко вставки цветной эмали использовались в украшении культовых предметов в XVIII–XIX веках. Цветным эмальям в сочетании с живописью отдавали предпочтение старообрядцы ведущих центров создания икон в первой половине XIX.

В центре композиции большой иконы шитый лик Святого, который окантован по контуру витым шнуром и обнизан жемчугом. Основа нимба Святого выполнена из парчи золотого цвета и украшена тринадцатью медальонами овальной формы в технике расписной цветной эмали, которые заключены в рамки из опалов круглой формы. Между ними укреплены вставки цветной эмали круглой формы, обнизанные золотым шнуром и жгутом различной формы. Для прикрепления каждого камня используется витой золотой шнур, который выполняет роль высокого каста. Нимб окаймляют два ряда опалов овальной формы. Объемное скульптурное оформление нимба завершают накладные детали шестигранной формы из горно-

го хрусталя с золочением, вставки камней малахита и яшмы в форме кабошонов. Омофор Святого шит из белой ткани, на которую нашиты кресты из ткани золотого цвета. В центре каждого из крестов омофора вставка малахита. Окантованы кресты золотым жгутом и обнизаны по краю стразами.

Евангелие в руке Святого Николая украшено полудрагоценными и поделочными камнями. Центр четырехконечного креста Евангелия выделен медальоном. По краю Евангелие обведено выпуклым бордюром из золотого витого шнура в несколько рядов. Все поле иконы, не заполненное фигурой святого, декорировано камнями малахита неправильной формы, на котором выделяются заключенные в круги и квадраты кресты различного рисунка, выложенные вставками опала овальной формы.

Восьмиконечный накладной крест с левой стороны иконы выполнен и украшен поделочными камнями. Центр перекрестья креста подчеркнут яшмой овальной формы. На рукавах креста укреплены накладки с камнями опала. Контуры креста обведены бордюром из ажурной тесьмы и рядами бусин. В нижней части иконы фриз из семи вставок квадратной формы, украшенных стилизованными крестами в виде розеток. В центр розеток вставлены камни яшмы овальной формы.

Икона помещена в застекленный деревянный киот, боковые части которого выложены кристаллами горного хрусталя. Сочетание зеленого цвета малахита и золота формируют яркий художественный и торжественный образ святого. Лидия Блохина сохраняет золотой, ярко-голубой и коричнево-красный цвета, использованные в иконе Св. Николая итальянскими мастерами, но изменяет их соотношение, усиливая доминанту зеленого цвета малахита. Кроме того, автор включает в произведение различные по цвету и фактуре текстильные материалы, которые выполняют роль графической линии, усиливая декоративность образа. Используя коллажный композиционный прием сочетания разных по своей природе материалов, автор достигает особой выразительности сакрального образа Святого.

Большая по размеру икона в застекленном киоте посвящена образу Преподобного Сергия Радонежского (рис. 4). Автор обращается к образу особо чтимого на Руси Святого.

Икона выполнена из уральских самоцветов в сочетании с тканями материалами и элементами живописи. Образ Сергия Радонежского в работе мастерской Лидии Блохиной представляет иконографический вариант покрова с изображением Преподобного Сергия Радонежского, выполненного в технике лицевого шитья в XV веке. Сейчас покров хранится в Сергиево-Посадском государственном историко-художественном музее-заповеднике.

В иконографическом решении сюжета иконы фигура Сергия изображена в рост. Лик Святого

написан масляной краской и окантован по контуру ограненными камнями красного цвета. Гладкий фон накладного нимба святого золотого цвета четко выделяется на фоне, густо декорированном орнаментальными розетками из горного хрусталя, которые подсказаны орнаментикой художественных тканей церковного назначения. Рельефный орнамент розеток из горного хрусталя и бирюзы в виде восьмиконечной звезды создан по мотивам узоров драгоценных шелковых, парчовых и бархатных восточных тканей, которые украшали облачения священнослужителей. В древнерусском лицевом шитье орнаменты копировали элементы декора греческих, итальянских, турецких и иранских тканей, что в свою очередь помогало соблюдать чистоту стиля церковных тканей [13, с.144].

Риза Сергия шита из коричневой ткани, уложенной складками. На груди святого восьмиконечный крест. Центр и рукава креста выделены ограненными камнями красного цвета. Контур креста подчеркнут витым золотым жгутом и стразами. Слева и справа от фигуры Святого аметистовой крошкой и мелкими полированными спилами малахита выложен силуэт Троице-Сергиевой Лавры (рис. 5).

Очертания куполов храма подчеркнуты золотым жгутом разной толщины и формы. Фактура толченого камня в сочетании с графичностью круглых, плоских, фигурных жгутов придает особую выразительность сюжету иконы. Большая по размеру икона помещена в застекленный киот, боковые части которого оформлены кристаллами горного хрусталя с позолотой и гирляндами цветов, выполненных из ткани.

Выводы

Таким образом, иконные оклады Лидии Блохиной являются уникальными художественными изделиями культового назначения, которые отмечены высоким уровнем художественного и технического мастерства исполнения. Уральскому мастеру удалось найти уникальное решение в создании драгоценного убора икон. Украшенные Л. Блохиной иконы отличаются многообразием стилистических приемов и техник, синтезом художественных приемов народной вышивки, уральской традиции обработки камня и созданием «рельефных» икон.

Традиция декорирования одеяний служителей церкви и риз икон с использованием различных материалов существовала издавна. Работа в смешанной технике ставит перед мастером задачу владения приемами, знанием художественных и технических особенностей материалов.

Л. Блохиной, знакомой с пластическими и выразительными особенностями тканых материалов, удалось соединить текстуру и фактуру камня с мягкостью и пластичностью ткани. За счет сопоставления различной формы и фактуры плоских, витых, фигурных шнуров и полудрагоценных уральских

каменной достигается особая игра света. Узоры шелковых, парчовых, бархатных тканей облачений священнослужителей подсказали мастеру орнаментику из цветных уральских камней. Используя наряду с традиционными приемами украшения сакрального образа разного вида яшмы, кристаллы горного хрусталя, аметиста, малахит, ей удалось создать «особый эмоциональный модус» сакрального и фольклорно-сказочного космоса, уникальные культовые образцы, созданные по художественным законам, что дает возможность сравнить их с «драгоценными серебряными ризами», украшающими традиционные русские иконы» [14].

В произведениях Лидии Блохиной воплотилась православная народная традиция иконопочитания «усердие о серебряных ризах», что обусловило особый эстетический модус восприятия мира горного и мира дольного» [15, с. 77] как выражение народно-православного сознания.

Благодарности

Автор выражает благодарность Юлии Блохиной за предоставленные материалы о творчестве Лидии Степановны Блохиной.

Рис. 1. Богоматерь Скоропослушница (шитый оклад), 1997 г. (ткань; бархат, шелк, тесьма, стразы, Вставки: ограненные камни, искусственный жемчуг; масло, шитье, аппликация). 100x150.

Челябинск, Сосновский район, Храм Святых апостолов Петра и Павла
Fig.1. The Mother of God «Quick to Hearken» (Gorgoepekoos). 1997. (wood, oil paint; textile (velvet, brocade, silk, narrow braid), faux pearls, cut stones, narrow fabric, rhinestones, appliqué pattern, embroidery, stitchcraft). 100x150

Рис. 2. Святая Троица (в киоте), 2005. (Дерево, масло; декоративная живописная эмаль; парча, канитель, стразы; аметисты, горный хрусталь, яшмы, малахит, русская мозаика, огранка, шлифовка, низание жемчугом). 200x190. Челябинск. Храм Преподобного Сергия Радонежского
Fig. 2. The Trinity (in an icon-case), 2005. (Wood, oil paint; painted enamel; brocade, gold thread, rhinestones; amethyst, rock crystal, jasper, malachite, Russian mosaic, cutting, polishing, pearl embroidery). 200x190. Chelyabinsk. Church of St. Sergius of Radonezh

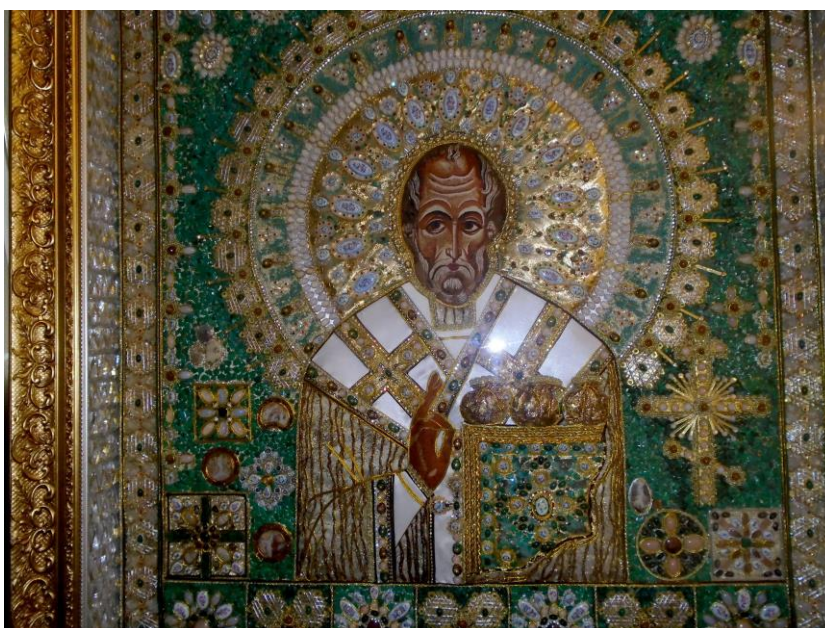

Рис. 3. Святитель Николай Чудотворец (в киоте), 2005. (Дерево, лицевое шитье; ткань; парча декоративная, канитель, шнур; живописная эмаль; бирюза, жемчуг, малахит, опал, горный хрусталь с золочением, яшма, частица Дуба Маврикийского, шлифовка, огранка, резьба по камню, золочение). 127x174x16. Челябинск
Fig. 3. Saint Nicholas (in an icon-case), 2005. (Wood, pictorial embroidery; brocade, gold thread, cord braid, painted enamel; semi-precious stones: turquoise, pearl, malachite, opal, rock crystal with goldplating, jasper; a piece of Oak of Mamre, cutting, polishing). 127x174x16. Chelyabinsk

Рис. 4. Преподобный Сергий Радонежский (в киоте), 2010. (Дерево, масло, ткань: шелк, парча, канитель, тесьма; бирюза, горный хрусталь с золочением, цитрин, малахит, аметисты, резьба по камню). 160x108x 215. Челябинск
Fig. 4. St. Sergius of Radonezh (in an icon-case), 2010. (Wood, painting; silk, gold thread; turquoise, rock crystal with goldplating, citrine, malachite, amethyste, cutting, polishing, goldplating). 160x108x 215. Chelyabinsk

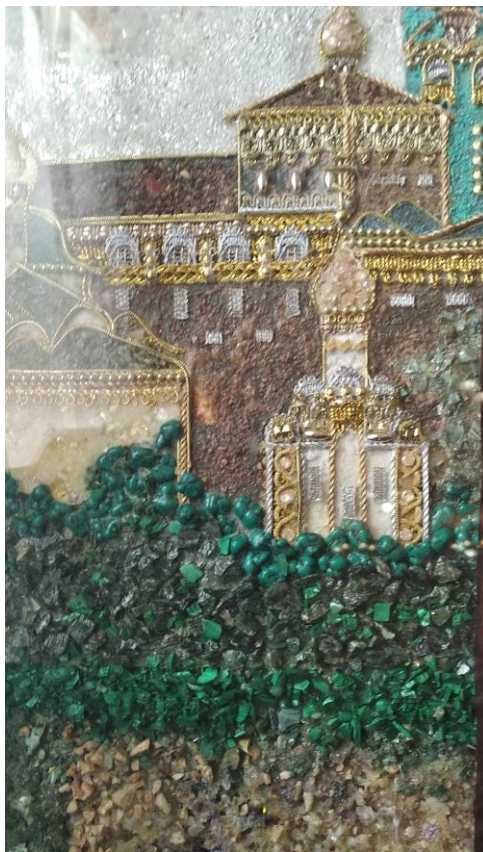

Рис. 5. Преподобный Сергей Радонежский (фрагмент оклада иконы).
Аметисты (крошка), спилы малахита, резьба по камню; декоративный шнур, канитель
Fig. 5. St. Sergius of Radonezh (a fragment of the icon-setting)
amethyst (chips), malachite cuts; cordon, gold thread, polishing)

Литература

1. Стерлигова, И. А. Драгоценный убор древнерусских икон XI–XIV веков: Происхождение, символика, художеств. образ / И. А. Стерлигова. – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – 261 с.
2. Христианские реликвии в Московском Кремле / А. М. Лидов, И. А. Стерлигова, Л. А. Беляев и др. ; ред.-сост. А. М. Лидов. – М. : Радунца, 2000. – 303 с.
3. Стерлигова, И. А. Икона как храм: пространство моленного образа в Византии и Древней Руси / И. А. Стерлигова // Иеротопия: Создание священных пространств в Византии и Древней Руси. – М., 2006. – С. 614.
4. Ковтун, О. А. Церковное шитье в ризнице собора Святого Симеона Верхотурского (к вопросу о монастырских мастерских золотного шитья XIX века на Урале) / О. А. Ковтун // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2017. – Т. 17, № 3. – С. 72–78.
5. Шитова, Л. А. Драгоценный убор богородичных икон в его эстетической общности женским украсам / Л. А. Шитова // Народное искусство. Русская традиционная культура и православие. XVIII–XXI вв. Традиции и современность. – М. : Союз Дизайн, 2013. – 623 с.: ил., цв. ил.
6. Уральская икона = The Urals icon: Живописная, резная и литая икона XVIII – начала XX в. : альбом. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 1998. – 351 с.
7. Ферсман, А. Е. Очерки по истории камня : т. 2 / А. Е. Ферсман. – М., 1961. – 371 с.
8. Будрина, Л. А. Страницы творчества А. К. Денисова-Уральского / Л. А. Будрина // Известия Уральского государственного университета. – 2004. – № 33. – С. 221–230.
9. Русское церковное искусство Нового времени / Сост. А. В. Рындина. – М. : Индрик, 2004. – 320 с. – URL: <http://artcon.ru/node/1184> (дата обращения: 12.04.2017).
10. Постникова-Лосева, М. М. Прикладное искусство XVI–XVII вв. Шитье / М. М. Постникова-Лосева // История русского искусства ; под ред. И. Э. Грабарь. Т. IV. – М., 1959. – С. 587–596.
11. Маясова, Н. А. Древнерусское шитье / Н. А. Маясова. – М., 1971. – 57 с.
12. Зюзина, С. Г. Иконные оклады с фигуративными изображениями работы кремлевских мастеров середины XVI – первого десятилетия XVII века как явление придворной художественной культуры эпохи позднего средневековья : дис. ... канд. искусствоведения / С. Г. Зюзина. – М., 2021. – 228 с.

13. Круглова, А. Р. Золотошвейное рукоделие великокняжеских и царских мастерских XV–XVI веков / А. Р. Круглова. – СПб. : Коло, 2011. – 288 с.

14. Малаева, З. «Насыпные» иконы Денисова-Уральского / З. Малаева // Антиквариат, предме-

ты искусства и коллекционирования. – 2003. – № 3/4. – С. 92–97.

15. Тарасов, О. Ю. Икона и благочестие: Очерки иконного дела в императорской России / О. Ю. Тарасов. – М., 1995. – 495 с.

Ковтун Ольга Автономовна – кандидат философских наук, доцент кафедры теологии, культуры и искусства, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: ol.kovtun 2012@yandex.ru. ORCID 0000-0003-2609-5813

Поступила в редакцию 25 мая 2023 г.

DOI: 10.14529/ssh230305

PRECIOUS HEADDRESS OF URAL ICONS (PAGES OF THE ARTIST LYDIA BLOKHINA'S WORK)

O. A. Kovtun

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The research is relevant due to the fact that the artwork of Lidia Blokhina, demonstrating the outstanding pieces of church art of the Urals, has not been within the scope of scientific interests until now. The paper aims to introduce the unknown to science works of L. Blokhina on the creation of precious icons framings, to determine the uniqueness of her work as an artistic phenomenon in the church life of the Urals. The paper examines the artwork of L. Blokhina, analyzing her holy icon framings as an area of contemporary church art which carry on aspects of the Ancient Russian tradition while featuring regional (Ural) techniques of gemstone processing. We consider the artistic characteristics of the works of L. Blokhina, based on the synthesis of folk embroidery techniques, the elements of ancient Russian «golden» embroidery patterns, the Ural stone processing technique and the creation of «embossed» icons. Our stylistic, artistic and technical analysis of the works defined them as unique iconic art works, and resulted in introduction of unknown art works designed for church service in scien.

Keywords: devotional art, icon decoration, icon setting, pearl embroidery, embossed icon, artistic craftwork.

References

1. Sterligova I.A. Dragotsenny ubor drevnerusskikh ikon XI–XIV vekov: Proiskhozhdeniye, simbolika, khudozhestv. Obraz [Precious Dressing of Ancient Russian Icons of the XI–XIV Centuries: Origin, Symbolism, Art Image]. M.: Progress-Traditsiya, 2000. 261 s.

2. Khristianskiye relikvii v Moskovskom Kremle [Christian Relics in the Moscow Kremlin]; Red.-sost. A. M. Lidov. M.: Radunitsa, 2000. 303 s.

3. Sterligova I.A. Ikona kak xram: prostranstvo molennogo obraza v Vizantii i Drevnej Rusi [Icon as a Temple: the Space of the Prayer Image in Byzantium and Ancient Rus'] // *Ierotopiya: Sozdanie svyashchennykh prostranstv v Vizantii i Drevney Rusi*. M., 2006. 614 s.

4. Kovtun O.A. Tserkovnoe shit'e v riznitse sobora Sviatogo Simeona Verkhoturskogo (k voprosu o monastyrskikh masterskikh zolotnogo shit'ia XIX veka na Urale) [Ecclesiastical Sewing in the Sacristy of the Cathedral of St. Simeon of Verkhoturye (to the Question of the Monastery Workshops of Gold Embroidery of the XIX Century in the Urals)] // *Vestnik Iuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki*. 2017. T. 17, № 3. S. 72–78.

5. Shitova L.A. Dragotsenny ubor bogorodichnykh ikon v yego esteticheskoy obshchnosti zhenskimi ukrasami [The Precious Headdress of the Mother of God Icons in its Aesthetic Similarity to Women's Adornments] // *Narodnoye iskusstvo. Russkaya traditsionnaya kul'tura i pravoslaviye. XVIII–XXI vv. Traditsii i Sovremennost'*; avt.-sost. i nauch. red. M.A. Nekrasova. M.: Soyuz Design, 2013. 623 s.

6. Ural'skaya ikona. Zhivopisnaya, reznaya i litaya ikona XVIII – nachala XX v. [The Urals Icon. A Picturesque, Carved and Cast Icon of the XVIII – Early XX Century]: al'bom. Yekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo un-ta, 1998. 351 s.

7. Fersman A.E. Ocherki po istorii kamnya: t. 2. [Essays on the History of Stone]. M., 1961. 371 s.

8. Budrina L.A. Stranitsy tvorchestva A. K. Denisova-Ural'skogo [Pages of Creativity A. K. Denisov-Uralsky] // *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 2004. № 33. S. 221–230.
9. Russkoe cerkovnoe iskusstvo Novogo vremeni [Russian Ecclesiastical art of Modern Times]; sost. A.V. Ryndina. M.: Indrik, 2004. 320 s. URL: <http://artcon.ru/node/1184> (data obrashcheniya: 12.04.2017).
10. Postnikova-Loseva M.M. Prikladnoe iskusstvo XVI–XVII vv. Shit'e [Applied Art of the XVI–XVII Centuries. Sewing] // *Istoriya russkogo iskusstva*; pod red. I.E. Grabar'. T. IV. M., 1959. S. 587–596.
11. Majasova N.A. Drevnerusskoe shit'e [Old Russian Sewing]. M., 1971. 57 s.
12. Zjuzina S.G. Ikonnye oklady s figurativnymi izobrazheniyami raboty kremlevskikh masterov serediny XVI – pervogo desyatiletiya XVII veka kak yavlenie pridvornoy khudozhestvennoy kul'tury epokhi pozdnego srednevekov'ya [Icon Settings with Figurative Images by Kremlin Masters from the Middle of the 16th – the First Decade of the 17th Century as a Phenomenon of the Court Artistic Culture of the Late Middle Ages]: dis. ... kand. iskusstvovedeniya. M., 2021. 228 s.
13. Kruglova A.R. Zolotoshveinoe rukodelie velikoknyazheskikh i tsarskikh masterskikh XV–XVI vekov [Gold Embroidery Needlework of the Grand–Princely and Royal Workshops of the XV–XVII Centuries] SPb.: Kolo, 2011. 288 s.
14. Malaeva Z. «Nasypnye» ikony Denisova Ural'skogo [Bulk" Icons of Denisov Uralsky] // *Antikvariat, predmety iskusstva i kolleksionirovaniya*. 2003. № 3/4. S. 92–97.
15. Tarasov O.Y. Ikona i blagochestiye: Ocherki ikonnoogo dela v imperatorskoy Rossii [Icon and Piety: Essays on Icon Art in Imperial Russia]. M., 1995. 495 s.

Olga A. Kovtun – Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor of the Department of Theology, Culture, and Art of South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: ol.kovtun2012@yandex.ru

Received May 25, 2023

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Ковтун, О. А. Драгоценный убор уральских икон (страницы творчества художницы Лидии Блохиной) / О. А. Ковтун // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2023. – Т. 23, № 3. – С. 45–54. DOI: 10.14529/ssh230305

FOR CITATION

Kovtun O. A. Precious Headdress of Ural Icons (Pages of the Artist Lydia Blokhina's work). *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2023, vol. 23, no. 3, pp. 45–54. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh230305

ARTS IN THE CHINESE REVOLUTION: THE INTERMEDIAL RELATIONS BETWEEN CINEMA AND BALLET IN THE «RED DETACHMENT OF WOMEN»

T. Craveiro

University of São Paulo, São Paulo, Brazil

The article aims to analyze the intermediary relationship between cinema and dance in the feature film *The Red Detachment of Women* (1961, Xie Jin) and in the filmed ballet of the same title (1971, Pan Wenzhan and Fu Jie). The films belong, respectively, to the so-called Period of 17 Years (1949–1966) and to the Cultural Revolution (1966–1976), years that comprise the government of Mao Zedong. The analysis takes into account the peculiar development of Chinese cinema since its beginnings, and its aesthetic originality based on the different types of arts in the country. During the Maoist period, initially under Soviet influence, China's film industry turned to socialist themes with the intention of internationalizing national arts that sought to make the revolution worldwide. Through the slogan *gu wei jin yong yang wei zhong yong* (古为今用, 洋为中用), which means using the ancient for the present, and foreign things for China, the cultural guidelines of the Communist Party relied on the popular appeal of diverse Chinese and foreign arts to build the heroic narratives of a people forged under socialism. They were easily absorbed not only by the local population, but also by people from other countries. The films in question are examples of the aforementioned motto and combine western aesthetic resources, such as classical ballet, with eastern elements such as Chinese operatic theater, resulting in an original aesthetic for cinema.

Keywords: Chinese cinema, intermediality, classical ballet, Maoist period, political art.

Introduction

Cinema became the fundamental artistic form aimed at educating the people and consolidating socialist ideas in China from 1949 onwards, after the victory of the communists in the civil war waged for many years against the Nationalist Party and the declaration of the People's Republic by Mao Zedong. With the nationalization of film studios in 1953 and the beginning of production of filming equipment in China in the same decade, the national film industry recovers its production, which was quite prolific in the 1930s and shortly after World War II between 1945 and 1949, and incorporates a decidedly propaganda bias, committed to building a new country.

The various film forms developed since the founding of the People's Republic served the same purpose: to educate the people of New China. In fiction cinema, there was a need to emphasize who the heroes were, and especially who were the villains who were enemies of the people. For the Communist Party, it was essential that the Chinese population identify its oppressors – foreign imperialists, landlords, bourgeois, nationalists and counterrevolutionaries, so that these could always be fought during the process of building a nation without oppression and exploitation. It was also essential to recognize the characters who fought in favor of the people and the liberation of China: the entire working class – from the fields and cities, united with the Red Army, commanded by the Communist Party.

Starting from these basic principles of depicting national heroes and villains, Chinese cinema of the Maoist era adopted the aesthetics of Soviet socialist realism, not only in cinema but also in other artistic forms. The cinematographic narrative based

on socialist realism consisted of clearly defining the beginning, middle and end of the stories told by the films, as well as demonstrating an idealism that awakened in the spectators the hope for positive social changes. In these productions, which took place in the newly nationalized film studios of Shanghai and Beijing, the villains were always portrayed in a darker way through the dark colors of the costumes, contrasting makeup, long shot framing to make them «smaller» and lighting that partially covered them with shadows. These aesthetic choices attributed negative visual aspects to the villains, causing estrangement, fear and rejection in the spectators.

To represent positive characters, the aesthetics of socialist realism used resources that were completely opposite to those mentioned above: the heroes of the people – soldiers of the Red Army and members of the Communist Party, were portrayed with light-colored costumes, makeup that highlighted their faces in a way positive, counter-plongée framings – thus revealing their grandeur and dignity, and lighting devices that made them almost holy figures, associating communism with light, liberation and a bright future. This representation of the people's heroes made the spectators create affection and inspiration for these characters, thus awakening a desire to become a people's hero in real life.

With the aesthetic choice of socialist realism established – used little by little by directors in the early 1950s, the cinema of the People's Republic began to narrate the historical episodes of struggle that the country had recently gone through. It was also an intention of the narratives of the period to emphasize that the revolution was in the process of being built and should go forward, not only in China, but also worldwide.

The Red Detachment of Women (*hongse niangzi jun* 红色娘子军), released in 1961 and directed by Xie Jin, was the director's second feature film produced during the 17 Years Period (1949–1966). Xie Jin is one of the main directors in the history of Chinese cinema, described by Costa (1987) as «an author whose universe is truly cinema and who, on the side of exception, clearly testifies to the very diverse potentialities of the intersection between this world (this culture, this civilization) and cinema» [1, p. 64]. *The Red Detachment* was one of the films commissioned by the Communist Party to commemorate its 40th anniversary. The feature portrays, through the trajectory of the protagonist Wu Qionghua, an episode of the liberation process of Hainan island between 1930 and 1932.

The protagonist is Wu Qionghua, a young peasant woman who lived under exploitative conditions in the lands of the rich and cruel Nan Batian. Her family had been murdered by the landlord, who took them as property, forcing the young woman to do all kinds of hard work, and torturing her as punishment for her attempts to escape. Everything changes when two Communist Party members – Hong Changqing and Xiao Pang, arrive on the island disguised as wealthy merchants. They infiltrate Nan's property, observe how men and women were subjected to all kinds of humiliation there, and witness the physical punishment that Qionghua suffered in the cellars of the house.

Feigning interest in trading with Nan Batian, Hong Changqing buys Wu Qionghua, takes her out of the property and after freeing her directs her to look for the Red Army camp on the island and join the female detachment. This act marks the beginning of the character's liberation trajectory, which can be directly associated with the liberation of the island and of China itself. On the way to the camp Qionghua meets another girl named Hong Lian, oppressed and imprisoned by family traditions. The two young women decide to flee in order to meet the Red Army, developing a sisterly relationship. After accepted by the female detachment, the characters go through a process of political education and military strategies, also learning to direct their personal desires for revenge to the collective struggle for the liberation of the Chinese people.

Wu Qionghua, through her striking facial expression and the determination of her youth, represents female strength, the achievement of liberation and the revolution that was also still young and should go ahead. Xie Jin's film had several awards¹

¹ As Chan (2019) points out, the film received four Hundred Awards Flowers at the first edition of the Chinese festival Golden Rooster Film Festival in 1962 in the categories of Best Film, Best Director, Best Actress for the lead Zhu Xijuan (Wu Qionghua), and Best Supporting Actor for Chen Qiang (Nan batian). *The Red Detachment of Women* also received the Bandung award at the third edition of Afro-Asian Film Festival in Jakarta, April 1964.

and marked generations of Chinese people, from the 1960s to the present day [2]. The film is part of a long list of works in different media about Hainan's liberation history under the title *The Red Detachment of Women*. According to researcher Kristine Harris [3], the first known production with this title is a report published between the years 1957/1958, in which characters would already be represented a few years later in Xie's feature film [3]. In this same period, *The Red Detachment of Women* had its first adaptation for the stage, in the form of a local Hainan opera, called *Qionghua*, sung in the island's dialect. This first opera version was performed only in Hainan as the dialect was only understood by the local people.

Xie Jin's feature film released in 1961, *The Red Detachment of Women* would again be adapted for the stage in the same decade. Between 1963 and 1964, the Beijing Dance Academy and the Beijing Opera Academy adapted the film's script into a repertoire classical ballet version, and a Peking Opera version². In 1966, a comic book version was released, attributed to Liang Xin, screenwriter of Xie's feature film. Between 1971 and 1972, at the height of the Cultural Revolution, a period in which artistic productions were under the meticulous command of Jiang Qing, Mao Zedong's fourth wife, *The Red Detachment of Women* was again adapted for ballet and opera, this time once in studio-filmed versions. The ballet was widely screened in movie theaters in cities, and in traveling cinemas³ across the country, and, like Xie Jin's feature film, it was a great success with the public, and ended up enshrining the title *The Red Detachment of Women*.

The filmed version of the opera, however, did not obtain the same prestige as the ballet, and at the time was considered only a complement to it. In her article *Re-makes / Re-models: The Red Detachment of Women between stage and Screen* Harris points out some factors that justify the failure of the filmed opera among the public. Opera version is twenty minutes longer than the ballet, making it tiring to watch, and lacks the appeal of the action and incredible bodily technique of the dancers in their acrobatics and ensemble entrances. Furthermore, the filming and cutting techniques employed in the opera did not suit the filmic language as well as the ballet did, with great success.

Relations between Chinese cinema and other arts have been very close since the first film shot in the country in 1905. In *Conquering the Jun Mountain* (*ding junshan* 定军山, Ren Jingfeng), famous

² According to Harris, the Peking Opera version produced between 1963 and 1964 was «swept under the rug» because the playwrights of this version – A Jia and Tian Han, were heavily persecuted and criticized during the Cultural Revolution.

³ The traveling cinemas were a result of the Chinese autonomy in producing their own cinematographic equipment: with the consolidation of this industry, and the production of 16 mm and 8 mm cameras and portable projectors, it was possible to take cinematographic art to the rural interior of the country.

opera actor Tan Xinpei – the favorite of Empress Cixi⁴, plays the role of an opera, a typically Chinese theatrical style distinct from Western theater. With the development of the Chinese film industry during the 1920s and 30s, relations with other artistic forms evidenced through the aesthetics, language and genres of films: theater, martial arts, opera, and comedies, among others. After the founding of the People's Republic in 1949, and the years that comprise the period of the Cultural Revolution (1966-1976), relations between Chinese cinema and other media became even more intense, and with the purpose of meeting the demands arts established by the Chinese Communist Party⁵.

In the films in question, we are especially interested in the intermedial relations between cinema and dance – specifically the classical ballet developed in China during the Maoist period. Taking the theories of intermediality developed by Agnes Pethó and Irina Rajewski about intermediality in cinema, we will approach the films from a historical perspective, which could make the political dimension of this intermediality emerge.

Literature review

Literary references that use the theme 'intermediality' in Film Studies were selected according to their suitability to the political context of Chinese cinema in the Maoist period (1949–1976). Through the theories elaborated by Agnes Pethó (2011), Irina Rajewsky (2012), Claus Clüver (2011) and Regina Schober (2011), it is possible to highlight the political character of the films *The Red Detachment of Women*, and to comprehend the importance of the relationships between cinema and dance media in the cinematographic productions of the period cited in this article.

Claus Clüver (2011) establishes that intermediality already occurred among many forms of arts and at other times before established as a term of academic study in the 2000s.

Agnes Pethó (2011) and Lucia Nagib (2014) consider intermediality as an important historical method of analysis in Film Studies. Irina Rajewsky (2012) and Regina Schober (2011) use terms such as «umbrella concept» to expand the possibilities of the intermedia approach in the relations of cinematographic works with other arts.

For the historical context of the films listed here, the article by Christine Harris (2010) and the book by Jessica Ka Yee Chan (2019) stand out. The authors

insert the arts produced in the Maoist period in accordance with internal and external political requirements, which used cinema as an important propaganda tool for the construction of Chinese socialism.

Authors listed in numbers 9 to 14 were read and analyzed for the elaboration of the text of this article. Pethó (2010, 2014), Schober (2011), and Aguiar (2017) already mentioned, have theories about intermediality in cinema that converge with Clüver and Rajewsky. Berry and Faquhar (2006) and Clark (2011) present interesting historical panoramas that relate the main political events in China with changes in artistic production. Numbers 15 and 16 are references to the two films entitled *The Red Detachment of Women*.

Research methods

The theoretical and methodological basis for the elaboration of this article is the use of the intermediality theory to analyze the relations between cinema and dance – classical ballet, inserted in the political context of artistic production established during the Maoist Period.

To develop this methodology, it was necessary to read the bibliography about the theme, and film analysis in which the intermedial theory was inserted.

Results and discussion

1. Intermediality in the cinema of the Maoist period

Intermediality, according to Claus Clüver «is a relatively recent term for a phenomenon that can be found in all cultures and eras, both in everyday life and in all cultural activities that we call 'art'» [4, p. 9]. Agnes Pethó (2011) and Lucia Nagib (2014) point to intermediality as an important historical method of analysis in *Film Studies*, and Irina Rajewsky (2010, 2012) borrows from Regina Schober (2012) the term «umbrella concept» to emphasize the numerous possibilities of the intermedial approach for a more comprehensive look at the relationships of cinematographic works with other arts.

Rajewsky defines the «umbrella concept» as a procedure with three categories of phenomena, namely: 1) media transposition, 2) combination of media, and 3) media references. According to the author, these approaches can range from the method of film adaptation, musicalization of literature, among others, to broader approaches, which result in subcategories of intermedialities. In this way, Rajewsky defines intermediality as follows:

a generic term for all those phenomena that (as the prefix *inter* indicates) somehow happen *across* media. «Intermediatic», therefore, designates those configurations that have to do with a crossing of borders between media and that, for this reason, can be differentiated from *intra mediatic phenomena* as well as from *transmediatic phenomena*, for example, the appearance of a certain motif, aesthetics or discourse in a variety of different media [5, p. 18].

⁴ Known as the «Dowager Empress», belonging to the Qing Dynasty, the last Chinese imperial dynasty, overthrown in 1911 by the Xinhai Revolution, led by Sun Yixian (Sun Yat-sen), one of the founders of the Nationalist Party (Guomindang / Kuomintang-KMT), and «father» of the republic. The Chinese Republic was declared on January 1, 1912.

⁵ It is important to emphasize that the guidelines for the artistic productions of the People's Republic were discussed even before its foundation. The known *talks at the Yan'an Forum on Art and Literature* carried out in 1942 under the leadership of Mao Zedong, already pointed out the functions of national arts for the construction of socialism in China.

Faced with a brief presentation of the concept of intermediality, and of the work that was built around the title *The Red Detachment of Women*, in which cinema played a central role in its diffusion, we can justify the application of intermedial analysis. As mentioned in the introduction, Chinese cinema from its inception to its full development has very intensely and closely related filmic art to other types of art. The Maoist regime, with the political purpose of educating the population about socialist ideas, and with the greater objective of making the world revolution, used the artistic means as the great vehicles for the propagation of such ideas. The fusion of Western artistic techniques such as classical ballet, with typically Chinese arts – and using cinema as the great transmitter of the final result of these mixtures, seemed the perfect strategy for the Communist Party committees, which commanded the artistic productions of the period.

In the specific case of the analyzed films, it is appropriate to evoke the notion of «media combination», applied in its variation called «plurimodality», and media transposition (Rajewsky, 2010). The combination of media is characterized by the combination of at least two different media (which can be opera, cinema, theater, performance, installations, comics, among others), which will contribute to the construction and to the final meaning of the product resulting from such a combination, which can occur in two modalities: plurimodality and multimodality. Plurimodality consists of the presence of more than one type of media within a single medium (such as cinema, opera, and dance), and it serves us for the analysis of the films in question [6, p. 55].

Media transposition is a process that refers to a text in a given medium, produced from another medium. In this process, the source media is used as the source of the resulting media product, thus configuring intermediality. Media transposition, according to Brazilian researcher Thais Diniz, is very recurrent in cinema «(...) because, from the beginning, this medium has shown its ability to report, with its own resources, a previously narrated story» [7, p. 51].

2. Cinema and Ballet in *The Red Detachment of Women*: an intermedial look

The title *The Red Detachment of Women*, as already presented in the introduction, has become a work widely represented in various media formats and enshrined in cinematographic form, based on a real story of the period of liberation of the Chinese territory. Narrating China's liberation episodes is one of the characteristics of the national arts modernization process⁶, which became more intense and comprehensive during the Maoist regime [8].

Cinema played a central role in the socialist education that began in 1949, being the main media form of diffusion of modernized Chinese arts. As proof of this, we have the ballets and operas that gained filmic forms during the Cultural Revolution, and were widely shown in movie theaters and in traveling cinemas in China.

The intermediary relationship in *The Red Detachment of Women* is already evident in the 1950s, when a report was published between the years 1957–58. The narrative of historical facts and the presentation of characters shaped the script for the first stage adaptation – the Hainan opera; and it is from this report that the script for Xie Jin's feature film was prepared. The screenplay for Xie Jin's feature film, in turn, served as the basis for new adaptations for the ballet and Peking Opera produced between 1963 and 1964. The filmed versions produced and released during the Cultural Revolution (the ballet in 1971 and the opera in 1972), were also based on the feature film script, however, with occasional modifications demanded by Jiang Qing.

The ballet version of *The Red Detachment of Women* was carefully crafted. Its main technical and artistic basis was classical ballet imported from the Soviet Union. To classical Soviet ballet they added Hainan folk dances, acrobatic movements from opera and martial arts, and the *liang xiang* pose. Also taken from Chinese opera, the *liang xiang* pose consists of freezing movements to give emotional emphasis to the character. There is an important and peculiar aspect of the cinematographic productions of *The Red Detachment of Women*: when filming Xie Jin's feature film and during the preparation and filming of the ballet, the whole team – directors, technicians and cast/body, traveled to Hainan to learn about the daily life and body language of peasants and soldiers on the island.

As Harris points out, among the main changes in the script for *The Red Detachment of Women* made collectively by the ballet's editing team in 1970, we can highlight: the ideological message and the revolutionary traits of the heroic characters were emphasized and placed in the foreground. There was a character named Honglian in Xie Jin's film, who was written out of the ballet's script. The name of the protagonist Qionghua changed to Qinghua (which means «pure, clean China», until then the names of the characters in Xie's film referred to the color red). Changqing, male protagonist of notable position in the Communist Party, has his character evidenced as a revolutionary martyr. This modified script served as the basis for filmed ballet and opera released in 1971 and 1972 respectively.

⁶ Author Christine Dabat, in her book *Women in the Chinese Revolutionary Movement* (2006), considers the 1919 May Fourth Movement to be the «first cultural revolution» of the republican period. The movement was a reaction to the Treaty of Versailles, which humiliated China by handing over the province of Shandong (until

then a German concession) to Japan. Among the forms of protest elaborated by these young people, there was the replacement of traditional themes in the arts by current, urgent and revolutionary themes; among them the fight against imperialism, women's liberation, and the fight against exploitation under which the Chinese population was subjected.

The intermediary relationship between dance and cinema present in the two films *The Red Detachment of Women* is perceptible not only by the use of the combination of media (here present cinema, dance, and opera), plurimodality and mediatic transposition, but also how evident are the fusion and mixing of these artistic forms that result in cinematographic art as the main medium. Media transposition is evident here if we take cinema as the central source for the final result of the combination of media. Linked to transposition, plurimodality is noticed when we, establishing the film form as a fundamental base and source, note the insertion of other media forms present in *The Red Detachment*, such as dance, opera and music, to result in the film format as a medium diffusion of the combination of media.

Conclusion

The intermedial approach inserted in the analysis of the feature film and the filmed ballet entitled *The Red Detachment of Women* shows, in the first place, the importance of the historical method, since the political factors that involved cinematographic production in the periods studied (17 Years Period – 1949–1966, and Cultural Revolution – 1966–1976) are fundamental for understanding the transformations of national arts in Maoist China.

Secondly, when we analyze Chinese cinema through the intermedial approach, we can notice that this cinema – born almost simultaneously with the creation of cinema in the West – maintains a very intimate relationship with other types of art. From the first Chinese films made at the beginning of the 20th century, to the development of the Chinese film industry during the republican period (1912–1949), and the emergence of a typically revolutionary and socialist cinema during the Maoist regime (1949–1976), the history of Chinese cinema is marked by the relationship between cinematographic art and dance, literature, theater, opera, music, martial arts, among others; feature that continues to this day.

Finally, we make use of the concepts developed by Rajewsky about the relationships between different media and different arts, defined as intermediality, plurimodality and media transposition, to analyze two key films from the Maoist period, which demonstrate how Chinese cinema participated in the effort to use the old for the present, and things foreign for China, and in this way contribute to the construction of socialism in the new country. In *The Red Detachment of Women* one can see how the barriers between the media are confused, with an intense interaction of media forms that results in a complex aesthetic for the cinema of the new China.

References

1. Costa J.M. da. Dados Históricos // Catálogo da mostra de Cinema Chinês. Cinemateca Portuguesa. Lisboa, 1987.
2. Chan J.K.Y. Chinese Revolutionary Cinema Propaganda: Aesthetics and Internationalism 1949–1966. I.B. Tauris, 2019.
3. Harris K. Re-makes / Re-models: The Red Detachment of Women between Stage and Screen // The Opera Quarterly. 2010. Vol. 26, № 2–3. P. 316–342. Oxford University Press.
4. Clüver C. Intermedialidade // Belo Horizonte. 2011. Vol. 1. № 2. P. 8–23. URL: <https://periodicos.ufmg.br/index.php/revistapos/article/view/15413>.
5. Rajewsky I. Border Talks: The Problematic Status of Media Borders in the current Debate about Intermediality // Media Borders, Multimodality and Intermediality; ed Lars Elleström. Basingstoke: Palgrave Macmillan, P. 51–69, 2010. URL: [_Border_Talks_The_Problematic_Status_of_Media_Borders_in_the_Current_Debate_about_Intermediality_in_Lars_Elleström_ed_Media_Borders_Multimodality_and_Intermediality_Basingstoke_Palgrave_Macmillan_2010_pp_51_68](https://www.palgrave.com/gp/9781137371111_51-69).
6. Rajewsky I.O. Intermedialidade, intertextualidade e «remediação»: uma perspectiva literária sobre a intermedialidade // DINIZ, T. F. N. (Org.). Intermedialidade e estudos interartes: desafios da arte contemporânea. Belo Horizonte: Editora UFMG, 2012.
7. Diniz T.F.N. Intermedialidade: perspectivas no cinema // Revista Rumores. 2018. № 24. Vol. 12. URL: <https://www.revistas.usp.br/Rumores/article/view/143597>.
8. Dabat C.R. Mulheres no movimento revolucionário chinês (1839–1949). Recife: Ed. Universitária da UFPE, 2006.
9. Nagib L. The Politics of Impurity // Impure Cinema: Intermedial and Intercultural Approaches to Film; ed. L. Nagib and A. Jerslev. London: I.B. Tauris, 2014.
10. Schober R. Translating sounds: intermedial exchanges in Amy Lowell's «Stravinsky's Three Pieces 'Grotesques' for String Quartet» // Media borders, multimodality and intermediality; Ed. L. Elleström. Nova York: Palgrave, 2011.
11. Aguiar D. Dança e Intermedialidade: Relações, Convenções e Fronteiras. Seminário Internacional Trans-Incorporados // Tradução, Remixação e Disseminação. Série Trans-In-Corporados. 2017. Vol. 2. LabCrítica. Rio de Janeiro. URL: https://labcritica.com.br/wp-content/uploads/2017/11/TRANS-IN-CORPORADOS_Caderno-de-resumos_2017.pdf.
12. Berry C., Farquhar, M. «Operatic Modes» // Berry, Chris E Farquhar, Mary, China on Screen: Cinema and Nation. New York: Columbia University Press, 2006.
13. Clark P. The Chinese Cultural Revolution: a history. Cambridge University Press, 2008.
14. Pethó Á. Intermediality in Film // A Historiography of Methodologies in Acta Univ. Sapientiae, Film and Media Studies. 2010. № 2. P. 39–72. URL: https://www.academia.edu/253223/Intermediality_in_Film_A_Historiography_of_Methodologies.
15. The Red Detachment of Women [hongse

niangzi jun 红色娘子军], 1961, Xie Jin, color, 92 min, Tianma Studios, Shanghai, China.
16. The Red Detachment of Women [hongse

niangzi jun 红色娘子军], 1971, Pan Wenzhen /Fu Jie, color, 105 min, Beijing Film Studios, Beijing, China.

Thais Craveiro – Master Degree, University of São Paulo (São Paulo), e-mail: thacraiveiro1987@gmail.com

Received June 27, 2023

УДК 77 (5527)

DOI: 10.14529/ssh230306

КИТАЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ИСКУССТВЕ: ИНТЕРМЕДИАЛЬНЫЕ СВЯЗИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА КИНО И КЛАССИЧЕСКОГО БАЛЕТА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ФИЛЬМЕ «КРАСНЫЙ ЖЕНСКИЙ ОТРЯД»

Т. Кравейро

Университет Сан-Паулу, Сан-Паулу, Бразилия

В статье ставится задача проанализировать интермедиальные связи художественного языка кино и классического балета в художественном фильме «Красный женский отряд» (1961, Се Цзинь) и в одноименном экранизированном балете (1971, Пань Вэньчань и Фу Цзе). Фильмы относятся, соответственно, к так называемому периоду 17 лет (1949–1966) и культурной революции (1966–1976), годам правления Мао Цзэдуна. Анализ учитывает своеобразное развитие китайского кино с момента его зарождения и его эстетическую оригинальность, основанную на различных видах искусства в стране. В маоистский период, первоначально находившийся под советским влиянием, китайская киноиндустрия обратилась к социалистическим темам с намерением интернационализировать национальное искусство, отражающее стремление совершить мировую революцию. Благодаря лозунгу «гу вэй цзинь юн ян вэй чжун юн» (古为今用, 洋为中用), который означает использование старого в настоящем и иностранных достижений в Китае, культурные принципы Коммунистической партии пользовались популярностью у многих китайцев и иностранных граждан. Искусство, основанное на героических нарративах народа, закаленного при социализме, легко усваивалось не только местным населением, но и выходцами из других стран. Рассматриваемые фильмы являются примерами этого девиза и сочетают в себе западные эстетические ресурсы, такие как классический балет, с восточными элементами, такими как китайский лирический театр, что приводит к оригинальной эстетике кино.

Ключевые слова: китайское кино, интермедиальность, классический балет, маоистский период, политическое искусство.

Таис Кравейро – магистр, Университет Сан-Паулу (Сан-Паулу), e-mail: thacraiveiro1987@gmail.com. ORCID 0000-0002-4325-1307

Поступила в редакцию 27 июня 2023 г.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Craveiro, T. Arts in the Chinese Revolution: the Intermedial Relations between Cinema and Ballet in the «Red Detachment of Women» / T. Craveiro // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2023. – Т. 23, № 3. – С. 55–60. DOI: 10.14529/ssh230306

FOR CITATION

Craveiro T. Arts in the Chinese Revolution: the Intermedial Relations between Cinema and Ballet in the «Red Detachment of Women». *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2023, vol. 23, no. 3, pp. 55–60. DOI: 10.14529/ssh230306

АВТОРСКИЕ ПРИМЕЧАНИЯ В ПОЭТИКЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

А. С. ПУШКИНА 1830-х ГОДОВ

Т. М. Жаглова¹, С. М. Скибин²

¹Оренбургский государственный университет, г. Оренбург, Российская Федерация

²Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Российская Федерация

Предметом исследования стали авторские примечания А. С. Пушкина, размещенные в его книжных и журнальных публикациях 1830-х гг., в которых автор разъясняет исторические и бытовые реалии, характерные для определенного периода развития русского общества. Актуальность работы заключается в том, что авторские примечания и комментарии А. С. Пушкина являются важной, но малоизученной категорией поэтики текста. Анализ и интерпретация примечаний Пушкина способствуют установлению связей его произведений с «ключевыми» событиями русской истории, обнаруживая истинное авторское отношение к ним. Учитывая высокие требования, предъявляемые поэтом к интерпретации событий, его очевидное недовольство явными «пробелами» в трактовке русской истории, можно в лаконичных строках примечаний обнаружить тот подтекст, который существенно дополняет романтизированное представление о героях и событиях. Примечания в позднем творчестве Пушкина позволяют авторам статьи разъяснить некоторые факты общественной и бытовой жизни российской действительности. Примечания содержат, как правило, ироническую оценку характерных для классицизма, сентиментализма и романтизма приемов, облеченную в форму пародии, в свою очередь, востребованную поэтом в творчестве 1830-х гг.

Ключевые слова: примечания, символ, антитеза, ирония, реминисценция, подтекст, детализация.

Введение

Примечания являются неотъемлемой частью современного литературоведения, обеспечивающей на различных этапах освоения текста высокую степень точности, достигаемую только при взаимодействии всех его элементов, в том числе – фактов общественного, культурологического, лингвистического, политологического характера.

Среди наиболее востребованных видов примечаний – авторское примечание, присутствие которого обогащает как первую публикацию рукописи, так и многочисленные переиздания, удаленные от воспроизведенного в тексте исторического этапа, с характерными для него реалиями быта, фактами общественной и культурной жизни. Так, прижизненные издания А. С. Пушкина публиковались в ряде случаев с комментариями автора, среди которых преобладает, по терминологии Б. В. Томашевского, «реальный, или исторический» [1, 198], позволяющий уточнить реалии событийной основы произведений.

Обзор литературы

Авторские комментарии Пушкина, казалось бы, всесторонне изучены в работах С. М. Бонди [2], Н. Л. Бродского [3], М. А. Цявловского [4], Л. Б. Модзалевского и Т. Г. Зенгер [5], Ю. М. Лотмана [6] и представителей его «школы», В. Э. Вацуру [7], Г. Г. Красухина [8], В. И. Коровина [9], В. В. Набокова [10], Ю. Н. Никишова [11], Т. К. Шор [12], однако часть примечаний нуждается в разъяснениях и уточнениях.

Авторские комментарии Пушкина 1830–1837 гг. свидетельствуют о его тщательной предварительной работе над их формальными (жанровыми) и содержательными признаками. На начальном этапе отбора и интерпретации текстов, отграниченных в современных собраниях сочинений специальными редакционными пометами «Прим. Пушкина», выявился возрастающий интерес поэта к разъяснению некоторых реалий.

Специфика этих комментариев может отличаться детализацией, как, например, комментариев к стихотворению «Герой»:

«Мечты поэта –
Историк строгий гонит вас!
Увы! его раздался глас, – *
И где ж очарованье света!»¹

Пушкин сохраняет «высокую» тональность и в примечаниях, сообщая читателю свое отношение к личности Наполеона, противопоставляя его в комментарии заведомо лишённому объективности мнению личного секретаря полковника Бурьена, ссылаясь на его мемуары. Он выстраивает антитезу: «герой – человек милосердный» и «герой – тиран».

С помощью комментария к стихотворениям «(Из Пиндемонта)» и «Родословная моего героя» (оба 1836 г.) текст стихотворения получает допол-

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 17 т. М.: Воскресенье, 1997. Т. 3. Кн. 1. С. 253. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием тома, книги (нижний индекс) и страницы в круглых скобках.

нительные оттенки литературной мистификации. Пушкин в тексте стихотворения и в комментарии к нему вспоминает о злключениях Гамлета, потерявшего веру даже в самых близких людей. Поэт проецирует участь персонажа на собственную участь – автора и редактора, обреченного вступать в схватку с цензурой:

«Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспоривать налоги
Или мешать царям друг с другом воевать;
И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.

Все это, вы видите ль, слова, слова, слова *» (31, с. 420)

Методы исследования

По мере создания поэтом произведений крупной лиро-эпической и эпической формы и включения их в композицию «толстых» литературных журналов и альманахов доля примечаний возрастает. Так, текст поэмы «Полтава» (1828–1829 гг.) сопровождается тридцатью четырьмя примечаниями А. С. Пушкина, размещенными автором после основного текста поэмы. В данном случае, вводя значительное количество примечаний, он своего рода уравнивает стихи и прозу, осуществляет развенчание «высокой» патетики и погружение в исторический и бытовой контекст, лишь недавно воссозданный в традициях романтической поэзии в поэме К. Ф. Рыльева «Войнаровский» и в связи с этим наделенный идеализированными, по сравнению с реальностью, чертами:

«Прочитав в первый раз в “Войнаровском” сии стихи:

*Жену страдальца Кочубея
И обольщенную их дочь, –*

я изумился, как мог пройти мимо столь страшного обстоятельства.

<...> Клевета и в поэмах всегда казалась мне непохвальною. Но в описании Мазепы пропустить столь разительную историческую черту было еще непростительнее» [13, с. 309].

Историко-генетический и типологический методы позволяют в данном и последующих примерах сопоставить способы воплощения исторической тематики в творчестве различных авторов, выявить черты своеобразия в воссоздании героя и среды.

Результаты и дискуссия

В отрывке из сатирической поэмы «Езерский», озаглавленном после ряда правок и доработок «Родословная моего героя» (1836 г.), Пушкин прибегает к историко-бытовому комментарию, разъясняя читателю архаичные по тем временам факты из жизни русского дворянства и примеры архаичной лексики, также ставшей предметом исследования в нашей работе.

Имя родственные связи с древним знатным родом Езерских, он вспоминает о путях продвижения предков заглавного героя по службе:

В века старинной нашей славы,
Как и в худые времена,
Крамом и смут во дни кровавы
Блещат Езерских имена.
Они и в войске и в совете,
На воеводстве и в ответе*

Служили князьям и царям (31, с. 426).

Использованные автором и выделенные им для комментария три архаичных выражения «служить в ответе», «пересесть» («И умер, Сицких пересев»), «новый Ходаковский» («каюсь: новый Ходаковский, / Люблю от бабушки московской / я толки слушать о родне») (31, с. 426) свидетельствуют об интересе поэта к реалиям уходящей эпохи. Примечания, данные Пушкиным, просвещают его современников, узнающих, например, что «в ответе» равнозначно «в посольстве», «пересесть кого» означает «продвинуться по службе, получить новое назначение выше рангом». И, наконец, ощущать себя «Ходаковским» для лирического героя означает «жить ценностями прошлого», как поступал когда-то сам «...известный любитель древности, умерший несколько лет назад» (31, с. 426).

В поэме «Полтава» Пушкин обращается к возможностям реального (исторического) комментария. Мы распределяем состав примечаний и их специфику по следующим группам и в процессе исследования обращаемся к проблемно-тематическому анализу текстов:

– характеристика исторических персонажей («*Василий Леонтьевич Кочубей, генеральный судья, один из предков нынешних графов» (31, с. 65); «*Дорошенко, один из героев древней Малороссии, непримиримый враг русского владычества» (31, с. 65); «*Григорий Самойлович, сын гетмана, сосланного в Сибирь в начале царствования Петра I» (31, с. 65) и т. д. – всего пятнадцать примечаний);

– топонимические заметки, более или менее подробно очерчивающие место действия («*Хутор – загородный дом» (31, с. 65); «*Деревня Кочубея» (31, с. 66); «*Во время неудачного похода в Крым Казы-Гирей предлагал ему соединиться с ним и вместе напасть на русское войско» (31, с. 66); «*20000 казаков было послано в Лифляндию» (31, с. 65) и т. д. – всего пять примечаний);

– разъяснение историзмов, архаизмов, диалектизмов («*Бунчук и булава – знаки гетманского достоинства» (31, с. 65); «Слагают *цифр универсалов**» – «*Так назывались манифесты гетманов» (31, с. 66); «Скачут *сердюки**» – «*Войско, состоявшее на собственном иждивении гетманов» (31, с. 66); «Мазепы лик терзает *кат**» – «*Малороссийское слово. По-русски – палач» (31, с. 66) и т. д. – всего четыре примечания);

– отсылка к трудам в объяснении фактических сведений, связанных с героями истории с Мазепой («*Смотри *Мазепу* Байрона» (31, с. 66); «*В 1705 году. Смотри примечания к Истории

Малороссии, Бантыша-Каменского» (31, с. 66)); «*В Дрезден к королю Августу. Смотри: *Voltaire. Histoire de Charles XII*» (31, с. 66) – всего три примечания);

– расширенный комментарий, содержащий подробные сведения о событии («*У Кочубея было несколько дочерей; одна из них была замужем за Обидовским, племянником Мазепы. Та, о которой здесь упоминается, называлась Матреной» (31, с. 65)); «*Филипп Орлик, генеральный писарь, наперник Мазепы, после смерти (в 1710) сего последнего получил от Карла XII пустой титул Малороссийского гетмана. Впоследствии принял магометанскую веру и умер в Бендерах около 1736 года» (31, с. 66) и т. д. – всего десять примечаний).

Очевидны тщательная разработка Пушкиным исторического контекста произведения, осмысление фактов ушедшей действительности, пока не удостоившихся, по его мнению, объективного осмысления со стороны историографов и литераторов-современников.

В состав современных изданий сочинений А. С. Пушкина традиционно включен не только текст поэмы «Медный всадник», но и примечания автора к ней. Свойственное поэту неоднозначное восприятие личности Петра и его деяний нашло отражение и в его примечаниях. Он апеллирует к отзывам о Санкт-Петербурге и его создателе своих литературных предшественников (Альгаротти – итальянского литератора, посетившего в 1739 г. Россию, В. Г. Рубана – поэта XVIII в., создателя стихотворения «Надпись к камню, назначенному для подножия статуи Петра Великому» 1770 г.) и высказываниям современников (П. А. Вяземского, А. Мицкевича, Д. Д. Хвостова – поэта, автора «Послания N. N. о наводнении Петрополя, бывшем в 1824 года 7 ноября»), использует опыт реминисценций и аллюзий, позволяющих скрыть довольно крамольные размышления под маской строгой благопристойности, например, когда он выступает инициатором полемики с А. Мицкевичем по поводу метафорического сравнения из третьей части его поэмы «Дядя», озаглавленной «Памятник Петру Великому».

Мицкевич предлагает свое видение образа русской стужи, проводя параллель между неукротимой, жестокой стихией и русским же самодержавием, оказывающим гнетущее действие на всю нацию. У польского романтика монумент ассоциируется с водопадом, скованным льдом, антитезой которому выступает образ «солнца свободы», воспетого «русским поэтом», в котором без труда узнавался Пушкин: «Скоро блеснет солнце свободы и западный ветер согреет эту страну: что же будет тогда с водопадом?» [2, с. 150].

Патетические рассуждения героя получают продолжение в первом примечании, прикрепленном к знаменитому внутреннему монологу Петра из вступления к поэме:

И думал он:

Отсель грозить мы будем шведу,

Здесь будет город заложен

Назло надменному соседу.

Природой здесь нам суждено

В Европу прорубить окно...* (2, с. 135).

Пушкин в примечании приводит цитату из речи французского поэта, усиливая тем самым антитезу «Россия–Европа», подчеркивая разницу в ценностных ориентирах двух держав: «*Альгаротти где-то сказал: “Петербург – окно, через которое Россия смотрит в Европу (франц.)”» [2, с. 150].

Пушкин прибегает к типичным для примечаний формам начала (зачина) и концовки: в частности, в «Медном всаднике» они открываются так называемым тематическим заходом – развясняющим комментарием, непосредственно связанным с композиционным зачином поэмы и важнейшим сюжетным этапом – прославлением Петра I; концовка – примечание, обозначенное № 5, – резюмирующая, вновь акцентирующая внимание на литературных реминисценциях и аллюзиях: «*Смотри описание памятника в Мицкевиче. Оно заимствовано из Рубана – как замечает сам Мицкевич» [2, с. 150], – что утверждает поэта в его интерпретации символического и реального образа Петра I, не «разгаданного» классицистами и романтиками.

Этапным стал для А. С. Пушкина период «первой», 1830 года, Болдинской осени. 14 сентября 1830 г. Пушкин продолжил работу над «Повестями Белкина», углубляя реалистический рисунок образа рассказчика в основном тексте и в примечаниях. Так, в «дополнительных» сведениях о герое содержится информация, усиливающая иронический тон в создании его портрета и «ключевых» событий жизни. Автор-повествователь на первый взгляд всего лишь сообщает о Белкине «избыточную» информацию [13, с. 185], однако она позволяет выявить в персонаже вполне органичные черты и увлечения. Для рассказчика нет ничего предосудительного в том, что персонаже сочетались «к женскому полу великая склонность» и «стыдливость была в нем истинно девичья»*, что получает развитие в примечании: «*Следует анекдот, коего мы не помещаем, полагая его излишним; впрочем, уверяем читателя, что он ничего предосудительного памяти Ивана Петровича Белкина в себе не заключает» [13, с. 68].

Обращение А. С. Пушкина к такому якобы поясняющему комментарию воспринимается как явная мистификация: пародия на чрезвычайно востребованную в 1830-е гг. разновидность работы с текстом, позже, например, в статьях Б. В. Томашевского, рассмотренную как редакционно-издательский комментарий [1, с. 198].

В том, что именно примечания автора содержат важную информацию, читатель убеждается и в ситуации своеобразного представления перечня повестей, включенных Белкиным-рассказчиком в состав его произведения, и персонажей, от кото-

рых занимательные и поучительные истории были услышаны им: «В самом деле, в рукописи г. Белкина над каждой повестью рукою автора написано: слышано мною от такой-то особы (чин или звание и заглавие буквы имени и фамилии). Выписываем для любопытных изыскателей: «“Смотритель” рассказан был ему титулярным советником А. Г. Н., “Выстрел” подполковником И. Л. П., “Гробовщик” приказчиком Б. В., “Метель” и “Барышня” девицею К. И. Т.» [13, с. 68].

Примечания в тексте повестей предваряются одной лаконичной ссылкой: «Вышеупомянутые повести были, кажется, первым его опытом. Они, как сказывал Иван Петрович, большею частью справедливы и слышаны им от разных особ**» [13, с. 68]. Прибегая к такому способу обрисовки персонажей, Пушкин акцентирует внимание на типичном для их социальной среды мировосприятии, особенностях бытового и ситуативного поведения, речевой характеристике [14, с. 151]. Комментарий такого рода в литературоведении рассматривается как историко-текстовый и библиографический [1, с. 198], поскольку он знакомит с источниками информации и характеризует их, изначально настраивая на особенности стилиевой и языковой подачи материала.

Дни Болдинской осени с 15 по 18 сентября 1830 г. ознаменовались созданием и завершением «Отрывков из путешествия Онегина», в которых автор вместе с героем вспоминает путешествие по различным уголкам России.

В «Отрывках из Путешествия Онегина» наиболее сильные впечатления героя связаны именно с пребыванием в Одессе. Рассказу об Одессе свойственна подробнейшая детализация и обилие иронических выпадов [15, с. 52], передающих разнообразный спектр эмоций героя – от восхищения до скепсиса, вызванного реалиями «парадной» жизни знатных одесситов и бытописанием довольно неприглядных будней городского мещанства. Детали-перечни упоминаемых культурных, топонимических, гастрономических примет Одессы выстроены в главе по принципу антитезы, когда перечисленные символы-эмблемы культурной жизни города: оперный театр и его составляющие («Но уж темнеет вечер синий, / Пора нам в оперу скорей: / Там упоительный Россини, / Европы баловень – Орфей» [13, с. 81]) оттеняются в XXVII строфе сравнением явлений искусства и гастрономических изысков.

Прежде чем вслушиваться и всматриваться в происходящее на сцене, Онегин с удовольствием проводит время в роскошном ресторане Отона, внимание на котором акцентируется в примечании: «*Известный ресторатор в Одессе» [13, с. 81], углубляя контраст между духовными и материальными потребностями героя. Авторских примечаний А. С. Пушкина к тексту «Отрывков из путешествия Онегина», помимо данного – «гастроно-

мического» – нет. Сопутствующая публикации материала редакционная работа тоже сопровождается несколькими комментариями, разъясняющими читателю содержание иноязычных вкраплений в повествование, несмотря на то что материал изобилует топонимическими реалиями и прочими фактическими данными, которые не всегда были понятны даже современникам Пушкина, не говоря уже о потомках.

Вспоминая процесс духовных исканий героя, Пушкин сосредоточивает внимание на хаотичном характере смены его впечатлений. На общем фоне перемещений персонажа рассказ о погружении его в шумный мир праздной Одессы выглядит закономерным завершением поисков комфортного «уголка».

Онегин в состоянии критически оценить тщетный характер своих суетных будней и праздников [16, с. 365], сопоставляя столь различные символы театральной, музыкальной Одессы и несколько деталей, емких и реалистичных, предваряющих впечатления зрителя [17, с. 105]. Реальный, или исторический, комментарий [6, с. 132] становится проводником авторских идей.

В наследии А. С. Пушкина особое место занимает публикация полного текста романа «Евгений Онегин», на одну из важных частей которого обращает внимание далеко не каждый читатель, хотя по замыслу поэта она содержит яркие характеристики современного автору и герою светского общества. Речь идет о вполне самостоятельной части романа в стихах – «Примечаниях», – которая предваряет его своеобразный эпилог – «Отрывки из путешествия Онегина» – и подытоживает критические размышления автора о современных нравах и общественных ценностях.

Эти сорок четыре примечания, якобы предназначенные для П. А. Катенина, потребовавшего разъяснений по поводу неожиданного появления Онегина в восьмой главе, выполняют иную функцию: нарочито затемняют факты биографии героя, переводя внимание читателя на реалии частной жизни представителей высшего света. Поэт очерчивает границы этого локуса, включая в него читательские и театральные интересы современников и одиночные бытовые детали, как и в предыдущем примере, резко контрастирующие друг с другом в одном контексте.

А. П. Чудаков объясняет интерес Пушкина к форме примечаний следующим образом: «Примечания – обычное явление в литературных произведениях допушкинского и пушкинского времени [18, с. 223], – апеллируя к Ю. Н. Тынянову, отмечающему и иные задачи примечания в творчестве поэта в 1830-е гг.: Пушкин в своем романе делает их «...средством полемики с критикой и пародирует сам метод» [19, с. 141].

Для авторской манеры в «Примечаниях» характерно обращение к пристайным и подстроч-

ным примечаниям в границах одного текста [20, с. 422]. В частности, в пяти случаях он создает сложную игру средствами русской и иноязычной лексики, прибегая к переводам цитат-реминисценций из произведений зарубежной литературы («Исповедь» Ж.-Ж. Руссо), заглавий («Десять лет изгнания») и афоризмов («Если бы я имел безрассудство верить еще в счастье, я бы искал его в привычке», «Оставьте всякую надежду вы, сюда входящие»), пестрящих в оригинале французской и итальянской речью, что характерно для лингвистического комментария [1, с. 198].

В «Примечаниях» ироническая игра автора доведена до своего апогея: инертность читательского мышления, его ожидание подробных, детализированных комментариев контрастируют с замыслом Пушкина и его воплощением. Поэт предлагает минимум информации в разъясняющих комментариях, штрихами обозначая место создания того или иного фрагмента текста («Писано в Бессарабии» (6, с. 191), «Писано в Одессе» (6, с. 192).

Историко-литературный, или историко-текстовый [21, с. 7], комментарий, предназначенный для разъяснения значения историзмов, диалектизмов, архаизмов, погружает читателя в атмосферу модных салонов («*Dandy, франт» (6, с. 191), «Шляпа a la Bolivar» (6, с. 192), пассаж о ногтях и белилах в жизни современного франта (6, с. 191)), и ресторанов (Talou, например (6, с. 191)), литературных и музыкальных предпочтений современников и современниц («*Из первой части Днепровской русалки», «*Грандисон и Ловлас, герои двух славных романов», «*Шатобриан», «*Бедный Иорик!» (6, с. 192) – восклицание Гамлета над черепом шута (см. Шекспира и Стерна)» (6, с. 191), «Юлия, или Новая Элоиза» (6, с. 193) и др.). Упоминаемые в данном контексте, эти примечания иронически акцентируют внимание на шаблонном, стереотипном характере вкусов и интересов представителей светского общества и неизменно сопровождаются характерными эпитетами: «прелестное» (дважды), «сладкозвучнейшие», «славные» (дважды), «гениальное», что резко снижает впечатление.

Постепенно, от комментария к комментарию, проясняется замысел Пушкина: в «Примечаниях» он апробировал тот прием, к которому обратится и в «Отрывках из путешествия Онегина» – в одном контексте сталкивая литературные интересы автора (героев) и их бытовые, по большей части приземленные пристрастия, в основном гастрономические или хозяйственные. Реальный, или исторический, комментарий вновь используется для характеристики исторических персонажей или современников, изображение которых в данном случае неизменно имеет иронический оттенок, например: «*Вся сия ироническая строфа не что иное, как тонкая похвала прекрасным нашим соотечественницам. Так Буало, под видом укоризны,

хвалит Людовика XIV. Наши дамы соединяют просвещение с любезностью и строгую чистоту нравов с этою восточною прелестью, столь пленившей г-жу Сталь. (см. Dix annees d'exil)***» (6, с. 191). Заметно, что ирония усиливается в тексте «Примечаний» по мере развития сюжета романа в стихах и появления новых реалий дворянской и помещицкой жизни.

Пушкин стирает явное противоречие между миром духовным и материальным в редакционно-издательском комментарии, приводя прямую цитату и вышучивая стиль идиллического пейзажа в лирике Н. Гнедича, избыточное сентименталистскими и романтическими «штампами». Иронию поэта вызывают и воспоминания о В. А. Левшине – «*авторе многих сочинений по части хозяйственной» (6, с. 195), хотя и оставившем современникам и потомкам труды по экономике и домоводству, однако в контексте «Примечаний» ассоциирующемся с сугубо прозаическими наблюдениями и выводами о состоянии дорог на Руси в разные времена года:

Свободна русская езда
В двух только случаях: когда
Наш Мак-Адам или Мак-Ева
Зима свершит, треща от гнева,
Опустошительный набег,
Путь окует чугуном льдыстым,
И запорошит ранний снег
Следы ее песком пушистым
Или когда поля проймают
Такая знойная засуха,
Что через лужу может вброд
Пройти, глаза зажмуря, муха» (6, с. 195).

Выводы

В «Примечаниях» к «Евгению Онегину» Пушкин дает редакционно-издательский комментарий: в семнадцатом (6, с. 191) и в сороковом (6, с. 194) примечаниях он приводит ранние варианты рукописей, в первом случае якобы сравнивая с первым изданием романа в стихах, во втором – с итоговым текстом шестой главы, как и в предыдущих случаях конкретизируя и детализируя негативную оценку различных сторон жизни светского общества.

Чрезвычайно востребованное явление как столичной, так и провинциальной жизни первой половины XIX в. – литературные журналы и альманахи, во многом определяющие направление читательских интересов образованной части общества. В двадцать первом примечании Пушкин в ироническом пассаже вспоминает журнал А. Измайлова «Благонамеренный», акцентируя внимание на «бытовой» стороне деятельности редактора-издателя, вспоминая, как последний выпускал свой журнал «домашним» образом, то есть следующий номер вовремя добирался до читателя только в том случае, если не препятствовали внешние обстоятельства, преимущественно семейные дела, календарные и церковные праздни-

ки, например, затяжная масленица или свадьба дочери: «Издатель однажды печатно извинился перед публикою тем, что он на праздниках гулял» (6, с. 193).

Критические отзывы, опубликованные в журналах той поры, способствуют полемике Пушкина с оппонентами. В примечаниях двадцать третьем, двадцать четвертом, тридцать первом (6, с. 193), тридцать вторым, тридцать шестым (6, с. 194) ему доводится отстаивать приемы лексического новаторства и лексической дерзости, якобы недоумевая, как можно журнальным критикам заострять внимание читателей на таких «шероховатостях» текста.

Таким образом, в позднем творчестве происходит тяготение поэта к прозаическим жанрам: в заметках, предисловиях, статьях, «мнениях» (отзывах), содержащих оценку событий русской и мировой истории, театрального искусства, журнальной и газетной полемики, в которых большую ценность для самого Пушкина представлял собственно факт (событие), его детализация и бытописание, как правило, довольно подробные, они не предполагают обилия дополнительной поясняющей информации, что подтверждают единичные «находки» историко-бытового комментария в художественных и публицистических произведениях.

Литература

1. Томашевский, Б. В. Писатель и книга: очерк текстологии / Б. В. Томашевский. – Л. : Прибой, 1928. – 228 с.
2. Бонди, С. М. Черновики Пушкина. Статьи 1930–1970 гг. / С. М. Бонди. – М. : Просвещение, 1971. – 232 с.
3. Бродский, Н. Л. «Евгений Онегин»: Роман А. С. Пушкина / Н. Л. Бродский. – М. : Учпедгиз, 1964. – 431 с.
4. Цявловский, М. А. Рукою Пушкина / М. А. Цявловский, Л. Б. Модзалевский, Т. Г. Зензер. – М. ; Л. : Academia, 1935. – 926 с.
5. Модзалевский, Л. Б. Пушкин. Дневник. 1833–1835 / Л. Б. Модзалевский. – М. ; Пг. : Госиздательство, 1923. – 275 с.
6. Лотман, Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий / Ю. М. Лотман. – Л. : Просвещение, 1983. – 416 с.
7. Вацуру, В. Е. Пушкинская пора : сборник статей / В. Е. Вацуру. – СПб. : Академический проект, 2000. 624 с.
8. Красухин, Г. Г. Доверимся Пушкину: Анализ пушкинской поэзии, прозы и драматургии / Г. Г. Красухин. – М. : Флинта : Наука, 1999. – 400 с.
9. А. С. Пушкин : школьный энциклопедический словарь / под ред. В. И. Коровина. – М. : Просвещение, 1999. – 776 с.
10. Набоков, В. В. Комментарии к «Евгению Онегину» Александра Пушкина / В. В. Набоков. – М. : Интелвак, 1999. – 1008 с.
11. Никишов, Ю. М. Путешествие в мир «Евгения Онегина» / Ю. М. Никишов. – М. : ТЕРРА, 2005. – 544 с.
12. Shor, T. K. On the Problem of a Literary Commentary / T. K. Shor // Пушкинские чтения в Тарту. – Тарту : Объединенное гуманитарное издательство, 2000. – Р. 461–488.
13. Болдинская осень : стихотворения, поэмы, маленькие трагедии, повести, письма, критические статьи, написанные А. С. Пушкиным в селе Болдине Лукояновского уезда Нижегородской губернии осенью 1830 года. – М. : Молодая гвардия, 1974.
14. Кожевников, В. А. «...Всепокорнейше прошу никак имени моего не упоминать...»: Из комментария к «Повестям покойного Ивана Петровича Белкина» / В. А. Кожевников // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – № 1. – С. 151–159.
15. Львова, О. В. Рассказ о путешествии: формы литературной рецепции травелога / О. В. Львова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 9, Ч. 3. – С. 38–52.
16. Богданова О. В. Аллюзийный подтекст в романе А. С. Пушкина «Капитанская дочка» / О. В. Богданова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – № 12, Ч. 3. – С. 365–370.
17. Щербакова, М. И. Текстология / М. И. Щербакова // Введение в литературоведение. – М. : Оникс, 2007. – С. 97–147.
18. Чудаков, А. П. К проблеме тотального комментария «Евгения Онегина» / А. П. Чудаков // Пушкинский сборник. – М. : Три квадрата, 2005. – С. 210–237.
19. Тынянов, Ю. Н. Пушкин и его современники / Ю. Н. Тынянов. – М. : Наука, 1969. – 424 с.
20. Елина, Е. Г. Текстология / Е. Г. Елина, И. А. Книгин // Введение в литературоведение ; под ред. Л. В. Чернец. – М. : Академия, 2012. – С. 415–425.
21. Semiotics and the History of Culture: In Honor of Jurij Lotman. Studies in Russian. – Columbus : Slavica Publishers, 1988. – Vol. 17. – 437 p.

Жаплова Татьяна Михайловна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой журналистики, Оренбургский государственный университет (Оренбург), e-mail: TMZhaplova@mail.ru. ORCID 0000-0003-0278-5852

Скибин Сергей Михайлович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературы, журналистики и методики преподавания литературы, Оренбургский государственный педагогический университет (Оренбург), e-mail: skibin_fil@mail.ru. ORCID 0009-0009-9971-6861

Поступила в редакцию 20 апреля 2023 г.

DOI: 10.14529/ssh230307

AUTHOR'S COMMENTS IN THE POETICS OF A. S. PUSHKIN OF THE 1830S

T. M. Zhaplova¹, S. M. Skibin²

¹Orenburg State University, Orenburg, Russian Federation

²Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation

The subject of our study is the author's notes (comments) of A. S. Pushkin, found in his book and magazine publications of the 1830s, in which the author explains the historical and everyday realities peculiar to a certain period of development of Russian society. The author's notes and comments of A. S. Pushkin are an important, but poorly studied category of the text poetics. Analysis and interpretation of Pushkin's notes helps establish intercontextual ties of these works with the key events of Russian history, revealing Pushkin's true attitude to them. Considering the poet's high requirements to the interpretation of events, his clear dissatisfaction with obvious gaps in the interpretation of Russian history, we can subtext in his notes that significantly complements the romanticized idea of heroes and events. The commentary in Pushkin's later works allows us to clarify some facts of Russian social life. The notes essentially contain an ironic assessment of the techniques peculiar to classicism, sentimentalism and romanticism, couched in the form of parody, which in turn the poet's demanded of works of the 1830s.

Keywords: notes, symbol, antithesis, irony, reminiscence, subtext, details.

References

1. Tomashevskiy B.V. Pisatel' i kniga: ocherk tekstologii [The Writer and the Book: An Essay of Textual Criticism]. L.: Priboy, 1928. 228 s.
2. Bondi S.M. Chernoviki Pushkina. Stat'i 1930–1970 gg. [Pushkin's Drafts: Articles of the 1930s–1970s]. M.: Prosveshchenie, 1971. 232 s.
3. Brodskiy N.L. «Evgeniy Onegin»: Roman A.S. Pushkina [Eugene Onegin: Novel by Alexander Pushkin]. M., Uchpedgiz, 1964. 431 s.
4. Tsyavlovskiy M.A., Modzalevskiy L.B., Zenzer T.G. Rukoyu Pushkina [Pushkin's Handwriting]. M.; L.: Academia, 1935. 926 s.
5. Modzalevskiy L.B. Pushkin. Dnevnik. 1833–1835 [Pushkin. The Diary. 1833–1835]. M.: P.: Gosizdatel'stvo, 1923. 275 s.
6. Lotman Y.M. Roman A.S. Pushkina «Evgeniy Onegin»: Kommentariy [A.S. Pushkin's Novel Eugene Onegin: Commentary]. L.: Prosveshchenie, 1983. 416 s.
7. Vatsuro V.E. Pushkinskaya pora [Pushkin's Time]: sbornik statey. SPb.: Akademicheskii proekt, 2000. 624 s.
8. Krasukhin G.G. Doverimsya Pushkinu: Analiz pushkinskoy poezii, prozy i dramaturgii [Let's Trust Pushkin: Analysis of Pushkin's Poetry, Prose and Dramaturgy]. M.: Flinta: Nauka, 1999. 400 s.
9. A.S. Pushkin [A.S. Pushkin]: shkol'nyy entsiklopedicheskiy slovar'. M.: Prosveshchenie, 1999. 776 s.
10. Nabokov V.V. Kommentariy k «Evgeniyu Oneginu» Aleksandra Pushkina [Commentary on Eugene Onegin by Alexander Pushkin]. M.: Intelvalk, 1999. 1008 s.
11. Nikishov Y. M. Puteshestvie v mir «Evgeniya Onegina» [Travelling into the World of Eugene Onegin]. M.: TERRA, 2005. 544 s.
12. Shor T.K. On the Problem of a Literary Commentary // *Pushkinskie chteniya v Tartu*. Tartu: Ob'yedinennoe gumanitarnoe izdatel'stvo, 2000. S. 461–488.
13. Boldinskaya osen': stikhovoreniya, poemy, malen'kie tragedii, povesti, pis'ma, kriticheskie stat'i, napisannye A.S. Pushkinym v sele Boldine Lukoyanovskogo uezda Nizhegorodskoy gubernii osen'yu 1830 goda [Boldin Autumn: Poems, Poems, Small Tragedies, Stories, Letters, Critical Articles Written by A.S. Pushkin in the Village of Boldin, Lukoyanovsky District, Nizhny Novgorod Province in the Autumn of 1830]. M.: Molodaya gvardiya, 1974.

14. Kozhevnikov V.A. «...I Kindly Ask You Not to Mention My Name...»: From the Commentary on the Tales of Deceased Ivan Petrovich Belkin // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2019. № 1. S. 185–189.
15. L'vova O.V. A Travel Story: The Forms of Literary Reception of a Travelogue // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2016. № 9, Ch. 3. S. 38–40.
16. Bogdanova O.V. An Allusive Subtext in A. S. Pushkin's Novel The Captain's Daughter // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* 2019. № 12, Ch. 3. S. 365–370.
17. Scherbakova M.I. Tekstologiya [Textology] // *Vvedenie v literaturovedenie*. M.: Oniks, 2007. S. 97–147.
18. Chudakov A.P. K probleme total'nogo kommentariya «Evgeniya Onegina» [On the Problem of a Total Commentary of «Eugene Onegin»] // *Pushkinskiy sbornik*. M.: Tri kvadrata, 2005. S. 210–237.
19. Тунянов Y.N. Pushkin i ego sovremenniki [Pushkin and His Contemporaries]. M.: Nauka, 1969. 424 s.
20. Elina E.G., Knigin I.A. Tekstologiya [Textology] // *Vvedenie v literaturovedenie*. M.: Akademiya, 2012. S. 415–425.
21. Lotman Y.M. Roman A.S. Pushkina «Evgeniy Onegin»: Kommentariy [A.S. Pushkin's Novel Eugene Onegin: Commentary]. L.: Prosveshchenie, 1983. 416 s.

Tatyana M. Zhaplova – D. Sc. (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Journalism, Orenburg State University (Orenburg), e-mail: TMZhaplova@mail.ru

Sergey M. Skibin – D. Sc. (Philology), Professor, Head of the Department of Literature, Journalism and Teaching Methodology, Orenburg State Pedagogical University (Orenburg), e-mail: skibin_fil@mail.ru

Received April 20, 2023

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Жаплова, Т. М. Авторские примечания в поэтике произведений А. С. Пушкина 1830-х годов / Т. М. Жаплова, С. М. Скибин // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2023. – Т. 23, № 3. – С. 61–68. DOI: 10.14529/ssh230307

FOR CITATION

Zhaplova T. M., Skibin S. M. Author's Comments in the Poetics of A. S. Pushkin of the 1830s. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2023, vol. 23, no. 3, pp. 61–68. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh230307

ПОЛИФОНΙΑ ІДЕЙНО-ТЕМАТИЧЕСКОЙ И МОТИВНО-ОБРАЗНОЙ СИСТЕМЫ В СОВРЕМЕННЫХ ТЕКСТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ М. ШИШКИНА И В. ШАРОВА)

Н. Б. Король

Гродненский государственный университет им. Я. Купалы, г. Гродно, Республика Беларусь

Статья посвящена анализу идейно-тематической и мотивно-образной системы романов М. Шишкина «Письмовник» и В. Шарова «Возвращение в Египет» с точки зрения полифонического видения художественной реальности. Рассматривается концептуальное составляющее обоих произведений, способы диалогизации идейного поля текстов, а также пути отражения авторской точки зрения в диегетическом пространстве романов. На основе анализа художественных текстов делается вывод о том, что за тематической несхожестью анализируемых произведений стоит общность идейной структуры, характеризующаяся ризоматической множественностью образов, мотивов и символов, которые так или иначе смыкаются в одной точке. Концептуальное пространство романа М. Шишкина «Письмовник» организовано посредством диалога между идеями естественного и словесного воскрешения, воплощающимися в полярно расположенных, эксплицитно не связанных образах и мотивах. На основе сравнения с романом М. Шишкина подчеркивается принципиальная значимость идейного многоголосия в романе В. Шарова «Возвращение в Египет», в котором репрезентация точек зрения героев видится основной интенцией автора. Делается вывод о том, что идейная полифония на современном этапе развивается в тесной связи с монологическим видением.

Ключевые слова: полифония, точка зрения, постмодернизм, идейная структура, мотив, образ, М. Шишкин, В. Шаров.

Введение

Современное литературное пространство характеризуется понятием эклектичности: постмодернистским текстам свойственно жанровое, стилевое и идейное смешение. Отсюда возобновившийся интерес научного сообщества к понятию полифонического текста (М. М. Бахтин). Произведения М. Шишкина и В. Шарова, отличающиеся совмещением нескольких жанров, объемным интертекстуальным пластом и диалогизацией идейной составляющей, видятся наиболее яркими репрезентантами современного состояния полифонии. Исследуемое явление, функционирующее на всех уровнях текста, наиболее активно именно в идейной системе, с классической (бахтинской) точки зрения отличающейся отсутствием центральной истины, с перспективы которой оцениваются мировоззренческие позиции героев.

Соответственно, объект исследования – феномен полифонии в творчестве авторов XXI в. Предмет – идейно-тематическая и мотивно-образная полифония в произведениях М. Шишкина и В. Шарова. Материалами исследования стали романы М. Шишкина «Письмовник» и В. Шарова «Возвращение в Египет». Целью данной статьи является подробный анализ идейно-тематического и мотивно-образного поля обоих романов с точки зрения развития теории полифонии.

Обзор литературы

Основой полифонической организации текста М. М. Бахтин видит непрерывное взаимодействие полнозначных идей, которые и становятся «предметом художественного изображения». При этом

идея может функционировать сугубо во взаимодействии с чужими точками зрения, так как идея «...интериндивидуальна и интерсубъективна, сфера ее бытия не индивидуальное сознание, а диалогическое общение между сознаниями» [1, с. 99]. О. С. Иванова, исследуя полифонию в произведениях XXI века, отмечает, что полифония – «...это та общая ситуация, в которую попадают различные по содержанию смыслы» [2, с. 109]. Художественный текст предстает как «...сложная структура взаимопересекающихся подструктур с многократными вхождениями одного и того же элемента в различные конструктивные контексты» [2, с. 110].

При этом данные элементы эксплицитно могут быть не связаны, функционируя как интегрированная система со своими внутренними законами упорядоченности и семантической наполненности. Современные исследователи полифонии идут по пути уникализации: анализируется не полифоническое целое, а те или иные уровни текста, отражающие полифонические принципы. Так, ученые выделяют такие типы, как структурно-тематическая полифония (Г. Б. Буянова), жанровая (Д. К. Карслиева, Н. Е. Титкова), композиционная (О. А. Харитонов, Н. Р. Уваров), сюжетная (О. В. Барский, Ю. Н. Чумаков), повествовательная (П. А. Колобаев, О. И. Осипова).

Методы исследования

В процессе исследования был задействован структурный метод в целях составления наиболее полной картины идейно-тематической и мотивно-образной парадигмы романов, методы мотивного, интертекстуального и герменевтического анализа.

Результаты и дискуссия

Интегральной темой творчества М. Шишкина является осмысление физической смертности человека с точки зрения попыток ее преодоления. Понимание вечности у Шишкина на раннем этапе развития его творчества концентрировалось в онтологической природе текста, тогда как в более поздних произведениях вокруг темы бессмертия парадигмально смыкаются идеи распада времени, бессмертия в Слове, любви и деторождения. Шишкин, совмещая своим творчеством реализм и постмодернизм, путем языковой игры создает по-реалистически обобщенный текст. Концептуальная и идейная основа текстов Владимира Шарова значительно отличается от тематического поля романов М. Шишкина: Шаров, по образованию историк-медиевист, обращается в своем творчестве к культурному и историческому наследию России. Как отмечает В. Ю. Баль, «...все романное творчество Шарова формирует своеобразный единый текст» [3, с. 43], направлено на осмысление исторического пути русской нации и связанных с ней историософских проблем.

За тематическим несходством творчества исследуемых писателей стоит общность идейной структуры, заключающаяся в разветвленности мотивно-образной системы, элементы которой сходятся в единой точке. Несмотря на общую «фантасмагоричность» повествования, философские концепции обоих писателей ярко прослеживаются в деталях мотивной и нарративной системы, объединяя и обуславливая структуру всего текста. Соответственно, цель нашего исследования – проанализировав принципиально разные идейно-тематические системы, продемонстрировать схожесть их структуры, базирующейся на полифоническом видении.

Так, в связи с магистральной темой романа М. Шишкина в «Письмовнике» одним из наиболее активных является лейтмотив смерти. Основной нарратив произведения – переписка между двумя влюбленными: героиней Сашей, живущей в конце XX в., и Володей, участвующем в войне против Китая на рубеже XIX–XX вв. (т. е. писатель отказывается от нулевой фокализации). Главный герой на момент переписки уже мертв, что осознается и Сашей; при этом переписка продолжается, а перед читателем открывается не только история главной героини, но и быт Володи на войне, перманентно находящегося рядом со смертью, предчувствующего ее и живущего в попытке примириться со скорым концом. Война, символ всеобщего разрушения, хаоса и преждевременного ухода, в роман вводится автором как концентрация и апогей лейтмотива смерти.

От рака умирает мать Саши, в связи с чем в романе детально описываются этапы принятия человеком своего скорого конца. От страха и отчаяния мать Саши приходит к «покою и покорно-

сти», а смерть начинает видеть как долгожданное избавление от боли: «Мама все чаще шептала: “Скорее бы”» [4, с. 316]. После ее смерти Саша «впервые за много месяцев» видит лицо мамы «спокойным и умиротворенным». Отец героини, несчастливый при жизни, в гробу «лежит спокойно, сложив руки, как пайныка», а «когда закрывали крышку гроба» Саша видела, как «папа улыбнулся» [4, с. 349]. Соответственно, лейтмотив смерти, в своем инварианте трагический, с идейным развитием героев теряет негативную коннотацию, становится символом умиротворения и физического спокойствия.

Отражением лейтмотива смерти в романе являются образы-символы холода, снега и зимы. Главная героиня, узнав о смерти Володи, пишет: «Я в гробу замерзла, ноги – ледышки. ... Двор проморожен. Деревья в инее» [4, с. 104]. Когда Саша теряет Соню, художника, отца и мать, ее одиночество концентрируется в описываемом образе: «Завтракать села перед снегопадом. <...> Чай в стакане от законной зимы как-то особенно рдеет. И вообще снегопад превращает все в одно целое» [4, с. 366]. Образ зимы в романе «Письмовник» видится трагичным в связи с одиночеством, а противостоянием «зиме» (то есть смерти) становятся человеческие взаимоотношения, отсюда и желание Саши «вылепить» себе вечность и спастись от одиночества: «Решила – слеплю себе девочку. Будет у меня дочка» [4, с. 370]. Появление ребенка у Саши связано с образом снега, символом конечного, так как новая жизнь приходит из земного, плотского и несовершенного.

Одним из ведущих лейтмотивов в романе Шишкина становится лейтмотив воскрешения, связанный с перепиской главных героев. Посланные давно умершим Володей письма, пересекая время и пространство, становятся доказательством его существования. По ходу повествования главная героиня Саша также проходит несколько символических «смертей» и «воскрешений»: смерть Володи ведет за собой внутреннее, духовное небытие, обесценивающее реальность; выкидыш также оставляет Сашу «пустой» и, с ее точки зрения, бесполезной; расставание с художником и потеря Сонечки усугубляют ситуацию. Наиболее ярким и значимым событием, вернувшем Саше непрерывность человеческого бытия, становится возможность иметь дочь.

Отражением мотива бессмертия в романе «Письмовник» являются многочисленные библейские образы и символы: несмотря на то что понимание автором онтологичности Слова выходит за рамки сугубо религиозного контекста, в художественном мире произведения библейский текст остается значимым как концентрация идеи вечности и повторяемости. Так, начинается роман со следующей фразы: «Открываю вчерашнюю “Вечорку”, а там про нас с тобой. Пишут, что

в начале снова будет слово» [4, с. 5]. Представленное вступление отсылает нас не только к библейской версии сотворения мира, но и к идее онтологичности Текста. Ярko выраженной библейской аллюзией является разговор Саши с «пучком ржавой колючки», который «горит, как куст». Закономерно здесь провести параллель с Неопалимой купиной, несгорающим терновым кустом, в котором Бог явился Моисею. Помимо этого, Неопалимая купина – «...один из ветхозаветных образов, указывающих на Богородицу» [5, с. 295], а образ Богородицы является определяющим в художественном мире романов Шишкина, для которого рождение новой жизни есть бессмертие.

При этом в романе реализуется и мотив воскрешения Словом, функционирование которого позволяет говорить о диалогической структуре исследуемого текста: названные идейные позиции противопоставлены друг другу по принципу «естественности» и «искусственности». Текст становится реальностью, единственно возможной и вечной, а для Володи – еще и свидетельством продолжения жизни. С точки зрения героя, Бог мог быть таким же реальным смертным человеком, но написал когда-то: «В начале было Слово». В связи с этим «...его слова остались, а он – в них, они стали его телом. И это единственное реальное бессмертие» [4, с. 199].

Еще одной функцией слов в художественном мире Шишкина является связь разорванного времени или связь распада времен: «У времени есть одна особенность: оно рано или поздно рвется. <...> Вроде бы надежное превращается в труху» [6]. Данную концепцию можно понимать с двух точек зрения: во-первых, это трактовка «распада времен» сквозь призму закреплённости в сознании общества шекспировской цитаты, во-вторых, это понимание данной концепции с перспективы постмодернистского видения истории. Цитата Гамлета из одноименной пьесы У. Шекспира функционирует как иносказательное выражение, обозначающее «...катаклизм, обрыв традиций в области морали, социального поведения» [7]. В романах Шишкина таким резким переломом, стирающим границы традиционно морального, является война и ее последствия.

Помимо этого, значительную роль в понимании концепции «распада» играет и философский контекст, связанный с постмодернистским восприятием истории, базирующимся на «становлении настоящего». С данной точки зрения, «...в прошлом истории есть только нагромождение фактов, а в будущем не будет ничего нового, чего не было бы в прошлом» [8]. Как таковых причинно-следственных связей между событиями нет, поэтому «...история ломается, рвется, течет не связанными друг с другом рукавами, насыщена индивидуальными агентами» [8]. В романах Шишкина описанная концепция демонстрируется путем

смешения прошлого, настоящего и будущего: в «прорехи» времени попадают древние цивилизации, войны вековой давности, реальные исторические личности и мифологические персонажи, а единственным связующим их звеном и является Текст.

Однако концепция воскрешающей силы Текста проходит эволюцию в творчестве автора. Развитие мысли Шишкина, в традициях полифонического романа, воплощается в полемике, или диалоге, между двумя явлениями: отражением бытийного в виде слова и самим бытием в виде того, что это слово обозначает. В «Письмовнике» поднимается вопрос о необходимости Другого в Словах, любви и осознании себя: «Они все хотят мне объяснить, что для любви другой не нужен. Мол, еще Платон говорил: любовь присутствует в любящем, не в любимом» [4, с. 92]. По мнению Е. В. Макеенко, «...спор о платоновской концепции любви – это, несомненно, спор о коммуникации», который поднимает вопрос о необходимости Другого как условия диалога: на уровне создания текста «...достаточно его [Другого] фиктивного присутствия», тогда как на уровне актуализации текста «...Другой оказывается необходимым условием его существования» [9, с. 176].

Здесь же и обнаруживается парадоксальность романа «Письмовник»: без адресата («получателя») любви или тех же Слов Саша чувствует «пустоту» своего существования, ведь именно Слова делают возможной несбыточную любовь между живущими в разное время людьми. Однако слова оказываются беспомощными перед смертью: «Златоусты с их упованием на продление себя во времени – это такие же глупые начитанные мальчишки, как я, пытающиеся всю свою жизнь заговорить витиеватыми разговорами смерть, а она в конце концов, не дослушав, все равно хлопнет их по ушам» [4, с. 201]. Отсюда и возникает образ «вести и вестника», который раскрывается через идею рождения и смерти как вечного и сакрального круговорота жизни: «Вот семена травы у тебя на носках. Это ведь тоже вестник и вест» [4, с. 92]. Человек, рождаясь от другого человека, приходит в этот мир как весть, и, оставляя «семена» в виде потомков, «уходит» как вестник.

В связи с этим закономерно появление в тексте той натуралистичности, с которой описываются тела, половые акты и мимолетные процессы (запахи, звуки, тактильные ощущения). Частью реальной жизни, естественного течения бытия и необходимой для этого сменяемости поколений является смерть, которая с данной точки зрения перестает быть пугающим концом, а видится неотъемлемой частью всеобщего бессмертия. Таким образом, в романе Шишкина смерть, как и любовь, становится трансгрессивным актом, точкой перехода между двумя тесно связанными мирами.

Подобная ризоматическая организация мотивно-образной системы характерна и для романа В. Шарова «Возвращение в Египет», полифонические принципы в котором, по сравнению с текстом М. Шишкина, получают большее развитие. Одной из главных функций литературы Шаров видит возможность «...реконструировать, как люди жили и понимали жизнь» [10], что принципиально важно в контексте полифонического типа повествования. Сам писатель отмечает, что его интерес сосредоточен на конкретном человеке и его роли в жизни: «Что же касается моего отношения к людям, о которых я пишу, ко всем ним я отношусь с сочувствием. <...> К странам, народам, организациям я куда более равнодушен» [11]. Соответственно, идейный интерес к пути русского народа, его роли во втором пришествии, религиозной избранности и т. д. – это, скорее, «самостоятельная» инициатива героев Шарова, которые живут в поисках верных шагов ко всеобщему спасению, в то время как писатель заинтересован, в первую очередь, в самих этих героях и в понимании ими религиозных и историософских проблем. Акцент с идейной и мировоззренческой позиции писателя переносится, таким образом, на понимание жизни его персонажами, которые зачастую противоречат автору.

Герои романа, решая проблему спасения русской нации, ориентируются на ветхозаветную книгу Исхода, а также на гоголевскую традицию, в связи с чем в идейную структуру произведения включается широкий интертекстуальный пласт. Написанный в эпистолярной форме, роман демонстрирует историю рода Гоголей, взявших на себя роль закончить «Мертвые души». Философская концепция героев во многом основана на учении Н. Ф. Федорова, которое является фундаментом других идей в романе, порождающих трагическое несоответствие утопических идей реальности и полифоническое множество высказываний по поводу судьбы русского народа. По мнению Федорова, «Бог создал мир, силы природы, создал и человека, существо разумное, одаренное сознанием, а потому и способное управлять созданною Богом силой» [12, с. 3]. Мысли о путях к спасению, к Небесному Иерусалиму персонажи черпают из идеи всемогущества человека, способного своими руками построить Рай на Земле: «Небесный Иерусалим еще только предстоит возвести, и строить его человек будет сам, своими руками, своим потом и кровью» [13, с. 280]. Данная идея становится и основным двигателем диалога, полифонической дискуссии между противниками и защитниками описанной концепции.

Один из ведущих лейтмотивов романа – это лейтмотив отцов и детей, возникающий как прямая рефлексия героев на федоровскую концепцию и демонстрирующий связь между историей рода и национальной историей. В тексте Шарова отраже-

на как классическая версия данного лейтмотива (преодоление разрыва между старшим и младшим поколениями), так и авторская, интерпретирующая отцовство как «учительство». По мнению героев, есть два типа размножения – физическое и духовное: к первому относится кровное родство, а ко второму – идейное. Так, старообрядцы Преображенского согласия сознательно отказывались от греха зачатия, при этом «...на место погибшего в схватке с антихристом становились новообращенные», «...это было другое – не биологическое <...> продолжение рода» [13, с. 555].

Здесь же возникает двойственность самого явления наставничества, его искусственность по отношению к природному ходу вещей. Две данные позиции находятся в непрерывном диалоге: с одной стороны, ученики – это дорога идеи и ее создателя в вечность, с другой – слепое следование, сопровождаемое отказом от собственной индивидуальности и своего прошлого. Единственный персонаж романа, словесно поддерживающий идейное родство, – дядя Святослав, последовательный «ученик» коммунистической идеологии, почитающий Ленина за нового Христа. По мнению героя, кровное отцовство – это «плотский, греховный» способ появления детей на свет, «...другой путь – ученики. Здесь много духовности, чистоты» [13, с. 257].

Шаров следующим образом характеризует время, о котором пишет: «Мне самому русский XX век видится равно трагическим <...> и безумным» [11]. С точки зрения христианства, гуманности и любви к человеку советская система кажется абсолютным абсурдом, гротескным образом, а не реальным положением вещей. Поэтому в романах Шарова одним из ведущих принципов изображения данного временного промежутка становятся карнавализация и ирония, демонстрирующие всю бессмысленность существующей системы. М. М. Бахтин, описывая средневековые традиции карнавала, отмечает, что он находится на пересечении «...искусства и самой жизни», так как «...карнавал не созерцают, в нем живут, и живут все, потому что по идее своей он всенароден. Пока карнавал совершается, ни для кого нет другой жизни, кроме карнавальная» [14, с. 12]. И если для Бахтина главным принципом такой жизни становится «карнавальная свобода», то у Шарова люди показаны заложниками этой театрально-зрелищной формы.

Один из персонажей, Дядя Ференц, называет революцию «марксистско-пролетарским маскарадом» и уточняет: «Революция – вещь сложная, отчасти и карнавальная» [13, с. 289]. Век карнавала и безумия, когда человек ничего не стоит, закономерно порождает мотив мученичества, жертвенных смертей. А. И. Пантюхина определяет сюжет романа «Воскрешение Лазаря» как «калейдоскоп историй», который «...превращается в исто-

рию страданий, мучений русских людей в XX веке и в попытку осмысления причин и целей этих страданий» [15, с. 148]. Здесь стоит разделить миф о мученичестве, создаваемый самими героями внутри художественного мира, и мученичество религиозное. С точки зрения христианской традиции мученик обладает высшим знанием, его жизнь – «ежедневное, ежечасное свидетельство о Христе», он не подвержен сомнениям в собственной выдержке и не сбивается на пути к Богу. При этом, по мнению А. Л. Дворкина, человек не может самостоятельно создать вокруг себя ситуацию мученичества, так как «...это провокация и делающий это человек должен считаться просто самоубийцей, а не мучеником» [16].

Поэтому герои романа делают попытку мифологизации смертей репрессированных, пытаются найти сакральный смысл в напрасно пролитой крови, так как мысль о бесцельности происходящего вселяет в персонажей ужас. Дядя Святослав пишет: «Богатство церкви – ее мученики, у Рима их было больше, чем у Москвы, отчего наша вера терпела урон. Сталин это исправил» [13, с. 142]. Однако персонажи романа не готовы к мученичеству, их страдания – суть карнавальная вседозволенность власти, а не свидетельство божественного присутствия.

Будучи глубоко религиозными людьми, герои смотрят на жизнь сквозь призму христианства, трактуя историю через книгу Исхода. Вокруг указанного смыслового центра рождается множество идей и концепций, которые персонажи накладывают на происходящее в стране, причем идеи эти находятся в перманентном диалоге, так как обсуждаются посредством письма. Шаров, отстраняясь от собственного текста, действительно превращает его в «роман идей», где мировоззренческие концепции занимают ведущую роль и существуют самостоятельно. Истинность или ложность функционирующих концепций для Шарова не имеет значения, так как целью писателя (в духе бахтинской традиции) является бесстрастная демонстрация того, как люди понимали мир, как идея жила в них и развивалась.

Центральный герой повествования – Николай Гоголь младший – по настоянию матери и других членов «клана Гоголей» делает попытки дописать второй и третий том «Мертвых душ». Обусловлено такое стремление верой в мессианскую роль Гоголя, его пророческий дар, а также пониманием поэмы как инструкции к пути в Небесный Иерусалим для русского народа. Поэма «Мертвые души», по всеобщему признанию, должна была иметь трехчастную структуру с отсылкой на дантовскую «Божественную комедию»: первый том – ад, второй – чистилище, третий – рай. Именно чистилище и рай предстояло написать Коле Гоголю, то есть найти универсальный путь к спасению и вывести избранный народ из пустыни.

Спасение рассматривается персонажами в тесной связи с советской властью: одни герои видят в ней дорогу к Новому Иерусалиму, другие, наоборот, – в Египет. Такое разное понимание одного и того же явления в романе воплощается в образе палиндрома: один из корреспондентов Коли, Исакиев, получил десять лет лагерей за палиндромную пьесу Потоп: в ней партия усмотрела попытку «...убедить наших людей, что ход истории обратим» [13, с. 178]. Однако понимание Исакиевым и другими персонажами палиндрома базируется на тесной связи добра и зла: «Как и Сергей, она [мама] много думала о необходимости Иуды для Христа» [13, с. 401].

Основная концепция, на которой основаны все остальные мысли о спасении, – идея богоизбранности русского народа – также функционирует в диалоге со своей обратной стороной. Разъясняя историю раскола русской православной церкви через библейский Исход, герои приходят к выводу о том, что староверы, или раскольники, в связи со сложившейся ситуацией гонения со стороны монархии повторили судьбу евреев, а значит, являются избранным народом. При этом и идея избранности не остается статичной: колеблющиеся персонажи находят и в прописной для них истине опору для сомнений. Дядя Юрий озвучивает две основные точки зрения: «Одни говорят, что раз Земля наша – Земля Обетованная <...>, значит, что бы мы ни делали, все угодно Богу. Другие – что мы избраны лишь потому и пока делаем удобное Богу» [13, с. 320]. Наличие второй позиции предполагает, что любое неверное решение в пути «новых» евреев может отдалить их от Господа. Герои романа действительно тяготеют к самопровозглашенным истинам: Николай Гоголь, будучи бесталанным в области художественной литературы, берет на себя роль пророка.

Центральный персонаж в начале своего духовного пути пытается представить кровь, пролитую во время Гражданской войны, как необходимую жертву, поэтому подчеркивает взаимосвязь революции и религии. Чичиков в Колиной версии «Мертвых душ» занимается махинациями не из корыстных целей, а для того, чтобы поселить уже мертвых крестьян в самодельном земном раю. Чичиков становится старообрядцем, представителем избранного народа, Моисеем, который должен вывести евреев из рабства. Злом здесь является монархия, поддерживавшая нововведения Никона и изгнавшая старообрядцев из страны. Именно здесь Гоголь младший находит связующее звено: и народники, и раскольники видели причину страданий в монархии. Революцию персонаж называет «узким горлышком», через которое будет дано пройти не каждому.

Епископ Чичиков, благословляя народников как спасителей, дает христианское разрешение на убийства в будущем, что очевидно противоре-

чит религиозным догмам и рождает сомнения: «Ему до сих пор тяжело принять, что для Всевышнего готовность как мелкобуржуазный пережиток отбросить и самого антихриста <...> однажды оказалась даже важнее веры» [13, с. 279]. При этом Гоголь младший, вслед за своим героем, соглашается с Чернышевским: «Небесный Иерусалим еще только предстоит возвести, и строить его человек будет сам, своими руками, своим потом и кровью» [13, с. 280]. Отсюда в романе активно обсуждается теория эволюции вещей: «Сейчас человек по собственному произволу из всего сотворенного Господом оставляет жизнь лишь тому, кто ему нужен» [13, с. 183]. По сути, та же концепция лежит в основе идеи рода Гоголей о том, что они смогут своими силами найти спасение человечеству. Образ Вавилонской башни трансформируется в доказательство человеческой силы, неостановимости народа перед религиозными законами.

Наиболее последовательным сторонником революции в романе является дядя Святослав, который, в отличие от других героев, не только ни разу не отступает от своей точки зрения, но и развивает идею связи религии и коммунизма, доводя их до пика. Так, он считает, что именно Ленин выстроил все необходимое для всеобщего спасения: «То, в чем ты – маленькая песчинка, не волен, следовательно, не можешь нести ответственности. Доказав, что в ответе один Господь, Ильич призвал разрушить мир страданий» [13, с. 544]. Персонаж поддерживает все оправдания крови, какие слышит от своих многочисленных родственников, буквально видит в Ленине нового Христа и наделяет сакральным смыслом каждый новый шаг советской власти. Святослав считает единственно возможным рай рукотворный; именно в его представлении Вавилонская башня становится символом могущества человека: «Вавилонская башня – не мост ли к Богу, не лестница ли для всех тех, кто помнил о Нем, но был Им забыт?» [13, с. 545].

Идеология бегунов также сталкивается с советской властью, что, в свою очередь, порождает еще большее многоголосие. Рассказывая о страшных репрессиях, Коля цитирует Капралова: «Кормчий не раз говорил, что только в чекистах да в юродивых он встречал понимание вездесущности зла» [13, с. 46]. Через точку зрения бегунской секты герои находят оправдание и революции, в частности, дядя Ференц считает, что «...сейчас впервые за века – время преобладания (численное и идейное) бегунов над оседлыми» [13, с. 622]. В противовес этому Коля отмечает, ссылаясь на Кормчего: «Сталина <...> Капралов считает за еретика, родоначальника злостного искажения бегунства. Странничество – твой добровольный выбор, иначе в нем нет ни правды, ни спасения» [13, с. 623]. Мотив оправдания также не остается в романе без своей противоположности: в тексте функционируют и идеи, призванные продемон-

стрировать высшие гуманистические ценности. Дядя Юрий, практически цитируя Достоевского, ставит под сомнение попытки увидеть в каждом «катаклизме» избранность и божественное участие: «Дело не в том, что мы сделали страну полем битвы Христа с антихристом, а в том, что каждый мнит себя Христовым воином, ищет смерти остальных» [13, с. 570].

Выводы

Таким образом, идейно-тематическая система произведений М. Шишкина и В. Шарова представлена как ризоматическое множество мотивов и образов, организованных по принципу перманентного диалога. Все элементы идейного целого романа «Письмовник», на первый взгляд разрозненные, объединены общим авторским пониманием бессмертия: библейские аллюзии, мотивы трансгрессии, любви, смерти и рождения, воплощенные через образы зимы и холода, вести и вестника, а также Слова разделены по полюсам идейного противостояния между словесным и естественным воскрешением. Если для полифонического романа в понимании Бахтина в контексте художественного целого важен сам факт диалога, то в случае М. Шишкина диалогичная и полифоничная структура становится способом реализации авторского мировоззрения. Наиболее приближенным к бахтинскому пониманию полифонии видится роман «Возвращение в Египет» В. Шарова: в центр концептуального поля произведения становится идейное развитие героев, в связи с чем образы и мотивы текста реализуются в зависимости от точки зрения персонажей. При этом авторское отношение к тем или иным идеям имплицитно отражается через образы карнавала или гротескной гиперболизации, дающей возможность реципиенту через иронию понять авторскую позицию. Соответственно, идейная полифония в современных текстах реализуется через взаимодействие с монологическим авторским взглядом, парадигма разрозненных мотивов и образов смыкается в единой точке.

Литература

1. Бахтин, М. Проблемы поэтики Достоевского / М. Бахтин. – М., 1972.
2. Иванова, О. С. Структура полифонической композиции и ее реализация в художественном тексте / О. С. Иванова // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2016. – № 36. – С. 108–114.
3. Баль, В. Ю. Идея национального возрождения в романе В. Шарова «Возвращение в Египет» / В. Ю. Баль // Русин. – 2015 – № 3. – С. 41–54.
4. Шишкин, М. Письмовник / М. Шишкин. – М., 2021.
5. Малков, П. Ю. Богородица / П. Ю. Малков, М. С. Иванов, В. Н. Васечко, Н. В. Квлицидзе // Православная энциклопедия. – М., 2002. – С. 286–504.

6. Шишкин, М. Смерть, как жизнь, внесловесна: интервью с писателем / М. Шишкин. – URL: <https://www.timeout.ru/spb/feature/15073> (дата обращения: 01.03.2023).

7. Серов, В. Распалась связь времен / В. Серов. – URL: <http://www.bibliotekar.ru/encSlov/16/22.htm> (дата обращения: 04.03.2023).

8. Шашков, Н. И. Постмодернистские концепции истории / Н. И. Шашков, Л. Д. Ерохина // *Философия* : курс лекций. – URL: <https://studfile.net/preview/4179586/page:41/> (дата обращения: 05.03.2023).

9. Макеенко, Е. В. К вопросу о трансформации жанра эпистолярного романа в современной русской литературе (Михаил Шишкин, «Письмовник») / Е. В. Макеенко / *Сибирский филологический журнал*. – 2013. – № 3. – С. 175–179.

10. Быков, Д. Писатель года 2015: Владимир Шаров / Д. Быков. – URL: <https://www.gq.ru/heroes/pisatel-goda-2015-vladimir-sharov> (дата обращения: 04.04.2023).

11. Иванченко, В. Интервью с Владимиром Шаровым / В. Иванченко. – URL: http://www.club366.ru/articles/110850_kv.shtml (дата обращения: 04.04.2023).

12. Федоров, Н. Ф. Философия общего дела / Н. Ф. Федоров. – Верный, 1912.

13. Шаров, В. Возвращение в Египет / В. Шаров. – М., 2020.

14. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. – М., 1990.

15. Пантюхина, А. И. Мотив мученичества в романе В. Шарова «Воскрешение Лазаря» / А. И. Пантюхина // *Филологический класс*. – 2018. – № 2 (52). – С. 146–162.

16. Дворкин, А. Кто такие мученики за Христа? / А. Дворкин. – URL: <https://foma.ru/radost-vstrechi.html> (дата обращения: 06.04.2023).

Король Нина Борисовна – аспирант, кафедра русской филологии, Гродненский государственный университет им. Я. Купалы (Гродно), e-mail: knb.6444@gmail.com

Поступила в редакцию 27 мая 2023 г.

DOI: 10.14529/ssh230308

POLYPHONY OF IDEOLOGICAL, THEMATIC, AND MOTIF-IMAGE SYSTEM IN MODERN TEXTS: THE NOVELS OF M. SHISHKIN AND V. SHAROV

N. B. Karol

Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Republic of Belarus

The article provides a detailed analysis of the ideological, thematic, and motif-image system of M. Shishkin's *The Letterbook* and V. Sharov's *Return to Egypt* from the point of view of a polyphonic vision of artistic reality. We consider the conceptual component of both works, means of dialogizing the ideological field of the texts, as well as means of reflecting the authors' point of view in the diegetic space of novels. Based on our analysis of the texts, we conclude that behind the thematic dissimilarity of the analyzed works is the commonality of the ideological structure, characterized by a rhizomatic plurality of images, motifs, and symbols, which in one way or another close at some point. The conceptual space of M. Shishkin's *The Letterbook* is organized through a dialogue between the ideas of natural and verbal resurrection, embodied in polar, explicitly un-related images and motifs. Comparison showed the fundamental importance of the ideological polyphony in V. Sharov's *Return to Egypt*, in which the main intention of the author is to represent characters' points of view. We conclude that at present, ideological polyphony is developing in tandem with monologue vision.

Keywords: polyphony, point of view, postmodernism, ideological structure, motif, image, M. Shishkin, V. Sharov.

References

1. Bakhtin M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's Poetics]. M., 1972.
2. Ivanova O.S. *Struktura polifonicheskoy kompozitsii i ee realizatsiya v khudozhestvennom tekste* [The Structure of a Polyphonic Composition and its Implementation in a Literary Text] // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 2016. № 36. S. 108–114.

3. Bal' V.Y. Ideya natsional'nogo vrozozhdeniya v romane V. Sharova «Vozvrashchenie v Egipet» [The Idea of National Revival V. Sharov's Novel «Return to Egypt»] // *Rusin*. 2015. № 3. S. 41–55.
4. Shishkin M. Pis'movnik [The Letterbook]. M., 2021.
5. Malkov P.Y. Bogoroditsa [Mother of God] // *Pravoslavnaya entsiklopediya*. M., 2002. S. 286–504.
6. Shishkin M. Smert', kak zhizn', vneslovesna: interv'yu s pisatelem [Death, Like Life, is Non-Verbal]. URL: <https://www.timeout.ru/spb/feature/15073> (data obrashcheniya: 01.03.2023).
7. Serov V. Raspalas' svyaz' vremen [Broken Connection of Times]. URL: <http://www.bibliotekar.ru/encSlov/16/22.htm> (data obrashcheniya: 04.03.2023).
8. Shashkov N.I. Postmodernistskie kontseptsii istorii [Postmodern Conceptions of History] // *Filosofiya: kurs lektsiy*. URL: <https://studfile.net/preview/4179586/page:41/> (data obrashcheniya: 05.03.2023).
9. Makeenko E.V. K voprosu o transformatsii zhanra epistol'yarnogo romana v sovremennoy russkoy literature (Mikhail Shishkin, «Pis'movnik») [On the Question of the Transformation of the Genre of the Epistolary Novel in Modern Russian Literature (Mikhail Shishkin, «Letterbook»)] // *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal*. 2013. № 3. S. 175–179.
10. Bykov D. Pisatel' goda 2015: Vladimir Sharov [Writer of the Year 2015: Vladimir Sharov]. URL: <https://www.gq.ru/heroes/pisatel-goda-2015-vladimir-sharov> (data obrashcheniya: 04.04.2023).
11. Ivanchenko V. Interv'yu s Vladimirom Sharovym [Interview with Vladimir Sharov]. URL: http://www.club366.ru/articles/110850_kv.shtml (data obrashcheniya: 04.04.2023).
12. Fedorov N.F. Filosofiya obshchego dela [Philosophy of Common Cause]. M., 1912.
13. Sharov V. Vozvrashchenie v Egipet [Return to Egypt]. M., 2020.
14. Bakhtin M.M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa [The work of Francois Rabelais and the Folk Culture of the Middle Ages and the Renaissance]. M., 1990.
15. Pantyukhina A. I. Motiv muchenichestva v romane V. Sharova «Voskreshenie Lazarya» [The Motive of Martyrdom in the Novel by V. Sharov «The Resurrection of Lazarus»] // *Filologicheskiy klass*. 2018. № 2 (52). S. 146–162.
16. Dvorkin A. Kto takie mucheniki za Khrista? [Who are the Martyrs for Christ?]. URL: <https://foma.ru/radost-vstrechi.html> (data obrashcheniya: 06.04.2023).

Nina B. Karol – Post-Graduate Student, Department of Russian Philology, Yanka Kupala State University of Grodno (Grodno), e-mail: knb.6444@gmail.com

Received May 27, 2023

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Король, Н. Б. Полифония идейно-тематической и мотивно-образной системы в современных текстах (на материале романов М. Шишкина и В. Шарова) / Н. Б. Король // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2023. – Т. 23, № 3. – С. 69–76. DOI: 10.14529/ssh230308

FOR CITATION

Karol N. B. Polyphony of Ideological, Thematic and Motif-Image System in Modern Texts: the Novels of M. Shishkin and V. Sharov. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2023, vol. 23, no. 3, pp. 69–76. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh230308

«НЕ ЗНАЛ И НЕ ЗНАЮ ЭТОГО ЧЕЛОВЕКА»: Н. Г. ГАРИН-МИХАЙЛОВСКИЙ И Р. Э. ЦИММЕРМАН

М. А. Перепелкин, О. В. Пелевина

Самарский университет имени академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация

В статье рассматривается эволюция взглядов писателя Н. Г. Гарина-Михайловского на вопросы, поднятые им в очерках «Несколько лет в деревне» и «В сутолоке провинциальной жизни». Среди этих вопросов вопросы о будущем сельского хозяина и его хозяйства, о взаимоотношениях между разными участниками сельскохозяйственного производства и, в конечном счете, – о правде и о счастье, пути к достижению которых искал писатель – один и с помощью своих современников. Наиболее заметное влияние на Н. Г. Гарина-Михайловского, по мнению авторов статьи, оказал Р. Э. Циммерман, книга которого «Кулачество-ростовщичество, его общественно-экономическое значение» была издана «на средства Гарина». В статье рассматриваются основные положения этой книги, автор которой приходит к выводу о том, что кулачество – закономерное явление социально-экономического характера, а также делаются выводы о том, как именно корректировалась художественная позиция Н. Г. Гарина-Михайловского под воздействием социально-экономической теории Р. Э. Циммермана.

Ключевые слова: Н. Г. Гарин-Михайловский, Р. Э. Циммерман, «Несколько лет в деревне», «В сутолоке провинциальной жизни», «Кулачество-ростовщичество, его общественно-экономическое значение», социально-экономические теории, кулак, автор и герой, неразрешимые вопросы, художественная правда.

Введение

В начале зимы 1887 года, живя в Усть-Катаве, инженер-путеец Н. Г. Михайловский предпринял первый опыт литературной деятельности, которым стали очерки «Несколько лет в деревне», посвященные опыту организации им «рационального» хозяйства в своем Самарском имении в 1883–1886 гг. Хорошо известно, что опыт этот оказался неудачным: встреченный в штыки местным населением и прежде всего – так называемыми «кулаками-мироедами», почувствовавшими в Михайловском того, кто посягает на их авторитет и финансовое благополучие, он несколько раз кряду подвергся безжалостным поджогам хлебных амбаров и других построек, был вынужден передать имение в руки управляющего и вновь поступить на железнодорожную службу, с которой простился в начале 1880-х гг. Однако завершение хозяйственного эксперимента совсем не означало завершения раздумий Михайловского над вопросами, поставленными перед ним провалом этого эксперимента, и всеми сопутствующими этому провалу обстоятельствами, – напротив, оставив имение и приступив к строительству Уфа-Златоустовской железной дороги, он начал особенно напряженно размышлять над ними; результатом этих размышлений стали, в том числе, и названные очерки. Нашел ли инженер Н. Г. Михайловский, несколько лет спустя после написания «Нескольких лет в деревне» превратившийся в писателя «Гарина», ответы на поставленные им вопросы? Он сам ответил на это так: «Эта толпа была один человек... Я стоял перед этим человеком взволнованный, расстроженный, с обидным сознанием, что я не знал и не знаю этого человека...» [1, с. 143].

Очерки Гарина увидели свет в журнале «Русская мысль» в 1892 году, а ответ на свои вопросы он получит еще несколько лет спустя, во второй половине 1890-х годов, когда познакомится с приехавшим в Самару и обосновавшимся в ней Р. Э. Циммерманом, знакомство с которым перерастет в сотрудничество и дружбу, продолжавшиеся до внезапной кончины последнего в апреле 1900 года.

Рейнгольд (Роман) Эмильевич Циммерман (1866–1900) – политический и общественный деятель, публицист, писатель – прибыл в Самару весной 1894 года из Иркутской губернии, где он отбывал пятилетнюю административную ссылку, к которой был приговорен за участие в антиправительственном политическом движении [2, с. 55–56; 3, с. 582–583; 3, с. 34–41]. Живя в Самаре, Циммерман служил в управлении Самаро-Златоустовской железной дороги, был одним из руководителей марксистского кружка, сотрудничал вначале с «Самарской газетой», а потом – с «Самарским вестником», переводил и публиковал свои переводы из Ницше, занимался вопросами политической экономии и философии. Сотрудничая с «Самарской газетой» или с «Самарским вестником», он, по всей видимости, и познакомился с Н. Г. Гариным-Михайловским, который тесно сотрудничал с этими изданиями, публикуя на их страницах свои рассказы. Изредка в столичных журналах публиковалась также беллетристика Циммермана, на которую он, по словам одного из его знакомых, «...слишком мало обращал внимания» [5, с. 467] и которая была собрана и опубликована отдельной книгой уже после его внезапной кончины в апреле 1900 года.

Современник Циммермана и М. Горького, хорошо знавший их в самарский период их деятельности, А. А. Смирнов (Треплев) дает такую характеристику Циммерману, часто бывавшему, по его словам, в самарских «салонах», где собиралась демократическая интеллигенция 1890-х годов: «Там постоянно бывал возвращенный из ссылки в Сибирь Ром<ан> Эмил<евич> Циммерман, бывший студент Петербургского университета, марксист, научно-образованный, высокий шатен лет 28, с очень правильными чертами румяного лица, освещенного большими серыми, немного близорукими глазами, всегда в золотом пенсне. Эти глаза, пристально глядевшие на собеседника, и большой открытый лоб напоминали критика Д. И. Писарева, как он изображен на всем известном портрете. Речь Циммермана была всегда неизменно спокойна, немногословна и уверенна, и от нее, и от всей личности оратора веяло какой-то скрытой, еще не развернувшейся силой» [6, с. 382]. По словам мемуариста, «...всем, даже людям “иною толку”» Р. Э. Циммерман внушал невольное уважение, а его книга «Кулачество-ростовщичество» наделала большого шума в народническом лагере, до глубины души возмутив народников-идеалистов, что, впрочем, не изменило их высокого мнения о самом её авторе.

Столь же высокого мнения о Циммермане придерживались и другие мемуаристы, писавшие, в частности, об истории «Самарского вестника» и об одном из его ключевых сотрудников – Р. Э. Циммермане, – Н. А. Самойлов [7, с. 90–109] и А. А. Санин [8].

Упомянутая А. А. Смирновым (Треплевым) книга Р. Э. Циммермана «Кулачество-ростовщичество, его общественно-экономическое значение» увидела свет в 1898 году или в самом начале 1899 года и была издана на средства Н. Г. Гарина-Михайловского [9]. Книга была встречена сразу несколькими критическими откликами, среди авторов которых были П. Покровский и В. И. Ульянов. Отзыв первого из них пропитан пренебрежением как к самому автору, так и к его идеям, не имеющим «...почти никакой научной ценности» и интересным «...лишь в качестве первой слабой попытки объединить и обобщить журнальный материал по вопросу о кулачестве и ростовщичество» [10, с. 2182]. А вот второй отнесся к книге Циммермана сочувственно, подчеркнув, что она «...подводит итоги данным, собранным в нашей экономической литературе по интересному вопросу о кулачестве-ростовщичество» [11, с. 55], позволив себе несколько не совсем лестных для автора «Кулачества-ростовщичества» замечаний («...собственные суждения г. Гвоздева отличаются нередко чрезмерной огульностью и общностью»). Между прочим заметим, что в личных письмах матери и зятю М. Т. Елизарову критика В. И. Ульянова оказалась гораздо более жесткой

(«не нравится мне этот “самарский” дух», «очень и очень слабо»), но, по его же собственному признанию, в рецензии на «Кулачество-ростовщичество» он «...решил все-таки сдержаться и наполнить рецензию на 4/5 замечаниями против народников и на 1/5 – замечаниями против Гвоздева» [12, с. 204].

Обзор литературы

До сих пор писавшие о Гарине не касались вопроса его взаимоотношений с Циммерманом, не рассматривалось и влияние последнего на эволюцию гаринских взглядов, что, по нашему мнению, является заметным упущением, о чем свидетельствует хотя бы самый факт публикации книги «Кулачество-ростовщичество, его общественно-экономическое значение» за счет средств Н. Г. Гарина-Михайловского. Принимая во внимание работы наших предшественников – исследователей Гарина: И. М. Юдиной [13], Г. М. Миронова [14], К. Д. Гордович [15], – а также историков русского общественного сознания и, в частности, народничества – А. Walicki [16, 17], M. Raeff [18], N. G. Riasanovsky [19] и других, данным исследованием мы расширяем фактографическую базу изучения гаринского творчества и на основе новых данных стремимся обосновать нашу гипотезу об эволюции его взглядов.

Методы исследования

В данной статье использована комплексная научная методология, которую составили в основном три метода – описательный, аналитический и сопоставительный.

Результаты и дискуссия

Обратимся к самой книге Р. Э. Циммермана и поразмышляем над тем, в чем именно увидел издавший ее Н. Г. Гарин-Михайловский ответ на свои вопросы, поставленные им в очерках «Несколько лет в деревне».

Книга состоит из введения, шести параграфов и заключения. Во введении ее автор прежде всего констатировал то обстоятельство, что «крупная кряжистая фигура» кулака-ростовщика («чумазого») «...заполонила русскую действительность – ни в городе, ни в деревне вы не минуете встречи с ней» [9, с. 1]. Далее Р. Э. Циммерман отметил, что литература не обошла вездесущую фигуру кулака-мироода, само собой разумеется, попавшую в сферу внимания народников, «...возившихся над изучением народа, кичащихся всесторонностью этого самого изучения» [9, с. 2]. А вот дальше автор книги обозначил следующий парадокс: «Фактов собрано много, но их генетическую, преемственную связь никто выяснить не постарался» [9, с. 3]. Причину этого он видит в том, что, отстаивая дорогие их сердцу народные устои, народники не удосужились поискать генетическую связь всех пореформенных напастей с дореформенными условиями существования народных масс.

Этим вопросом Р. Э. Циммерман и занимается в параграфе, открывающем книгу и озаглавленном

«Генезис кулачества-ростовщичества». Свой экскурс в историю явления он начинает с анализа характерных особенностей натурального хозяйства в Западной Европе и в России, далее переходит к разговору о влиянии западно-европейского рынка на русскую действительность XVII столетия и, наконец, выходит к разговору о «...развитии дифференциации отраслей крестьянского производства, совершавшейся в пределах каждого хозяйства», следствием которого стало «...появление на свет Божий посредника как необходимого звена между потребителем и производителем и как необходимого следствия совершившегося процесса обособления крестьянских промыслов» [9, с. 21]. «Мы не станем здесь останавливаться на рассмотрении того, каким образом образовалась эта более самостоятельная группа крестьян, – пишет Р. Э. Циммерман. – Здесь помимо целого ряда условий, благоприятствовавших тому или иному хозяйственному предприятию, несомненно сыграло роль и то умение “спасти себя и присных”, которое так хорошо описано нашим сатириком (Салтыковым-Щедриним. – М. П., О. П.) при изображении им способа накопления денег “хозяйственными мужичками”» [9, с. 23]. Далее происходило постепенное укрепление «простого соседа-заимодавца или торговца-покупателя» и превращение его в «кредитора-ростовщика и скупщика-ростовщика», в котором одинаково нуждались как помещик, так и мелкий производитель, оба одинаково выдвигавшие вперед обладателя так необходимых им денег, нужда в которых год от года только усиливалась. Окончательное же становление «мироеда» произошло в эпоху крестьянской реформы, когда одна часть крестьянства стала ещё беднее, зато другая, «...имея под боком постоянно нуждающегося своего же брата-крестьянина, лишь выиграла от освобождения» [9, с. 31].

В параграфах, следующих за этим, «генетическим», автор книги остановился на таких вопросах, как кулачество-ростовщичество в хлебном производстве, кулачество и переселения, кулачество и кустарная промышленность, кулачество и отхожие промыслы, ростовщический кредит и подать. Отметим знакомство Р. Э. Циммермана с экономической, исторической и художественной литературой, как российской, так и западно-европейской, позволяющее ему полемизировать с разными авторами, касавшимися в своих исследованиях рассматриваемых им вопросов, а также опираться на их выводы и выстраивать убедительную систему аргументов. В результате, рассмотрев разные отрасли «народной промышленности», автор «Кулачества-ростовщичества» показал, что в каждой из них существовало достаточно причин, которые заставляли обедневшие народные массы обращаться за помощью к «...более состоятельной части той же крестьянской массы» [9, с. 144].

Завершая свое исследование, Р. Э. Циммерман вновь обратился к опыту изучавших вопрос сущности кулачества-ростовщичества писателей-народ-

ников и, в частности, Н. Н. Златовратского, который в одном месте верно подметил невозможность провести чёткую грань между кулаком и хорошим хозяином, а зато в другом счёл появление кулака-мироеда случайным недоразумением и «грехом». Отсюда, по мнению автора книги, вытекает и одно из главных заблуждений Златовратского, давшего неудачное объяснение стихийному появлению «чумазого». При этом случай Златовратского, по мнению Циммермана, исключительный, так как доктрина в нём борется с «...талантливостью и вдумчивостью добросовестного наблюдателя народной жизни», и именно вдумчивость и добросовестность «...мешали ему... приписывать появление кулачества-ростовщичества тлетворному влиянию “умственной и нравственной атмосферы Запада”, они невольно заставляли его обращать внимание на целый ряд явлений, которые слишком били в глаза и мимо которых он пройти не мог» [9, с. 153]. С этим заблуждением связана, как считал Р. Э. Циммерман, и еще одна ошибка и Златовратского, и некоторых других «менее талантливых народников», которые определили кулака-мироеда как разрушителя старых феодально-крепостнических отношений, не поняв, однако, того значения, которое принадлежало ему в деле «...создания новых общественных отношений» [9, с. 153–154].

Что касается самого Р. Э. Циммермана, то основную задачу своей книги он видел именно в том, чтобы показать, «...что “мироед не чужд природе”... именно “в смысле сельскохозяйственном”, в смысле реального представителя не какого-то стихийного, а вполне понятного, на наших глазах совершающегося, в историческом смысле вполне логического переворота» [9, с. 157]. Из этой же «нечуждости» мироеда природе вытекает и тот главный вывод, который сделал Циммерман, подчеркнувший, что, признавая кулачество-ростовщичество мрачной, но законной переходной ступенью в эволюции России, «...мы тем самым сразу освобождаемся из-под его фатальности, ибо мы знаем, где начался этот процесс, также знаем, где он и кончится, мы знаем, что он превращается в свою противоположность, что он же является одним из наиболее энергичных факторов в создании таких условий, при которых дальнейшее существование его является невозможностью» [9, с. 161].

Как уже было сказано, книга Р. Э. Циммермана увидела свет в 1898 или в самом начале 1899 года и была издана «на средства Н. Гарина», а уже в 1900 году в журнале «Мир божий» были опубликованы очерки Н. Г. Гарина-Михайловского «В сутолоке провинциальной жизни», явившиеся в некотором смысле продолжением «Несколько лет в деревне». По словам И. М. Юдиной, над этими очерками писатель работал «...в течение длительного времени, начиная с середины 90-х годов» [20, с. 701], то есть как раз в те годы, на которые пришлось и его знакомство с Р. Э. Циммерманом и его идеями. По всей

видимости, это знакомство во многом скорректировало отношение Гарина к тем вопросам, которые впервые были подняты им в «Нескольких днях в деревне» и заново осмыслены теперь в очерках «В сутолоке провинциальной жизни». Для того чтобы понять, в чем именно состояла эта эволюция гаринских взглядов, обратимся к нескольким эпизодам сначала одного, а потом другого произведения.

Очерки «Нескольких лет в деревне» завершаются сразу несколькими весьма драматическими эпизодами – пожарами в имении главного героя, расследованием и задержанием поджигателя, объяснением героя с пришедшими требовать освобождения последнего, судом над поджигателем и новой встречей героя с князевцами, произошедшей спустя два года после его расставания с имением. Этих эпизодов много и все они разные, но при этом есть и то, что их сближает: все они объединены недоумением героя, которое не только не рассеивается, но, напротив, становится от одного эпизода к другому все более и более глубоким.

Вот, например, диалог героя со стариком-садовником, произошедший почти сразу после задержания виновного в поджогах Чичкова. В ответ на свой вопрос, обращенный к садовнику, думал ли он дожить «до таких делов», тот начинает рассуждать о грехах и о благодати, из чего герой делает неожиданный для себя вывод: «Я же, значит, и виноват выхожу в этом деле?».

«– А кто же? – спросил спокойно Павел. – С них много ли спросится? Трава они как есть – и больше ничего, а тебе книги раскрыты... Зачем взбулгачил народ? Дьявола дразнить?» [20, с. 136–137].

А вот другой эпизод: «гомонящий» народ идет освобождать арестованного Чичкова: «Я стоял, точно очарованный. Мысль, что они могут явиться, ни разу не приходила серьезно мне в голову. Зачем они идут? Требовать освобождения Чичкова? А если я откажусь? Они покончат с нами... С нами? С людьми, которые только и думали, только и жили надеждой дать им то счастье, о котором они и мечтать не смели? Для чего покончить? Чтоб опять подпасть под власть какого-нибудь негодяя вроде Николая Белякова?» [20, с. 137].

И, наконец, своего апогея недоумение героя достигает, как уже было отмечено, в заключительном эпизоде очерков – эпизоде новой встречи героя с князевцами спустя два года после их расставания, когда, завидев его экипаж, вся деревня потянулась на барский двор, и каждый, как только умел, спешил высказать приехавшему свой привет: «Эта толпа была один человек... Я стоял перед этим человеком взволнованный, растроганный, с обидным сознанием, что я не знал и не знаю этого человека...» [1, с. 143].

Каковы причины этого недоумения, понимают ли их сам герой и автор очерков? Как нам кажется, этих причин как минимум две, и обе представляются им не очень ясными.

Первая из этих причин заключается в том, что герой и его окружение, состоящее преимущественно из крестьян, находятся в разных интеллектуальных и духовных парадигмах, которые имеют очень мало точек пересечения. Крестьяне – «...трава... и больше ничего», они темны и не разбираются во многих вопросах, но при этом они хорошо знают, что «...благодатию божию... сыт будешь», чувствуют это, будучи не способными объяснить словами многие вещи. Герой же, напротив, хорошо говорит и прекрасно думает, во многом разбирается и многое может понять, но понять таких простых вещей, о которых говорят ему садовник Павел и Петр Беляков, он понять не в состоянии, и именно они-то представляются ему загадкой без разгадки.

Но есть и вторая причина недоумения героя и автора, более прозаическая. Рассуждая о том, что «взбулгаченные» князевские мужики могут покончить с ним и с его близкими, герой не может взять в толк, как это возможно: «Они покончат с нами... С нами? С людьми, которые только и думали, только и жили надеждой дать им то счастье, о котором они и мечтать не смели? Для чего покончить? Чтоб опять подпасть под власть какого-нибудь негодяя вроде Николая Белякова?». Как видно из этого рассуждения, «какой-нибудь негодяй вроде Николая Белякова» представляется ему случайным и ошибочным, тогда как его собственная забота о крестьянах и об их счастье – закономерной и оправданной самим историческим процессом. Отсюда, собственно, и вытекает недоумение героя, а в какой-то степени – и автора тоже: если забота о крестьянском счастье – закономерное и обусловленное самим порядком вещей дело, а «негодяи вроде Николая Белякова» незаконны и случайны, то почему в таком случае очевидно тянущийся к закону народ стремится «опять подпасть под власть» последних и пренебрегает первыми?

Вне всяких сомнений, две названные причины взаимосвязаны и вытекают одна из другой, и, будучи не в силах найти ответ на один из обозначенных вопросов, герой и автор также сомневаются в разрешимости второго, но при этом можно рассматривать эти две причины и по отдельности. И вот здесь-то, по нашему мнению, и состоялось то открытие, которое сделал Н. Г. Гарин-Михайловский, опираясь на работу Р. Э. Циммермана о кулачестве-ростовщичестве и его общественно-экономическом значении.

Как уже было отмечено, Р. Э. Циммерман сумел понять и обосновать, что мироед не чужд природе именно в смысле сельскохозяйственном, «...в смысле реального представителя не какого-то стихийного, а вполне понятного, на наших глазах совершающегося, в историческом смысле вполне логического переворота» [1, с. 157]. Что из этого вытекает? А вытекает в общем-то простая вещь: «негодяи вроде Николая Белякова» совсем не случайны

и вполне закономерны, а значит, их существование не противоречит природе вещей, а вполне сообразно с нею. Следовательно, нет ничего странного и в том, как реагируют крестьяне на такого рода негодяев, совсем не отвергая их, а принимая и считаясь с их силой и авторитетом. Какой вывод делает Н. Г. Гарин-Михайловский из этого открытия? Для того чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к другому названному сочинению писателя – очеркам «В сутолоке провинциальной жизни».

В самом начале этих очерков Гарин подчеркивает преемственность первого и второго сочинений («Мои записки о деревне, напечатанные под заглавием “Несколько лет в деревне”, относятся к периоду до 1886 года» [20, с. 286]), еще раз возвращаясь во втором из них ко времени оставления им Князевки. Таким образом, время, разделяющее финальные эпизоды «Нескольких лет в деревне» и начало очерков «В сутолоке провинциальной жизни», не просто минимальное, а фактически нулевое: в финале одного произведения и в первых сценах другого действует один и тот же герой, которого окружают те же самые крестьяне, но вот поведение и реакции этого героя и этих крестьян предельно разные.

Вот, например, эпизод «объяснения» героя с крестьянами после «ошибки» суда, вынесшего оправдательный приговор поджигателям:

«– Если вы желаете, господа, – сказал я, – иметь со мной дело и вперед, я ставлю условие: эти пять семейств должны покинуть Князевку. Мне отвечали, что общество здесь бессильно что-нибудь сделать. Я в свою очередь сказал:

– Вашу силу я знаю: если вы захотите, то сможете. Как хотите, но вот мои условия: пока эти люди не уйдут добровольно, я вам не дам ни земли, ни выгона, ни леса, ни воды» [20, с. 288–289].

А это другой эпизод, эпизод новой встречи героя с депутатами из числа князевских крестьян:

«Однажды утром меня разбудили:

– Князевские крестьяне приехали.

Я быстро оделся и вышел к ним. Двое: Родион Керов и Пиманов (один из прощенных участников) при моем появлении упали на колени и равнодушно крикнули:

– Не губи!

Я сухо остановил:

– Господа, вставайте – это не поможет...» [20, с. 322].

И, наконец, третий эпизод – это эпизод еще одной встречи героя с крестьянами, на этот раз – уже в Князевке:

«Я стоял, смотрел кругом... как будто все то же, те же лица... они кланяются заискивающе, подобострастно, как-то смешно и, не довольствуясь еще, усердно кивают мне головами. Опять заговорил Петр Иванович:

– Э... они желали бы поднести вам по случаю приезда хлеб-соль... Э... впрочем, лучше сперва отслужить молебен... Впрочем, как прикажете...» [20, с. 342].

Как видим, меняется герой – меняются и крестьяне: первый становится жестче и решительней, вторые – податливее и уступчивее. С чем связаны эти перемены и что произошло такого, что сделало другими и первого, и вторых?

Как нам представляется, произошло именно то, про что было сказано выше: познакомившись с исследованием и выводами Циммермана, Н. Г. Гарин-Михайловский (не герой середины 1880-х гг., а автор 1890-х) понял, что кулачество-ростовщичество совсем не было нарушением природного правила, вытекающая из него и будучи им порожденным и обусловленным. А значит, и реагировать на него нужно как на закономерное явление – без недоумений и обид, не ожидая, что богобоязненные и законопослушные крестьяне отторгнут это явление, якобы нарушающее закон и ему противоречащее. Поскольку это совсем не так, и «негодяи вроде Николая Белякова» закономерны, следует не недоумевать, а искоренять, и искоренять, взывая не к совести (она у богобоязненных крестьян в данном случае спокойна), а к чувству самосохранения и экономической целесообразности. То есть, постигая механизмы социального и экономического планов (появление кулачества и его место в социально-экономической структуре современного общества), автор приближается к разрешению тех недоумений и противоречий, которые не давали ему покоя ранее, а поняв сам, делегирует это понимание и своему герою, который вдруг, на глазах у читателя, начинает совершенно иначе себя вести и добивается осуществления поставленных им перед собой целей.

Выводы

Итак, рассмотрев один эпизод из писательской жизни Н. Г. Гарина-Михайловского, мы убедились, что его знакомство с социально-экономической теорией другого писателя и мыслителя – Р. Э. Циммермана – сумело решительным образом изменить его взгляды и помочь найти ответы на казавшиеся неразрешимыми вопросы о будущем сельского хозяина и его хозяйства, о наилучшей конфигурации взаимоотношений между разными участниками сельскохозяйственного производства и, в конечном счете, о правде и о счастье, пути к достижению которых остались не найденными помещиком Михайловским, но которые продолжал искать писатель Гарин, как один, так и с помощью своих современников.

Литература

1. Гарин-Михайловский, Н. Собрание сочинений : в 5 т. Т. 3 / Н. Гарин-Михайловский. – М., 1957. – 656 с.
2. Янкина, Л. И. М. Горький в Самаре / Л. И. Янкина. – Куйбышев, 1973. – 112 с.
3. Перепелкин, М. А. Циммерман Рейнгольд Эрнст / М. А. Перепелкин, Л. А. Соловьева // Русские писатели. 1800–1917 : биографический словарь. – М. : СПб., 2019. – С. 582–583.
4. Перепелкин, М. А. «Политически небла-

гонадежный» писатель Циммерман: попытка биографии / М. А. Перепелкин, О. В. Пелевина // Самарский архивист. Научный альманах. – Вып. 2. – Самара, 2021. – С. 34–41.

5. <Чириков, Е. Н.>. Роман Эмильевич Циммерман (Некролог) / <Е. Н. Чириков> // Жизнь. – 1900. – № 4. – С. 467–468.

6. Смирнов (Треплев), А. Театр душ: Стихи. Критические этюды. Воспоминания. Письма. (Самарский литературный архив. Вып. 1) / А. Смирнов (Треплев); сост., подг. к публ., комм. М. А. Перепелкина. – Самара, 2006. – 511 с.

7. Самойлов, Н. Первая легальная марксистская газета в России («Самарский вестник», 1896–1897 гг.) / Н. Самойлов // Пролетарская революция. – 1927. – № 4. – С. 90–109.

8. Санин, А. «Самарский вестник» в руках марксистов (1896–1897 гг.) / А. Санин. – М., 1933. – 74 с.

9. Гвоздев, Р. Кулачество-ростовщичество, его общественно-экономическое значение / Р. Гвоздев. – СПб.: Издание Гарина, 1899 (на титульном листе – 1898 год). – 162 с.

10. Покровский, П. <Гвоздев Р. Кулачество-ростовщичество. Издание Гарина, 1899. Ц. 75 к.> / П. Покровский // Научное обозрение. – 1899. – № 11. – С. 2180–2182.

11. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений :

в 55 т. Т. 4 / В. И. Ленин. – М., 1967. – 565 с.

12. В. И. Ленин и Самара : сборник документов и материалов. – Куйбышев, 1966. – 564 с.

13. Юдина, И. М. Н. Г. Гарин-Михайловский: Жизнь и литературно-общественная деятельность / И. М. Юдина. – Л., 1969. – 238 с.

14. Миронов, Г. М. Поэт нетерпеливого созидания. Н. Г. Гарин-Михайловский. Жизнь. Творчество. Общественная деятельность / Г. М. Миронов. – М., 1965. – 160 с.

15. Гордович, К. Д. Н. Г. Гарин-Михайловский: личность и творчество / К. Д. Гордович. – СПб., 2014. – 312 с.

16. Walicki, A. A history of Russian thought from the enlightenment to Marxism / A. Walicki. – Stanford, 1979. – 456 s.

17. Walicki, A. The controversy over capitalism: studies in the social philosophy of Russian populists / A. Walicki. – Clarendon, 1969. – 197 s.

18. Raeff, M. Russian intellectual history / M. Raeff. – Humanity Books, 1978. – 414 s.

19. Riasanovsky, N. G. A history of Russia / N. G. Riasanovsky. – Oxford, 2000. – 726 s.

20. Гарин-Михайловский, Н. Собрание сочинений : в 5 т. Т. 4 / Н. Гарин-Михайловский. – М., 1958. – 724 с.

Перепелкин Михаил Анатольевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский университет имени академика С. П. Королева (Самара), e-mail: mperpelkin@mail.ru. ORCID 0000-0002-6102-6947

Пелевина Оксана Владимировна – аспирант, кафедра русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский университет имени академика С. П. Королева (Самара), e-mail: oханapele@gmail.com

Поступила в редакцию 12 апреля 2023 г.

DOI: 10.14529/ssh230309

«I DID NOT KNOW AND DO NOT KNOW THIS PERSON»:

N. G. GARIN-MIKHAILOVSKY AND R. E. ZIMMERMAN

M. A. Perepelkin, O. V. Pelevina

Samara University named after Academician S. P. Korolev, Samara, Russian Federation

The article discusses the evolution of the views of the writer N. G. Garin-Mikhailovsky on the issues raised in his essays «Several Years in the Countryside» and «In the Bustle of Provincial Life». Among these are questions about the future of agricultural owners and their property; about the relationship between different participants of agricultural production; and, ultimately, about truth and happiness, the way to which the writer was looking for, both on his own and with the help of his contemporaries. The most noticeable influence on N. G. Garin-Mikhailovsky, according to the authors of the article, was exerted by R. E. Zimmerman, whose book *Kulak-usury, Its Socio-Economic Significance* was published «at the expense of Garin». The article discusses the main provisions of this book, and also draws conclusions about how exactly the artistic position of N. G. Garin-Mikhailovsky was corrected under the influence of the socio-economic theory of R. E. Zimmerman.

Keywords: N. G. Garin-Mikhailovsky, R. E. Zimmerman, «Several years in the countryside», «In the hustle and bustle of provincial life», «Kulak-usury, its social and economic significance», socio-economic theories, kulaks, author and hero, insoluble questions, artistic truth.

References

1. Garin-Mikhailovskiy N. Sobraniye sochineniy [Collected Works]: v 5 t. T. 3.. M., 1957. 656 s.
2. Yankina L.I. M. Gor'kiy v Samare [M. Gorky in Samara]. Kuybyshev, 1973. 112 s.
3. Perepelkin M.A., Solov'yeva L.A. Tsimmerman Reyngol'd Ernst [Zimmerman Reinhold Ernst] // *Russkiye pisateli. 1800–1917: biograficheskiy slovar'*. M.; SPb., 2019. S. 582–583.
4. Perepelkin M.A., Pelevina O.V. «Politicheski neblagonadezhnyy» pisatel' Tsimmerman: popytka biografii [«Politically Unreliable» Writer Zimmerman: an Attempt at a Biography] // *Samarskiy arkhivist. Nauchnyy al'manakh. Vyp. 2. Samara, 2021. S. 34–41.*
5. Chirikov E.N. Roman Emil'yevich Tsimmerman (Nekrolog) [Roman Emilevich Zimmerman (Obituary)] // *Zhizn'*. 1900. № 4. S. 467–468.
6. Smirnov (Trepnev) A. Teatr dush: Stikhi. Kriticheskiye etyudy. Vospominaniya. Pis'ma. (Samarskiy literaturnyy arkhiv. Vyp. 1) [Theater of Souls: Poems. Critical Studies. Memories. Letters. (Samara Literary Archive. Iss. 1)]; sost., podg. k publ., komm. M.A. Perepelkina. Samara, 2006. 511 s.
7. Samoylov N. Pervaya legal'naya marksistskaya gazeta v Rossii («Samarskiy vestnik», 1896–1897 gg.) [The First Legal Marxist Newspaper in Russia (Samara Bulletin, 1896–1897)] // *Proletarskaya revolyutsiya. 1927. № 4. S. 90–109.*
8. Sanin A. «Samarskiy vestnik» v rukakh marksistov (1896–1897 gg.) [The Samara Bulletin in the Hands of Marxists (1896–1897)]. M., 1933. 74 s.
9. Gvozdev R. Kulachestvo-rostovshchichestvo, ego obshchestvenno-ekonomicheskoye znachenie [Kulak-Usury, its Socio-Economic Significance]. SPb.: Izdaniye Garina, 1899 (na titul'nom liste – 1898 god). 162 s.
10. Pokrovskiy P. Gvozdev R. Kulachestvo-rostovshchichestvo. Izdaniye Garina, 1899. Ts. 75 k. [Gvozdev R. Kulak-Usury. Edition of Garin, 1899. Ts. 75 K.] // *Nauchnoye obozreniye. 1899. № 11. S. 2180–2182.*
11. Lenin V.I. Polnoye sobraniye sochineniy [The Complete Works]: v 55 t. T. 4. M., 1967. 565 s.
12. V.I. Lenin i Samara [V.I. Lenin and Samara]: sbornik dokumentov i materialov. Kuybyshev, 1966. 564 s.
13. Yudina I.M. N.G. Garin-Mikhailovskiy: Zhizn' i literaturno-obshchestvennaya deyatel'nost' [N.G. Garin-Mikhailovsky: Life and Literary and Social Activity]. L., 1969. 238 s.
14. Mironov G.M. Poet neterpelivogo sozidaniya. N.G. Garin-Mikhailovskiy. Zhizn'. Tvorchestvo. Obshchestvennaya deyatel'nost' [Poet of Impatient Creation. N.G. Garin-Mikhailovsky. Life. Creation. Public Activities]. M., 1965. 160 s.
15. Gordovich K.D. N.G. Garin-Mikhailovskiy: lichnost' i tvorchestvo [N.G. Garin-Mikhailovsky: Personality and Creativity]. SPb., 2014. 312 s.
16. Walicki A. A History of Russian Thought from the Enlightenment to Marxism. Stanford, 1979. 456 p.
17. Walicki A. The Controversy over Capitalism: Studies in the Social Philosophy of Russian Populists. Clarendon, 1969. 197 p.
18. Raeff M. Russian Intellectual History. Humanity Books, 1978. 414 p.
19. Riasanovsky N.G. A History of Russia. Oxford. 2000. 726 p.
20. Garin-Mikhailovskiy N. Sobraniye sochineniy [Collected Works]: v 5 t. T. 4. M., 1958. 724 s.

Mikhail A. Perepelkin – D. Sc. (Philology), Professor of the Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara University named after Academician S. P. Korolev (Samara), e-mail: mperepelkin@mail.ru

Oksana V. Pelevina – Post-Graduate Student, Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara University named after Academician S. P. Korolev (Samara), e-mail: oxanapele@gmail.com

Received April 12, 2023

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Перепелкин, М. А. «Не знал и не знаю этого человека»: Н. Г. Гарин-Михайловский и Р. Э. Циммерман / М. А. Перепелкин, О. В. Пелевина // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2023. – Т. 23, № 3. – С. 77–83. DOI: 10.14529/ssh230309

FOR CITATION

Perepelkin M. A., Pelevina O. V. «I didn't Know and don't Know this Person»: N. G. Garin-Mikhailovsky and R. E. Zimmerman. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2023, vol. 23, no. 3, pp. 77–83. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh230309

ПОЭТИКА РАННЕЙ МАЛОЙ ПРОЗЫ В. В. НАБОКОВА: ИЗ РАССКАЗОВ, НЕ ОПУБЛИКОВАННЫХ ПРИ ЖИЗНИ ПИСАТЕЛЯ

З. С. Потапова

*Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург,
Российская Федерация*

В статье рассматривается раннее творчество В. Набокова – малая проза, не опубликованная при жизни писателя. Рассказы «Говорят по-русски», «Звуки» и «Боги», будучи написанными в 1920-е годы, стали доступны русскоязычному читателю только в XXI веке. Публикация «Полного собрания рассказов» не только продемонстрировала общественный интерес к произведениям автора, но и подняла актуальный вопрос для литературоведов, изучающих наследие Набокова: роль и место неизвестных рассказов в общем контексте творчества писателя и научном дискурсе.

Целью данной работы является анализ поэтики рассказов Владимира Набокова «Говорят по-русски», «Звуки», «Боги» и сопоставление их с другими текстами писателя. Использование сравнительного метода позволило рассмотреть рассказы в их взаимодействии друг с другом, а также с такими знаковыми произведениями, как «Другие берега», «Машенька», «Дар», рассказами «Ассистент режиссера», «Рождество», драматургией. Вследствие этого были выделены общие для всего творчества автора тенденции, наметившиеся уже в эпоху первых серьезных обращений к прозе и получившие развитие и концептуальную оформленность в зрелый период: мотив ностальгии, образ России как утраченного рая, раскол мира на эмигрантский и советский, лиризм и импрессионизм прозы.

Ключевые слова: Набоков, рассказ, поэтика, «диалогичность» творчества, импрессионизм, двукомпонентные имена.

Введение

Владимир Набоков известен читателю как автор эпических, лирических и драматических произведений. Его творчество отличается многожанровостью: от малых форм (стихотворений, рассказов) до крупных (романов, романов-автобиографий, метаромана «Дар» (1938 г.)).

Начинавший как поэт, Владимир Набоков постепенно переходит к прозе в 1920-е годы. Помимо переводов на русский язык произведений Р. Роллана, Л. Кэрролла, писатель обращается к жанру рассказа. Однако большую популярность в ранний (берлинский) период получили все же романы: «Машенька», «Защита Лужина», «Приглашение на казнь», «Король, дама, валет» и т. д.

«Возвращение Чорба» (1929 г.) стало первым сборником рассказов. Только после смерти писателя, в 1995 году, выходит сборник всей короткой прозы Набокова на английском языке [1]. Для русскоязычных читателей такое издание было подготовлено лишь в 2011 году.

Сборник примечателен тем, что он явился полным собранием рассказов В. Набокова, как уже известных до этого, так и обнаруженных в архивах писателя. В него включены 68 произведений, написанных с 1920 по 1951 год. Помимо знакомых рассказов «Весна в Фиальте», «Рождество», «Путеводитель по Берлину», «Облако, озеро, башня» и др., впервые на русском языке были опубликованы три рассказа: «Говорят по-русски» (1923 г.), «Звуки» (сентябрь 1923 г.), «Боги» (октябрь 1923 г.), которые стали исследовательским материалом для нас. Они представляют научный интерес, так

как не подвергались системному литературоведческому анализу. Этим обусловлена актуальность данной работы.

Цель статьи – рассмотреть особенности поэтики ранних рассказов, не опубликованных при жизни В. Набокова, и сопоставить их с другими произведениями писателя, что позволит включить рассказы «Говорят по-русски», «Звуки», «Боги» в общий контекст филологических исследований творчества автора, а также откроет перспективу анализа текстов В. Набокова не только по периодам и жанрам, но и с точки зрения хронологического развития.

Обзор литературы

Рассказ «Говорят по-русски» первым из ранее не опубликованной короткой прозы привлек внимание исследователей. М. Р. Напцок в статье «Рассказ В. Набокова “Говорят по-русски”: особенности художественного дискурса» [2] рассматривает произведение с точки зрения деления в нем дискурса на эмигрантский и советский, фиксируя уже в раннем творчестве Набокова ключевую роль образа дореволюционной России как потерянного рая и отмечая мотив установления границ между героями, распределяющимися по двум группам в зависимости от политических взглядов, языка, культуры и традиций.

Эту же идею освещают в своей работе А. В. Святославский и Е. В. Егорова «В. И. Ленин в литературно-художественной рецепции В. В. Набокова» [3]. Анализ образа «вождя» позволяет исследователям сделать вывод о нем, как о «...некоей универсалии тоталитаризма» [3, с. 329], он ста-

новится для автора средоточием всего советского, чуждого, расколовшего мир напополам.

А. Бабилов в работе «Сочетание стали и патологии. Владимир Набоков о советской литературе: Новые материалы» [4] поднимает вопрос об автобиографических причинах появления советского дискурса в текстах и важности разделения для писателя литератур двух миров.

Широко к проблеме исследования творчества В. Набокова обращаются современные литературоведы А. Долинин, С. Ильин, Г. Барабтарло, А. Люксембург, Г. Рахимкулова, Ю. Левинг, М. Маликова, О. Сконечная, И. Сухих, В. Старк, рассматривая как содержательные и концептуальные аспекты текстов писателя, так и особенности формы. При этом среди научных работ отсутствуют специальные исследования ряда рассказов Набокова, представленных читательскому вниманию недавно и открывших для филологов новый вектор изучения феномена данных произведений, которые образуют единую систему.

Методы исследования

В основе исследования лежат описательный, сравнительный, структурный, типологический и аналитический методы.

Результаты и дискуссия

Стилистическое сходство позволяет объединить рассказы «Звуки» и «Боги» в одну группу при исследовании их поэтики. Рассказ «Говорят по-русски» несколько отстоит от них, однако и в нем обнаруживаются ведущие мотивы, символы и тенденции творчества Набокова, проявившиеся в ранний период.

Текстам В. Набокова свойственны «диалогичность», «переключка», «переговаривание». Владимир Владимирович, выбрав тему для одного рассказа, мог позднее возвращаться к ней в другом рассказе или романе (и даже стихотворении), дополняя, перерабатывая ее, рассматривая ее «под другим углом». Общность тем и сюжетов, сходство героев мы находим в его различных произведениях (как это, например, случилось с романом «Лолита» (1953 г.), который концептуально переключается с более ранними произведениями: стихотворением «Лилит» (1928 г.) и повестью «Волшебник» (1939 г.)).

Рассказ «Говорят по-русски» представляет собой фантазию-утопию о жизни семьи эмигрантов, которые однажды встречаются в Берлине гэпэушника и решают не столько отомстить ему, сколько перевоспитать. Этот рассказ находится в диалоге с более поздними рассказами – «Бритва» (1926 г.) и «Ассистент режиссера» (первый английский рассказ, 1943 г.). Произведения становятся сюжетными «двойниками» рассказа «Говорят по-русски», в которых ситуация столкновения эмигранта с представителем органа госбезопасности переосмысливается. При этом в более позднем рассказе «Ассистент режиссера» писатель наруша-

ет им же принятую последовательность событий, и наказание совершается над эмигрантом (представителем Белого движения), выданным советской разведке.

«Говорят по-русски»: «И, судя по некоторым бумагам, был он самый что ни на есть гэпэушник. <...> Я нашел, что он смерти достоин, но предлагал заменить казнь пожизненным заключением» [5, с. 21–22].

«Бритва»: «Господин молча сел перед зеркалом и, промычав что-то, постучал тупым пальцем по неопрятной щеке, что значило: бриться. <...> Иванов открыл бритву и, когда стал точить ее о ремень, вдруг оправился от своего изумления и почувствовал, что этот человек в его власти» [5, с. 212–213]. «Будет с вас, – сказал он спокойно. – Я доволен, можете идти» [5, с. 214].

«Ассистент режиссера»: «Генерал Голубков зычно выбрал ветер, что было уговоренным сигналом к действию, зеленая дверь отворилась, и три пары рук с невероятной быстротой и сноровкой уволокли старика. <...> В нескольких заключительных эпизодах мы видим “Славску” в тюрьме. <...> Вот пишет закапанные слезами письма мадам Федченко, в которых говорит, что теперь они стали как бы сестры, потому что и у той, и у другой муж похищен большевиками» [5, с. 598–600].

Автор как будто проверяет реакции своих героев, просчитывает возможные варианты развития одного события. Так, рассказы обретают черты этюда, становятся этапом на пути к созданию крупного жанра (писатель-эмигрант в романе «Дар» (1938 г.)).

При этом во всех трех рассказах гэпэушники, оказавшиеся в Европе и столкнувшиеся с эмигрантами, не имеют имени, они носители так называемого «нулевого имени», то есть не названы автором. Единственное их обозначение – это «гэпэушник», «товарищ», «из наших мест», «господин», «этот человек», «большевик». В повествовании не важна его личность, важнее тип нового героя, нового человека Советской России, последователя новой власти.

Мотив гибели ребенка, ставший центральным в рассказе «Боги», эхом отзывается и в других произведениях Набокова. В рассказе «Оповещение» (март 1934 г.) центральным событием, приводящим к разрастанию конфликта, также является смерть сына главной героини Евгении Исаковны. Для героини пьесы в прозе «Событие» (1938 г.) Любви Трощейкиной символом ее несложившейся жизни и великой трагедии становятся гнетущие воспоминания о смерти ребенка. Помимо мотивной близости рассказа «Боги» и пьесы «Событие», мы также обнаруживаем детальное совпадение: образ мяча, с которым играл ребенок, становится напоминанием родителям об ушедшем сыне. На столько земной, бытовой образ «оголяет» чувства матери и ее мысли о несправедливости и парадок-

сальности жизни, о таких категориях, как духовное и материальное, вечное и преходящее. Появляющийся в произведениях мяч как бы оглашает главный вопрос, поставленный смертью: почему мальчика (человека) уже нет, а его вещи остаются на земле. С подобной проблематикой мы сталкиваемся и в рассказе «Рождество» (декабрь 1924 г.), где роль мяча выполняет «...коробка из-под английских бисквитов с крупным индийским коконом» [5, с. 187].

«Боги»: «Мальчик пинком поддал мяч, кинулся в дом. <...> Снова тьмой наполнились твои глаза. Я понимаю, конечно, о чем ты вспомнила. В углу нашей спальни, под образом – цветной резиновый мяч. Иногда легким и грустным прыжком он спадает со столика на пол, тихо катится. Положи его на место, под образ, и, знаешь, пойдём гулять» [5, с. 38].

«Рождество»: «...Нагнулся над принесенным ящиком. В нем он (Слепцов – прим. наше) собрал вещи сына – сачок, бисквитную коробку с каменным коконом, расправилки, булавки в лаковой шкатулке, синюю тетрадь» [5, с. 188].

«Оповещение»: «У Евгении Исаковны, старенькой, небольшого формата дамы, носившей только черное, накануне умер сын. Она еще ничего об этом не знала. <...> “Да что там в самом деле, – умер, умер, умер!” – но она уже боялась смотреть в его сторону» [5, с. 389, 394].

«Событие»: «Хотя бы эти детские мячи. Я не могу. Сегодня мамино рождение, значит, послезавтра ему было бы пять лет. Пять лет. Подумай.

Трошейкин.

А... Ну, знаешь... Ах, Люба, Люба, я тебе тысячу раз говорил, что нельзя так жить, в вослагательном наклонении. Ну – пять, ну – еще пять, ну – еще... А потом было бы ему пятнадцать, он бы курил, хамил, прыщавел и заглядывал за дамские декольте. <...>

Любовь.

Ах, да не в этом дело. Пускай он меня убьет, я была бы только рада. Дай мне какой-нибудь платочек. Ах, господи... Знаешь, я сегодня вспомнила моего маленького, – как бы он играл этими мячами» [6].

В «диалогичности», созвучности произведений Набокова, помимо обозначенной проблемы, мы находим ответы и решения. Так, вводя тему гибели ребенка, в рассказе «Рождество» и более раннем стихотворении «Живи. Не радуйся, не числи...» (1919 г.), также перекликающемся с исследуемыми произведениями, автор дает жизнеутверждающий ответ о цикличности бытия, о победе жизни над смертью, о смелости воспринимать ее как этап и о чуде вновь зарождающейся жизни.

«Живи. Не жалуйся, не числи ни лет минувших, ни планет, и стройные сольются мысли в ответ единый: смерти нет» [7].

«Рождество»: «Оно вылупилось оттого, что изнемогающий от горя человек перенес жестяную коробку к себе, в теплую комнату, оно вырвалось оттого, что сквозь тугой шелк кокона проникло тепло» [5, с. 189]. «Кругом тихо и по-весеннему пусто. Смерти нет. <...> Смерти не может быть. Мое сердце тоже пролетело сквозь зарю. У нас с тобой будет новый золотой сын. Он создан будет из твоих слез и сказок моих» [5, с. 44].

Мотив гибели ребенка (важно – мальчика), потери близкого человека отсылает к биографии писателя, которая часто становилась источником для его произведений. Мы можем предположить, опираясь на данные о жизни писателя и период создания рассказа «Боги», что этот мотив был следствием утраты отца в 1922 году после трагического покушения. Однако Набоков, склонный к мистификации, игре, обману, инверсивен и в сюжете. Он делает сюжет-перевертыш, где герои переживают смерть сына, и нам показана обратная ситуация: со стороны отца и матери.

В рассказе «Звуки», посвященном мимолетному чувству любви, где автор не просто изображает, а с любопытством, будто через увеличительное стекло, разглядывает историю вспыхнувшей страсти и охлаждения романтических отношений, мы находим черты первой возлюбленной В. Набокова – Валентины Шульгиной, переклички позже появятся в романах «Машенька» и «Другие берега».

«Звуки»: «Проходя мимо нас, она внимательно коснулась тебя гладкими, чуть раскосыми глазами» [5, с. 32].

«Другие берега»: «Примесью татарской или черкесской крови объяснялся, вероятно, особый разрез ее веселых, черных глаз и рдяная смуглота щек» [8, с. 259].

«Машенька»: «Когда она поворачивала в сторону лицо, обращаясь быстрым, смеющимся взглядом к соседке, он видел и темный румянец ее щеки, уголок татарского горящего глаза, тонкий изгиб ноздри, которая то щурилась, то расширялась от смеха» [9, с. 66–67].

Уже в ранних рассказах обнаруживается сквозной для творчества В. Набокова мотив утраченной родины как утраченного рая, ностальгии, выраженный через описание топоса.

В импрессионистских рассказах «Звуки» и «Боги» мотив ностальгии выражается через пейзажные описания, внимание к подробностям, узнаваемым чертам, маркирующим топос. У В. Набокова нет изображения родины, есть только впечатления, оставленные ею; ее восприятие рассказчиком посредством разных органов чувств: через зрение, слух, обоняние.

«Звуки»: «Проскрипели по темному коридору, затем – через просторный класс. Мимоходом взглянул я на голубоватую карту; подумал: вот вся Россия так – солнце, ухабы...» [5, с. 28]. «Я рассматривал – в сотый раз – толстое стеклянное пресс-папье:

внутри стекла – розоватая лазурь и Исакий в золотых песчинках. Ты рассмеялась и прочла вслух: – Вчера в ресторане “Квисисана” был задержан купец второй гильдии Ерошин» [5, с. 30].

«Боги»: «В воздухе тонко пахнет бензином и липой. Кто знает теперь, какой именно запах легонько обдал гостя, входящего в помпейский атриум? Через полвека люди знать не будут, чем пахло на наших улицах и в комнатах наших» [5, с. 38–39]. «В такой же солнечный и зыбкий день мы вернемся с тобой на север, в Россию. Будет очень мало цветов – только желтые звездочки одуванчиков вдоль канав. Будут гудеть нам навстречу сизые телеграфные столбы. Когда за поворотом ударят в сердце – елки, красный песок и угол дома, я покачнусь и паду ничком» [5, с. 41].

Художественный мир рассказов «Звуки» и «Боги» представлен через призму субъективного восприятия. Повествование лишено хронологических подробностей и последовательности. Рассказ «Звуки» разделен на пронумерованные части, которые посвящены моментальным впечатлениям героя, его ассоциациям с только что промелькнувшими в памяти событиями.

Повествование в произведениях строится как речь главного героя-рассказчика. В сущности, весь рассказ – это воспоминание-впечатление, внутренний диалог с близким человеком – возлюбленной или женой, – по жанру схожий с письмом.

«Звуки»: «Я помню тебя в каком-то просвете. У тебя были острые локти и бледные, словно опыленные глаза» [5, с. 26]. «Ты встретила меня на садовой площадке у ступеней веранды» [5, с. 35].

Эпистолярный и дневниковый характер создает границы внутри произведения, отделяя читателя от описываемого действия, «не впуская» его туда, придавая исповедальность рассказу, излагаемому самому себе или один на один: между героем и героиней.

«Боги»: «Улыбнись. Зачем ты смотришь на меня так скорбно и темно? <...> Улыбнулась! Мы выходим на балкон» [5, с. 37–38]. «Теперь иди одна. Я подожду тебя здесь. Глаза твои улыбнулись быстро и стыдливо. Ты ведь хорошо знаешь меня» [5, с. 43].

Рассказчик становится единственным транслятором истории, только через призму его взгляда мы воспринимаем события, его внутренний мир, чувства и ощущения. Предметом переживания для него становятся самые эмоционально насыщенные эпизоды человеческой жизни: влюбленность, страсть, потеря близкого. Не могущие быть выраженными в словах, а лишь через меняющееся состояние души, они наполняют тексты лиризмом, образностью и пейзажными описаниями.

По словам Б. Бойда [10], Набоков называл себя поэтом прозы, биограф писателя характеризовал рассказ «Боги» как длинное стихотворение в прозе. Опираясь на исследование Н. Н. Кундаевой [11], посвященное малой импрессионистской

прозе, в рассказах Набокова мы обнаруживаем упрощенные синтаксические конструкции, инверсивный способ построения предложения, рубленые фразы, вносящие динамику и эмоциональность в речевую манеру рассказчика, ритмизованность прозы, позволяющие сделать вывод об импрессионистской природе произведений: «Схватила за ручку стеклянной двери, дернула, не сразу могла открыть. Это было, вероятно, мучительно. Блеснуло. Захлопнулось» [5, с. 36]; «Трясогузка – сизый ветер – просеменила по песку: стоп, два – три шажка, стоп и опять шажки. Трясогузка, мундштук в моей руке, твои слова, пятна солнца на платье. Иначе быть не могло» [5, с. 35]; «Не задумывайся, не прерывай крик, выдыхай, выдыхай восторг жизни. Все цветет. Все летит. Все кричит, захлебываясь криком. Смех. Бег. Распущенные волосы. Вот – вся жизнь» [5, с. 39].

В рассказе «Говорят по-русски» мотив ностальгии трансформируется, обрастая политическими подробностями, погружаясь в иной контекст, обретая властоборческие настроения. Главный герой и его семья, схватив в своей табачной лавке гэпэушника, проводят «судебное разбирательство» и «приговаривают» его к заключению в тюремной камере, для оборудования которой отдают свою ванную комнату.

Однако главным приговором для заключенного становится перевоспитание. Помимо того, что гэпэушник содержится в комфортных условиях: «Эта система питания есть подражание системе, применяемой в лучших европейских тюрьмах» [5, с. 23], ему выделяются книги. Выбор хозяев падает на роман А. К. Толстого «Князь Серебряный», «Басни» И. А. Крылова и «В восемьдесят дней вокруг света» Ж. Верна, которые, очевидно, «честный коммунист», обучавшийся только политической грамоте, никогда не читал. Кроме того, по воскресеньям он слушает лекции о Пушкине, о Древней Греции.

Таким образом, семья героя рассказа «Говорят по-русски» строит модель мира, воспитывая человека будущего. В борьбе с большевизмом они решают начать с малого, с себя, своего дома, веря, что можно вернуть прежние времена, разрушив новую, только строящуюся политическую систему, если каждого ее активиста наставить на путь истинный, дать возможность получить образование. Так, рассказ пронизан утопическими идеями. Ностальгия для героев рассказа «Говорят по-русски» – это вера в возвращение на родину, не пассивное созерцание уходящей (или даже ушедшей) эпохи и воспоминания о ней, а активное действие, которое приведет к изменениям и восстановит справедливость: «Я предупредил его далее, что в одном только случае ему будет дана амнистия. А именно: он будет выпущен на свободу в тот день, когда лопнут большевики» [5, с. 23].

На фоне политического контекста в рассказе «Говорят по-русски» освещается тема тоталитарной власти новой России, отдельное внимание сосредоточено на фигуре В. И. Ленина, который, как правило, не появляется в произведениях Набокова в качестве действующего персонажа, а становится символом эпохи: «В рассказах и стихах Набокова 1920–1930-х годов фигура Ленина практически не вуалируется» [3, с. 322]. Рассказ «Говорят по-русски» не исключение. Однако здесь идея борьбы с большевизмом реализуется не только захватом гэпэушника, но и «победой» над «вождем», происходит его символическое убийство, приближенное к ритуалу, в смысл которого верят герои.

«Петя отправился в советский книжный магазин, который портит своим присутствием одну из прелестнейших берлинских улиц. <...> Петя выбрал молоток, разрисованный маками и украшенный соответственной для большевицкого молотка надписью. Приказчик осведомился, не угодно ли ему еще чего купить? Петя сказал: “Да, угодно” – и кивнул по направлению небольшого гипсового бюста господина Ульянова. <...> Ни слова не говоря, тут же на прилавке кокнул этим молотком по этому бюсту, да так, что господин Ульянов рассыпался» [5, с. 18].

Мир рассказа «Говорят по-русски» не целостен, он раскалывается на две части, два лагеря: эмигрантский и советский. По одну сторону мы видим семью эмигрантов, живущих в Берлине, по другую – представителей и реалии советского общества: гэпэушника, бюст Ленина, советский магазин. Границей раскола этого мира становится вовсе не эмигрантский Берлин, в который, как оказывается, тоже проникают так называемые «люди из прошлого», а табачная лавка Мартына Мартыныча (главы семьи эмигрантов), на которой читатель и рассказчик вскользь замечают вывеску с надписью «Говорят по-русски».

«Я мельком взглянул сквозь решетку на красные и золотые коробки, на смуглые сигары, на скромную надпись в углу: “Говорят по-русски”» [5, с. 19].

С одной стороны, на данный факт как на распространное явление для Берлина 1923 года указывают редакторы «Полного собрания рассказов» Набокова: «Название рассказа представляет собой стандартное объявление, помещавшееся в русских магазинах и ресторанах Берлина в 20-х гг., когда Берлин был одним из центров русской эмиграции. Такое объявление отметил С. Сегаль, описывая в 1923 г. русский Берлин: “...заезжему человеку чуть ли не странным кажется это обилие русских магазинов, кафе, ресторанов, кабаре и т. д. И в самом деле: пройдешься в области “Вестена” – и зарядит перед глазами от великого множества вывесок, витрин, плакатов, реклам: “Здесь говорят по-русски”, книжный магазин “Родина”, ресторан “Медведь”, кафе “Москва”, концерт такого-то...

А в газетных киосках тоже бубнят о себе заголовки газет и журналов: “Дни”, “Накануне”, “Руль”...» [5, с. 715].

С другой стороны, помимо маркировки хромотопа, детали времени, эпохи, эта фраза, взятая и в качестве заглавия рассказа, выступает как шифр, пароль. Автор вводит оппозицию «свой – чужой», где свой – это не просто русский или русскоговорящий человек, а тот, кто осмеливается и может себе позволить говорить на русском языке за рубежом; чужой – тот, кто не владеет русским языком или в силу других обстоятельств не использует его.

«Зашел покупатель. Он, видно, не заметил надписи в окне – обратился ко мне по-немецки. Подчеркнем это: если бы он надпись заметил, то в мою эмигрантскую лавчонку не зашел. Я сразу признал в нем русского, по прононсу. Да и рожа у него была русская. Я, конечно, пустил в ход родной язык, спросил, так, в какую цену, какой сорт. Он неприятно удивился, посмотрел как-то так на меня, довольно нахально сказал: “Отчего это вы решили, что я русский?”» [5, с. 20].

Члены семьи главного героя рассказа «Говорят по-русски» при этом не только являются выходцами из прежней России, носителями русского языка, но и даже в своем облике демонстрируют черты подлинной русскости.

Жена Мартына Мартыныча «...пухлая, ласковая старуха» [5, с. 18], сын Петя «...был того же здорового склада, как и отец» [5, с. 18]. В образах сына и отца узнаваемы черты героев русского эпоса. В образе Пети подчеркиваются физические достоинства, он обладает незаурядной силой, Мартын Мартыныч, помимо этого, наделен внешним особенным сходством с богатырем.

«Затем мой Петя к нему подходит вплотную и кулачищем трах по скуле. Тот застыл. Как мне потом Петя объяснил, вышел не просто нокаут, когда человек сразу плюхается на пол, а нокаут особенный: Петя, оказывается, ударил с оттяжкой, и тот, стоя, уснул» [5, с. 21].

«А какая густая бородача, так и блестящая русской сединой... А плечи, рост, повадка... Некогда шла про него молва, что будто он шашкой рубает на воздухе платок» [5, с. 17].

Особенными чертами русскости Набоков наделяет и персонажей рассказов «Звуки» и «Боги»:

«Баба (веснушки, косицы) пощурилась от солнца» [5, с. 28].

«Когда я мельком думал о Пал Пальче, мне почему-то казалось, что у него не только русые усы, но и борода такая. Мнимая борода – свойство многих русских лиц» [5, с. 30].

В рассказе «Боги» категория русского выражена через интерпретацию сказки о Курочке Рябе. История, которую главный герой не то рассказывает своей жене, не то излагает в личном дневнике или же просто погружается в фантазии, пронизана

узнаваемыми подробностями фольклорного сюжета: образом курочки, несущей золотые яйца, традиционными лексическими формулами («жили-были»), а также особым типом повествования с обращением к слушающему:

«А в одной деревушке на берегу Луары жил-был добрый хитроглазый крестьянин» [5, с. 42].

«Слушай дальше. Протекло некоторое время, и вот однажды крестьянин <...> услышал счастливого кудахтанья» [5, с. 42].

«Выскочила курочка и юркнула на солнце, быстро и не без гордости переваливаясь с лапки на лапку. А в полове жарко и гладко горели четыре золотых яйца. <...> Да иначе и быть не могло» [5, с. 42–43].

«Впрочем, все это случилось очень давно» [5, с. 43].

Сказка рассказчика становится терапией для героев, потерявших сына, из-за пережитого горя чувствующих себя уязвимыми, словно в детстве. История дарит им надежду, настраивает на необходимый счастливый финал, характерный для этого фольклорного жанра. В свою очередь родители в сказке наделяются ролями богов, способных исправить ошибки и подарить новую жизнь, продолжить ее.

Так, действующими лицами в ранних рассказах Набокова выступают не просто русские люди, а носители настоящей, неподдельной культуры. В интерпретации их образов важнейшее значение обретает специфика создания антропонимов.

В первую очередь на себя обращают внимание имена героев Мартына Мартыныча («Говорят по-русски») и Пал Палыча («Звуки»). Двойные, двукомпонентные имена появляются у Набокова довольно часто. Пожалуй, одним из самых известных подобных случаев в творчестве Набокова является дублированное имя Гумберт Гумберт (Humbert Humbert) из романа «Лолита». Этот прием исследователи объясняют желанием подчеркнуть самость героя, замкнутость, закольцованность его характера. На редупликацию имени как «...конечность, самовоспроизводимость определенных конструктов и установок» указывает Б. В. Ковалев в своей монографии «Имя в прозе» [12, с. 99]. Подобный феномен также восходит к занятиям Набокова энтомологией. Двойное имя как бы копирует манеру давать названия видам бабочек. В своей работе «A Guide to Nabokov's Butterflies and Moths» Дитер Эдуард Циммер [13] приводит названия родов, видов и подвидов, которые давал Набоков: *Syclargus erembis*, *Lysandra cotmion*, а также и те, которые получили свое имя в честь Набокова-ученого и героев его книг: *Eupithesia nabokovi*, *Itylos luzhin*, *Itylos mashenka*, *Madeleinea lolita*, *Pseudolucia humbert*.

Также дублированное имя свидетельствует о раздвоенности сознания героя, наличии внутренних противоречий, борьбе двух стихий в нем. Этот

феномен подробно изучен в образе Гумберта Гумберта: «Используемое удвоение (Гумберт Гумберт) может пониматься как “тень человека” (ombre of an hombre). Здесь можно усмотреть намек на мрак наваждения, в котором пребывает повествователь, он же может рассматриваться как тень автора, как марионетка» [14, с. 130]. А. Б. Пеньковский называл антропонимы, построенные по модели «имя + отчество», таутонами [15, с. 331]. А. Долинин [16] отмечает, что подобные имена вырывают героя из общей традиции, он как бы лишается корней, замкнувшись на себе, в то же время являет собой амбивалентного персонажа. Амбивалентность Мартына Мартыныча кроется во внутренней борьбе русского интеллигента с эмигрантом, желающим отомстить гэпэушнику. Ближе к финалу рассказа мы видим уже несколько иного Мартына Мартыныча: не только современного «богатыря», но и человека, наслаждающегося своей миссией коменданта собственной домашней тюрьмы:

«С этого времени началась у нас новая жизнь. Я уже был не просто Мартын Мартыныч, а Мартын Мартыныч тюремный надзиратель» [5, с. 23].

«Старик в своей уютной домашней куртке действительно смахивал на тюремного сторожа. На ходу он вынул ключ, и в том, как он сунул его в замок, было что-то почти профессиональное» [5, с. 25].

Пал Палыч, человек старых устоев, подавляет в себе тайное чувство к главной героине. Его полутеческая влюбленность не осознается героями, но выражена в переживаниях Пал Палыча, в рассказе она дана как антипод мимолетного, угасающего чувства главного героя. В финале Пал Палыч как бы «раздваивается», уже не скрывая свое другое «я»:

«Над розовым зеркалом метнулась летучая мышь. Черным кружевом отражалась листва. Издали Пал Палыч кричал что-то, манил рукой. Другой Пал Палыч черной зыбью дрожал в воде» [5, с. 37].

Использование модели «имя + отчество» становится тенденцией в творчестве Набокова: Дмитрий Дмитриевич Новодворцев («Рождественский рассказ»), Вадим Вадимович Н. («Взгляни на арлекинов!»). Кроме того, подобный феномен отсылает нас к имени самого писателя Владимира Владимировича. Такое имяобразование часто встречается в генеалогии Набоковых, у которых самыми распространенными были имена Владимир и Дмитрий, чуть реже – Сергей и Николай, образующие в свою очередь двойные имена. Дядя Владимира Набокова носил имя Дмитрий Дмитриевич Набоков (1867–1948 гг.), а также его сын, двоюродный брат писателя, – Дмитрий Дмитриевич Набоков (1900–1982 гг.).

В исследовании Б. В. Ковалева «Имя в прозе» мы встречаем интерпретацию имени Мартын Мартыныч как отсылку к штабс-капитану Максиму Максимычу – персонажу романа «Герой нашего

времени» М. Ю. Лермонтова. В данном случае у В. Набокова имя Мартын Мартыныч становится именем-ключом, то есть «...косвенным указанием на имя объекта отсылки» [5, с. 28]. Действительно, обнаруживается и сюжетное сходство: Мартын Мартыныч, как и Максим Максимыч, рассказывает свою историю неизвестному повествователю, которому после предстоит переложить ее на бумагу.

Редупликация имени также роднит Мартын Мартыныча и Пал Палыча с фольклорными Иван Иванычами (позже – Семен Семенычами), ставшими распространенными героями расхожих историй, легенд и анекдотов, подчеркивая в очередной раз русскость персонажей Набокова, их народность, принадлежность к корням, прежней жизни России.

Кроме того, переключка с именем героя романа «Подвиг» Мартыном Эдельвейсом позволяет вновь образовать диалогические связи произведений («Говорят по-русски» – «Подвиг»), а также выстраивает цепочку героев-эмигрантов, характерных для творчества Набокова, а в случае с Мартыном героев-эмигрантов, не вернувшихся на родину.

Выводы

Таким образом, мы можем говорить о встроенности рассказов «Говорят по-русски», «Звуки» и «Боги» в общий корпус произведений Набокова, которые тематически, мотивно и концептуально дополняют друг друга, служат отражением друг друга, когда тема, преломляясь, раскрывается в новом свете.

Рассказы становятся важным звеном в понимании творческой мысли Набокова в целом и отдельных его романов в частности. На этот феномен указывал в предисловии к собранию рассказов сын писателя Дмитрий Набоков: «Рассказы Владимира Набокова <...> находятся среди его самых непосредственно доступных сочинений. Даже в тех случаях, когда они в той или иной мере сохраняют связь с более крупными произведениями, рассказы эти самодостаточны» [5, с. 7].

Литература

1. Nabokov, V. *Collected stories* / V. Nabokov. – Penguin, 2016.
2. Напцок, М. Р. Рассказ В. Набокова «Говорят по-русски»: особенности художественного дискурса / М. Р. Напцок // Кросс-культурное пространство литературной и массовой коммуника-

ции: материалы международной научной конференции. – Майкоп, 2016. – С. 363–373.

3. Святославский, А. В. В. И. Ленин в литературно-художественной рецепции В. В. Набокова / А. В. Святославский, Е. В. Егорова // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2021. – С. 317–329.

4. Бабилов, А. А. Сочетание стали и патоки. Владимир Набоков о советской литературе: новые материалы / А. А. Бабилов // Литературный факт. – 2018. – С. 8–65.

5. Набоков, В. Полное собрание рассказов / В. Набоков. – СПб. : Азбука : Азбука-Аттикус, 2019. – 752 с.

6. Набоков, В. Событие / В. Набоков. – URL: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/piesa/sobytie-1.htm> (дата обращения: 20.05.2023).

7. Набоков, В. «Живи. Не жалуйся, не числи...» / В. Набоков. – URL: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/stihi/003.htm> (дата обращения: 20.05.2023).

8. Набоков, В. Собрание сочинения : в 4 т. / В. Набоков. – М. : Правда, 1990. – Т. 4 : Приглашение на казнь. Другие берега. Весна в Фиальте. – 480 с.

9. Набоков, В. Собрание сочинений : в 4 т. / В. Набоков. – М. : Правда, 1990. – Т. 1 : Машенька. Король, дама, валет. Возвращение Чорба. – 416 с.

10. Boyd, V. V. *Nabokov: The Russian years* / V. Boyd. – Princeton, 1990.

11. Кундаева, Н. Н. Жанровые тенденции в русской малой импрессионистской прозе первой трети XX века : дис. ... канд. филол. наук / Н. Н. Кундаева. – Самара, 2013. – 301 с.

12. Ковалев, Б. В. Имя в прозе: очерки по номинологии / Б. В. Ковалев. – СПб. : Нестор-История, 2023. – 228 с.

13. Zimmer, D. E. *A Guide to Nabokov's Butterflies and Moths* / D. E. Zimmer. – Hamburg, 2001. – 392 p.

14. Люксембург, А. М. Магистр игры Вивиан Ван Бок. (Игра слов в прозе Владимира Набокова в свете теории каламбура) / А. М. Люксембург, Г. Ф. Рахимкулова. – Ростов-н/Д. : Изд-во института массовых коммуникаций, 1996. – 202 с.

15. Пеньковский, А. Б. Очерки по русской семантике / А. Б. Пеньковский. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 460 с.

16. Долинин, А. Истинная жизнь писателя Сирина. Работы о Набокове / А. Долинин. – СПб. : Академический проект, 2004. – 400 с.

Потапова Зоя Сергеевна – кандидат филологических наук, экскурсовод отдела «Музей В. В. Набокова», Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург), e-mail: potapova.zoya@mail.ru

Поступила в редакцию 24 мая 2023 г.

POETICS OF V. V. NABOKOV'S EARLY SMALL PROSE: FROM STORIES NOT PUBLISHED DURING THE WRITER'S LIFE

Z. S. Potapova

Saint-Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

The article deals with the early works of V. Nabokov – short prose that was not published during the life of the writer. «They speak Russian», «Sounds» and «Gods», written in the 1920s, only became available to Russian readers in the 21st century. The publication of *The Stories of Vladimir Nabokov* not only demonstrated public interest in the author's works, but also raised an urgent question for literary critics studying Nabokov's legacy: what is the role and place of these unknown stories in the general context of the writer's and scientific discourse.

The purpose of this work is to analyze the poetics of Vladimir Nabokov's «They speak Russian», «Sounds», «Gods» and compare them with his other texts. Comparing these stories allowed us to consider them in their relationship to one another and with such iconic works as «Other Shores», «Mashenka», «The Gift», «Assistant Director», «Christmas», and his plays. As a result, the tendencies common across Nabokov's works were identified, which were already outlined in the era of the first serious appeals to prose and developed and conceptualized in the mature period: the motif of nostalgia, the image of Russia as a lost paradise, the split of the world into emigrant and Soviet, and the lyricism and impressionism of prose.

Keywords: Nabokov, short story, poetics, dialogical creativity, impressionism, double names.

References

1. Nabokov V. Collected stories. Penguin, 2016.
2. Napsok M.R. Rasskaz V. Nabokova «Govoryat po-russki»: Osobennosti Khudozhestvennogo Diskursa [The Story by V. Nabokov «They Speak Russian»: Features of Artistic Discourse] // *Kross-kul'turnoe prostranstvo literaturnoy i massovoy kommunikatsii: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Maykop, 2016. S. 363–373.
3. Svyatoslavskiy A.V., Egorova E.V. V.I. Lenin v Literaturno-khudozhestvennoy Retseptsii V.V. Nabokova [V.I. Lenin in the Literary and Artistic Reception of V. V. Nabokov] // *Vestnik Russkoy Khristianskoy Gumanitarnoy Akademii*. 2021. S. 317–329.
4. Babikov A.A. Sochetanie Stali i Patoki. Vladimir Nabokov o Sovetskoy Literature: Novye Materialy [Combination of Steel and Treacle. Vladimir Nabokov on Soviet Literature: New Materials] // *Literaturnyy fakt*. 2018. S. 8–65.
5. Nabokov V. Polnoe sobranie rasskazov [Collected Stories]. SPb.: Azbuka: Azbuka-Attikus, 2019. 752 s.
6. Nabokov V. Sobytiye [The Event]. URL: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/piesa/sobytiye-1.htm> (data obrashcheniya: 20.05.2023).
7. Nabokov V. Zhivi. Ne zhaluysya, ne chisli... [Live. Don't Complain, don't Count]. URL: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/stihi/003.htm> (data obrashcheniya: 20.05.2023).
8. Nabokov V. Sobranie sochineniy: v 4 t. T. 4. Priglasenie na kazn'. Drugie berega. Vesna v Fial'te [Collected Works: in 4 vols. T. 4. Invitation to a Beheading. Other Shores. Spring in Fialta]. M.: Pravda, 1990. 480 p.
9. Nabokov V. Sobranie sochineniy: v 4 t. T. 1. Mashen'ka. Korol', dama, valet. Vozvrashchenie Chorba [Collected Works: in 4 vols. T. 1. Mary. King, Queen, Knave. The Return of the Chorb]. M.: Pravda, 1990. 416 p.
10. Boyd B. V. Nabokov: The Russian years. Princeton, 1990.
11. Kundaeva N.N. Zhanrovye Tendentsii v Russkoy Maloy Impressionistskoy Proze Pervoy Treti XX Veka [Genre Trends in Russian Short Impressionist Prose in the First Third of the 20th Century]: dis. ... cand. filol. nauk. Samara, 2013. 301 s.
12. Kovalev B.V. Imya v proze: ocherki po nominologii [Name in Prose: Essays on Nominology]. SPb.: Nestor-Istoriya, 2023. 228 s.
13. Zimmer D.E. A Guide to Nabokov's Butterflies and Moths. Hamburg, 2001. 392 s.
14. Lyuksemburg A.M., Rakhimkulova G.F. Magistr Igrы Vivian Van Bok. (Igra Sloв v Proze Vladimira Nabokova v Svete Teorii Kalambura) [Master of the Game Vivian Van Bock. (Wordplay in the Prose of Vladimir Nabokov in the Light of the Pun Theory)]. Rostov-n/D.: Izd-vo Instituta Massovykh Kommunikatsiy, 1996. 202 s.

15. Pen'kovskiy A.B. Ocherki po russkoy semantike [Essays on Russian Semantics]. M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004. 460 s.

16. Dolinin A. Istinnaya zhizn' pisatelya Sirina. Raboty o Nabokove [The True Life of the Writer Sirin: Works on Nabokov]. SPb.: Akademicheskii proekt, 2004. 400 s.

Zoya S. Potapova – Cand. Sc. (Philology), Tour Guide of the Nabokov Museum, Saint-Petersburg State University (Saint Petersburg), e-mail: potapova.zoya@mail.ru

Received May 24, 2023

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Потапова, З. С. Поэтика ранней малой прозы В. В. Набокова: из рассказов, не опубликованных при жизни писателя / З. С. Потапова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2023. – Т. 23, № 3. – С. 84–92. DOI: 10.14529/ssh230310

FOR CITATION

Potapova Z. S. Poetics of V. V. Nabokov's Early Small Prose: from Stories not Published during the Writer's Life. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2023, vol. 23, no. 3, pp. 84–92. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh230310

ТЫДЫМ-КЫШТЫМ: МИФОПОЭТИКА ПРОСТРАНСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ А. ПЕТРУШКИНА

Е. А. Смышляев, М. А. Шолохов

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

Статья посвящена изучению мифопоэтики пространства в поэзии А. Петрушкина. Материалом для исследования послужила книга стихотворений «Геометрия побега», а также эго-документ «Тыдымский дневник. Воспоминания об Эдеме», в котором поэт раскрывает смысл обозначения Кыштыма окказиональным топонимом «Тыдым» и мифологизирует его. Мифологизация пространства в поэзии современных уральских авторов является трендом, ключевым элементом литературной стратегии таких поэтов, как Виталий Кальпиди, Янис Грантс, Александр Самойлов и др. В своем творчестве Александр Петрушкин во многом продолжает традиции уральских мифотворцев. В статье определены принципы формирования мифологизированного пространства: А. Петрушкин отходит от классического описания городского пространства. Тыдым представлен поэтом как параллельная Кыштыму реальность, мифологизированное пространство, наполненное христианскими и античными мифологемами. В образе Тыдыма Петрушкин видит реальность, сопоставимую с чистилищем, реальность, наполненную образами смерти, перерождения. Проанализированы основные образы и мифологемы, которыми наполнен хронотоп Тыдыма, рассмотрен метареалистический подход к формированию природных образов в синтезе с христианскими мифологемами.

Ключевые слова: миф, мифопоэтика, художественное пространство, локальный текст, уральский текст, Александр Петрушкин, Тыдым.

Введение

В современной уральской литературе мифологизация пространства является одним из ключевых элементов литературной стратегии. Доказательством этого служит творческая и культуртрегерская деятельность главного мифотворца Урала – Виталия Кальпиди. Уральское поэтическое движение (далее по тексту УПД) целенаправленно формируется как мифологическая система, об этом говорит критик и литературовед Д. М. Давыдов в работе «Поколение vs поэтика: молодая уральская поэзия»: «Уральская литература представляет собой некое единство – социокультурное, отчасти институциональное и, в конце концов, мифологическое, поскольку миф о единстве оказывается одним из источников формирования единства ... Кальпиди борется с Центром за символический капитал, предлагает именно Урал считать “подлинным” Центром» [1, с. 370]. Чертой мифологизированной структуры является большое количество манифестов, конференций, чтений, издание литературных сборников. Все это было направлено на поддержание образа Уральского поэтического движения, которое формировало таким образом миф о себе. В целом большая часть творчества Виталия Кальпиди пронизана мифопоэтикой: как сам миф об авторе, так и целенаправленная мифологизация, концептуализация пространства в творчестве поэта [2, с. 345]. Последнее является принципиально важным: мифотворческая деятельность Виталия Олеговича Кальпиди стала своеобразным способом конструирования литературного мифа об Урале. Таким образом, мифопоэтика пространства становится неотъемлемой частью современной уральской поэзии.

Александр Петрушкин многое заимствует из литературной стратегии Виталия Кальпиди (от мифологизации пространства до метареалистической образности). Поэт продолжает традиции метареализма, что имеет высокий миромоделирующий потенциал, как отмечает Ю. С. Подлубнова: «Миромоделирующий, сюжетобразующий и образформирующий потенциал метаморфоз высок, что не раз было доказано в литературе и, в частности, в поэзии – от Овидия до постконструктивистов» [3, с. 124]. И мифопоэтику как способ реализации в художественном мифе авторского восприятия реальности можно признать равной миромоделированию. Таким мифологически сотворенным миром в творчестве Александра Петрушкина становится Тыдым – параллельный Кыштым, где жил и творил автор.

Обзор литературы

Прежде чем перейти к непосредственному анализу мифопоэтики пространства в творчестве А. Петрушкина, раскроем основные терминологические дефиниции и опишем ключевые исследования, на которые был сделан упор при написании данной статьи.

Понятие мифа трактуется исследователями с нескольких точек зрения (литературы, культуры, философии) в различном ключе. П. Н. Барышников дает следующее определение: «...миф как необходимый культурный продукт духовной деятельности человечества, обусловленный необходимостью сакрализации повседневности» [4, с. 183]. Исследователь отмечает, что миф не является продуктом архаичного сознания, он развивается и трансформируется в след за всей духовной деятельностью человека.

Один из ведущих исследователей мифологии А. Ф. Лосев в работе «Диалектика мифа» рассматривает данное понятие с точки зрения философии, он определяет взаимосвязь разных аспектов мифа, два из которых, наиболее связанные, – личность и выраженность ее в слове [5, с. 171]. Это говорит о взаимосвязи литературы и мифа.

Миф в литературе изучали Ю. М. Лотман, З. Г. Минц, Е. М. Мелетинский. Исследователи в совместной работе «Литература и мифы» приходят к выводу, что на начальном этапе становления литературы она была противопоставлена мифу [6, с. 224]. В более поздний период, на рубеже XIX и XX веков, возникает «неомифологизм», то есть осмысление мифов как части литературной поэтики. К мифологизму обращались поэты Серебряного века, в большинстве – символисты, вдохновленные философией Вагнера и Ницше.

В рамках нашего исследования помимо понятия мифа мы также обращаемся к понятиям локальный текст и локальный миф. Данные термины позволяют соотнести способы мифологизации пространства в поэзии А. Петрушкина с литературными стратегиями других уральских авторов.

К концу XX века русская литература получила новый толчок, поэзия, до этого сконцентрированная в столицах, начала активно развиваться в регионах. Отсюда возникают локальные тексты – как аналог традиционно известным петербургскому и московскому текстам. Первые труды в этом направлении принадлежат Ю. М. Лотману и В. Н. Топорову. В современном литературоведении проблеме локального текста развивали Н. Е. Меднис, В. В. Топоров [7], Н. Башмакофф.

Вопросами уральского локального текста активно занимались литературоведы В. В. Абашев, Д. М. Давыдов, Ю. С. Подлубнова [8], Т. Ф. Семьян, Е. А. Смышляев [9], О. Э. Татаурова [11] и др.

Базой всего уральского локального текста в поэзии принято считать Уральское поэтическое движение, которое Т. Ф. Семьян в статье «Челябинская поэзия как часть Уральского поэтического движения» называет ее «поэтической корпорацией» [10, с. 29], таким образом обозначая масштаб и продуманность организации. Исследователь отмечает ключевую роль челябинских авторов в формировании уральской поэтической идентичности. Т. Ф. Семьян разделяет литераторов на три поколения: старшее, среднее и младшее. К среднему относит в том числе и А. Петрушкина.

Творчеству А. Петрушкина посвящены многочисленные рецензии, статьи в интернете, в социальных сетях. При этом узкие литературоведческие исследования творчества поэта отсутствуют, не рассматривалась в научной литературе и мифопоэтика пространства Тыдыма-Кыштыма. Этим обусловлена актуальность настоящей работы.

Методы исследования

В процессе исследования был использован комплекс аналитического, сопоставительного и когнитивного методов. В процессе анализа эмпирической базы использован метод целостного литературоведческого анализа, а также методы мифологического и мифопоэтического анализа.

Результаты и дискуссия

Эмпирической базой нашего исследования выступает творчество Александра Александровича Петрушкина, южноуральского поэта, прозаика и литературного критика.

Петрушкин родился в 1972 году в Челябинске, жил в разных городах уральского региона: Озерске, Лесном, Нижней Туре, Екатеринбурге, Челябинске. С 2006 года Петрушкин жил в Кыштыме. Выпустил 12 сборников стихов.

Кроме того, А. Петрушкин вел активную культуртрегерскую деятельность. Он учредил литературно-художественный фонд «Антология», выступил с инициативой издания журнала актуальной уральской литературы «Транзит-Урал», стал издателем книжных серий «24 страницы современной классики», «V-Новая поэзия», «Антология Реальной Литературы», являлся куратором поэтического семинара «Северная зона», координатором евразийского журнального портала «Мегалит». В 2016 году выпустил «Антологию Русской озерной поэтической школы», чем заявил о существовании такого явления, как «Русская озерная школа поэзии». На данном понятии мы остановимся немного подробнее.

Название поэтической школы можно считать аллюзией к наименованию группы британских поэтов-романтиков конца XVIII века. В нее входили Вордсворт, Кольридж, Саути и другие. Название появилось по географическому принципу – все литераторы проживали в так называемом Озерном крае (ориг. – Lake District), регионе Северо-Западной Англии, графства Камбрия. Челябинскую область называют краем тысячи озер, благодаря этому наименование Русской озерной поэтической школы (далее – РОПШ) также имеет буквальное значение, однако здесь оно более конкретно: все поэты в группе географически связаны с озером Иртыш, проживают в городах на его берегах (Озерск, Касли, Кыштым). В РОПШ входили такие поэты, как Наталия Черных (Озерск, ныне – Москва), Евгения Изварина (Озерск, ныне – Екатеринбург), Александр Петрушкин (Озерск, Кыштым), Наталия Косолапова (Кыштым), Маргарита Еременко (Касли), Дмитрий Машарыгин (Озерск, ныне Челябинск).

Создатель РОПШ Александр Петрушкин выделяет несколько содержательных черт, присущих поэтам данного литературного движения [12, с. 6]:

1. Консерватизм в формальной стороне стихосложения. Авторы РОПШ пользуются классическими принципами и механизмами регулярного стиха.

2. Наследование традиций второй литературы периода 80-х годов прошлого века, в парадигме метареалистов. Продолжение распространенного и популярного на Урале направления метареализма, настолько популярного только в данном локусе. И это происходит «...несмотря на активные попытки (которые вполне успешно продолжают и по сей день) привить на почве Урала московскую концептуалистскую линию а-ля Пригов и Ко», – отмечает А. Петрушкин.

3. Религиозное восприятие мира в парадигме православной ветви Христианства. Эта черта проявляется в разной мере у разных поэтов, но тем не менее позволяет, как утверждает А. Петрушкин, рассматривать поэзию РОПШ как «православную (духовную) поэзию».

4. Техника «заглядывания на обратную сторону бытия». Концептуальный принцип: автор стремится через свою поэзию увидеть «демиурга бытия» в тривиальных событиях, которые Петрушкин называет осознанно или неосознанно воспринимаемыми прорехами в «матрице». Именно в данной черте проявляется ключевая особенность РОПШ – метафизичность.

Однако, безусловно, данные черты являются объединяющими с определенной погрешностью, они присущи поэтам Озерной школы в разной степени. Ключевым и основополагающим в формировании РОПШ является географический признак. Здесь Александр Петрушкин наследует традиции Виталия Кальпиди, формировавшего пространственно обусловленную систему организации поэтического движения в виде Уральской поэтической школы. Причем сам Петрушкин признает, что Озерная школа – «...это и попытка сепаратизма в отношении уральской поэтической школы, которая в нынешнем своем состоянии / векторе общности перестала быть эстетически и методологически близкой мне» [13, с. 18]. То есть можно сделать вывод, что РОПШ выступает аналогом УПШ, результатом процесса «атомизации» литературы (от русской литературы отделяется уральская, от уральской – озерная), запущенного В. Кальпиди. В этом ключе для нашего исследования важно, что Озерная школа следует принципам мифологизации пространства, заложенным УПШ.

Таким образом, в создании Русской озерной поэтической школы мы можем проследить, во-первых, значимость географии в связке с метареализмом для Александра Петрушкина, во-вторых, продолжение деятельности Уральской поэтической школы, хоть и в противопоставлении озерной поэзии. Причем одной из ключевых функций УПШ и черт творчества Виталия Кальпиди является мифопоэтика пространства. Мифологическую работу с локусом в наследовании традиций Кальпиди (что поэт неоднократно подтверждает сам [13]) продолжает и Александр Петрушкин.

Мифопоэтика пространства в творчестве А. Петрушкина связана с городом Кыштымом Челябинской области, где поэт проживал с 2006 года. Причем автор не создает мифологизированный образ реального города, в поэзии Петрушкина представлен абсолютно иной локус – мифический Тыдым. Оказиональный топоним имеет неясное происхождение, так как авторского объяснения наименования нет. Однако существует несколько разных версий. Первая: Тыдым – видоизменение рифмы «сюдым-тудым». Вторая: Тыдым – необычное слияние слов «туман» и «дым», что можно связать с промышленным пространством вокруг Кыштыма. Третья: Тыдым – звукоподражание шуму едущего поезда. «Тыдым-тыдым, тыдым-тыдым – // все едет твой электропоезд», – так начинается стихотворение Полины Потаповой «На тыдымской земле», посвященное Александру Петрушкину. Такие отсылки к названию города у близких А. Петрушкину авторов позволяют говорить о том, что сам Тыдым становится мифом, перестает быть частью поэтики только его создателя, включается в творчество других поэтов.

Кроме того, Тыдым выходит и за пределы мира литературного. Способствует этому сам А. Петрушкин: он создает «Тыдымские чтения». Это литературный фестиваль, собиравший различных деятелей литературы без приглашений, с открытым входом. Он существовал с 2007 года, охватывал от 20 до 50 авторов. Сам Петрушкин в ключе фестиваля определяет значимую черту Тыдыма: «...во время чтений – Тыдым обнажает человека и то, что в нем есть – потому одни приносят внутреннюю радость и спокойствие, вторые – внутреннюю тревожность, третьи – свое самолюбие или даже правильнее сказать самовлюбленность. И все это на чтениях проявляется (или просто заметнее) с утроенной силой. Но, пройдя через подобный катарсис, человек становится чище, прозрачнее что ли. А осознав эти изменения – приезжает читать стихи и ощущать радость своего бытия снова и снова» [13, с. 53]. То есть мы можем сделать вывод о том, что Тыдым выступает локусом очищения. Причем такой мифологизирующий принцип переноса духовной составляющей пространства на реальную существует не только в стихах, но и в реальности, причем продвигается самим А. Петрушкиным.

Итак, мы определили, что Тыдым является другой версией Кыштыма, «параллельной реальностью», духовной версией города. Подтверждение этого мы можем найти в словах самого Александра Петрушкина. Для этого обратимся к эго-документу «Тыдымский дневник. Воспоминания об Эдеме». Под этим понятием, введенным историком Жаком Прессером [14, с. 15], мы понимаем источники, исходящие от конкретного человека, имеющие ярко выраженный личный характер и повествующие от первого лица. Дневник пред-

ставляет собой расставленные в хронологическом порядке записи Александра Петрушкина в социальных сетях. Обратим внимание на два момента: во-первых, наименование документа вновь указывает на расширение понятия, выход за границы поэзии, во-вторых, в самом тексте наименование «Кыштым» не встречается ни разу, пространство для поэта всегда – «Тыдым». Это позволяет сделать вывод, что для А. Петрушкина Тыдым является реальным местом существования, он не воспринимает окружающий город как Кыштым, только как Тыдым.

Вернемся к концептуальному пониманию самим А. Петрушкиным мифопоэтического локуса Кыштыма. Он определяет его следующим образом: «...есть Кыштым – город работающих и славных людей, а у него есть еще и обратная сторона, даже не обратная, а просто его восьмое измерение – место счастья или персональный рай. Так бывает с людьми – вот живут они, суетятся и прочее, и прочее – но вдруг в неопределенном месте, где проходили тысячи раз, испытывают невероятное и беспричинное, даровое счастье – вот это ощущение и есть то самое восьмое измерение, оно и есть Тыдым. То есть – понятно, что мне здесь живется очень и очень хорошо» [13, с. 53]. В этом же ключе поэт продолжает мысль о Тыдыме как о реальности очищения: «Как я однажды написал (православные меня сейчас поймут): “прекрасное здесь место умирать”. Когда слово смерть прочитывается, как рождение».

В исследовании мифопоэтики Петрушкина для нас принципиально важным является метафорическое сопоставление «Тыдым – рай». Об этом говорится в тексте, также на это указывает вторая часть названия дневника поэта «Воспоминания об Эдеме». Творчеству А. Петрушкина в целом присущи христианские мотивы, и именно с божественной темой связано предназначение поэзии. Об этом он говорит в «Тыдымском дневнике»: «Все мы – инструментарий Б-га для совершенствования мира; иногда мне кажется, что мы это Его попытка всмотреться /осознать/ в себя, то есть, я так понимаю, что мир такой, каким мы его привыкли видеть – это снег на экране, непрерывное мерцание, что не дает нам увидеть мир таким, какой он есть, мир за пределами космоса. И вот важнейшее для меня в поэзии (чужой и своей) – это возможность замедлить мерцание, и увидеть подлинную реальность – насчет которой, я почему-то оптимистичен. Если даже тень подлинной реальности прекрасна и конструктивна, то что можно сказать об оригинале. Вот в этом взгляде вероятно и есть предназначение нашего ремесла – только я бы не стал ограничиваться землей, а говорил бы о бытии как таковом» [13, с. 21]. Именно таким «миром за пределами космоса», подлинной реальностью, находящейся одновременно и внутри нас,

и за пределами нашего мира, является Тыдым для Александра Петрушкина.

Собственно в поэзии автора Тыдым возникает не так часто, однако всегда играет ключевую роль. Рассмотрим сборник «Геометрия побега», в котором одна из частей носит название «Тыдым». С точки зрения мифопоэтики тексты Петрушкина нетипичны. Если Виталий Кальпиди регулярно обращается к классическим мифологемам (хтонические существа, герои, упыри и так далее), переиначивая и пропуская через них реальность, то для Александра Петрушкина ключевой является мифологема Бога. Вокруг нее вращаются все образы, которые также можно назвать мифологичными: в стихах соединяются Бог, времена года, животные, стихии. Именно в природном ключе воспринимается локус в текстах поэта, и он неотрывно связан с образом Тыдыма: «Так говорить за свой Ты-дым // я обучался – глядя в черных // быков, что в капельках росы // росли и пухли, словно розы» [15, с. 62]. В природных образах мы также можем проследить метареалистическую образность Александра Петрушкина. Они смешиваются в единую картину, стремящуюся отразить природный цикл через метафоричность и определенную долю сюрреалистичности: «Груша упадет, сентябрь рассыплется, // оставляя звук на языке – // георгин горит, как будто ижица, // удивляясь Богу належке». Это смешение проявляется также и на том уровне, что христианские мифологемы становятся метафорами природных явлений, опять же в ключе темы календарного цикла, отражающего как взгляд автора на реальность, так и традиционный символизм жизни во временах года: «Вот холодает – ангелы, как снег, // ложатся в землю...» [15, с. 66].

Природные образы тесно связаны с темой поэзии как выражения истинной реальности. В тексте «Когда почти освоен диалект...» [15, с. 58] природа предстает чудом, которое лирический субъект, «я» поэта метафорически стремится вложить в «кыштымский диалект», но «земные» слова не в силах охватить чудо декабря, они «казались слишком малым». И в этом нет трагедии, здесь поэт видит еще большее чудо: «И треском [уходящего вдоль сада // дыхания пернатого метлы] закончится // весь мой словарь земной – // и чуда большего мне на земле не надо».

Сам Тыдым возникает как образ в одноименном стихотворении. В нем среди переплетений метареализма, в запутанной субъектной системе, где есть лирический герой и обращение к самому Тыдыму, возникает некий «он». Этот некто живет у форточки, разбивает сюжет на фразы, извлекает на свет жену и детей лирического героя (равного Петрушкину). Наиболее логичным будет предположение, что этот некто – Бог, который занимает столь значимое место в творчестве Петрушкина. Во второй части стихотворения Тыдым оставляет

на столе героя «тело», причем происходит это вместе с воспоминанием об иволге, с которой сравнивался загадочный некто в первой части стихотворения. Далее это тело смахнут на снег, сугробы оживут, а к некому «ты» лирический герой обратится в последних строках: «и ты лежишь в Тыдыме позднем, // не принимая, что убит» [15, с. 73]. Мы точно можем сделать вывод, что тело – сам Бог, на это намекает сравнение с иволгой, а также оживший снег (вспомним, что до этого снежинки назывались Петрушкиным ангелами). Но кому же адресованы финальные строки? До этого обращение на «ты» применялось к Тыдыму, но сейчас объект повествования «лежит в Тыдыме». Можно предположить, что конкретно-го ответа нет: «ты» – это обращение Петрушкина и к себе, и к читателю, и к другому поэту. Объект повествования «убит», но при этом в сознании, кроме того, пространственная картина формируется следующая: он лежит в снегу, который ожил, куда смахнули тело Бога. И здесь мы вспомним слова самого Петрушкина: «...прекрасное здесь место умирать. Когда слово смерть прочитывается, как рождение». В этом ключе стихотворение открывает нам свой мифопоэтический подтекст: некий «ты» или же сам Петрушкин, «умирая» в «божественном» снегу Тыдыма, перерождается, приходит к тому духовному катарсису, к глубокому восприятию мира, о котором говорил поэт. Мы можем говорить о неслучайности вписывания смерти и ожившего снега в локус Тыдыма: название мифопоэтического города вынесено в заглавие текста, и потому он играет ключевую роль в перерождении героя.

Выводы

Мифопоэтика пространства в творчестве Александра Петрушкина основана на разделении локуса реального и локуса духовного: Кыштыма и Тыдыма соответственно. Поэт не создает мифологизированные образы географического пространства, что было представлено в Уральской поэтической школе и творчестве Виталия Кальпиди. А. Петрушкин формирует иную, параллельную реальность. Локус Тыдыма для поэта – Эдем, земной рай для творца, место погружения во внутренний мир и при этом выхода за рамки обыкновенной реальности. В создании мифопоэтического образа города автор прибегает к христианским мифологемам, к метареалистическому описанию локуса с особым акцентом на природу, создает метафорическую картину окружающей действительности. И для Петрушкина она скорее является зеркалом поэтического, внутреннего, связанного с Богом. Город становится не столько пространством существования, сколько местом «смерти», но не в смысле окончания земной жизни, а в смысле духовного перерождения.

Мифопоэтический образ Тыдыма в творчестве Александра Петрушкина можно назвать локусом

очищения, поэтической реальностью, в которой по-настоящему живет поэт, где он творит и находит новые грани себя.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 22-28-20162).

Литература

1. Давыдов, Д. Поколение vs поэтика: молодая уральская поэзия / Д. Давыдов // Литература Урала: история и современность : сборник статей. – Екатеринбург : УрО РАН : Союз писателей, 2006. – С. 366–371.
2. Абашев, В. В. Пермь как текст. Пермь в истории русской культуры и литературы XX века // В. В. Абашев. – Пермь, 2008.
3. Подлубнова, Ю. С. Поэтика трансформаций в современной поэзии Урала / Ю. С. Подлубнова // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2015. – № 3 (142). – С. 117–128.
4. Барышников, П. Н. Мифология современности / П. Н. Барышников // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2006. – № 1 – С. 182–189.
5. Лосев А. Ф. Диалектика мифа / А. Ф. Лосев. – М., 1930. – 186 с.
6. Лотман, М. Ю. Литература и мифы / Ю. М. Лотман, З. Г. Минц, Е. М. Мелетинский // Мифы народов мира : энциклопедия. – М., 1980. – Т. 1. – С. 220–226.
7. Топоров, В. Н. Петербургский текст русской литературы : избранные труды / В. Н. Топоров. – СПб. : Искусство СПб, 2003. – 616 с.
8. Подлубнова, Ю. С. Уральская поэтическая школа: фантом или реальность / Ю. С. Подлубнова // Quaestio Rossica. – 2022. – Т. 10, № 5. – С. 1836–1851.
9. Смышляев, Е. А. Современная поэзия Челябинска как локальный текст : монография / Е. А. Смышляев. – Челябинск : Библиотека А. Миллера, 2019. – 206 с.
10. Семьян, Т. Ф. Челябинская поэзия как часть уральского поэтического движения / Т. Ф. Семьян, Е. А. Смышляев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2015. – Т. 12, № 2. – С. 28–32.
11. Татаурова, О. Э. Стратегия развития региональной поэзии (на примере уральской поэтической школы) / О. Э. Татаурова // Молодая филология. Человек, культура, социум : сборник статей по материалам ежегодной научной студенческой конференции ; отв. ред. И. А. Подюков, ред. Е. Е. Бразговская, сост. К. Е. Петрова. – Пермь : Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2018. – С. 175–178.
12. Антология Русской Озерной поэтической школы. Серия «Геология». Кн. 1. – Кыштым :

Евразийский журнальный портал «МЕГАЛИТ», 2016. – 144 с.

13. Петрушкин, А. Тыдымский дневник. Воспоминания о Эдеме / А. Петрушкин. – Издательские решения, 2018 – 291 с.

14. Dekker, R. M. Jacques Presser's heritage.

Egodocuments in the study of history / R. M. Dekker // *Memoria y Civilización. Anuario de Historia.* – 2002. – №5. – P. 13–37.

15. Александр Петрушкин. Геометрия побега / А. Петрушкин. – М. : Русский Гулливер, 2015. – 198 с.

Смышляев Евгений Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: smyshliaeva@susu.ru. ORCID 0000-0002-4848-4986

Шолохов Матвей Александрович – магистрант кафедры русского языка и литературы, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: mat-74@mail.ru. ORCID 0000-0001-7505-3981

Поступила в редакцию 31 мая 2023 г.

DOI: 10.14529/ssh230311

TYDYM-KYSHTYM: MYTHOPOETICS OF SPACE IN THE WORKS OF A. PETRUSHKIN

E. A. Smyshlyaev, M. A. Sholokhov

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The article is devoted to the study of the mythopoetics of space in A. Petrushkin's poetry. We examined the book of poems *The Geometry of Escape* and the egodocument *Tydym's Diary. Memories of Eden*, in which the poet reveals the meaning of the designation of Kyshtym by the occasional toponym Tydym and mythologizes it. The mythologization of space in the poetry of modern Ural authors is a trend, a key element of the literary strategy of such poets as Vitaly Kalpidi, Yanis Grants, Alexander Samoilov, and others. In his work, Alexander Petrushkin largely continues the traditions of Ural myth-makers. The article defines the principles of the formation of mythologized space: A. Petrushkin departs from the classical description of urban space. Tydym is presented by the poet as a parallel reality to Kyshtym, a mythologized space filled with Christian and ancient mythologems. In the image of Tydym, Petrushkin sees the reality of inner purification, and death as an element of the rebirth of a person and a poet. The main images and mythologems with which Tydym's chronotope is filled are also analyzed; a metarealistic approach to the formation of natural images in synthesis with Christian mythologems is considered.

Keywords: myth, mythopoetics, artistic space, local text, Ural text, Alexander Petrushkin, Tydym.

References

1. Davydov D. Pokolenie vs poetika: molodaya ural'skaya poeziya [Generation vs Poetics: Young Ural Poetry] // *Literatura Urala: istoriya i sovremennost'*: sbornik statei. Ekaterinburg: UrO RAN: Soyuz pisateley, 2006. S. 366–371.

2. Abashev V.V. Perm' kak tekst. Perm' v istorii russkoy kul'tury i literatury XX veka [Perm as a Text. Perm in the History of Russian Culture and Literature of the Twentieth Century]. Perm', 2008.

3. Podlubnova Y.S. Poetika transformatsiy v sovremennoy poezii Urala [Poetics of Transformations in Modern Poetry of the Urals] // *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki.* 2015. № 3 (142). S. 117–128.

4. Baryshnikov P.N. Mifologiya sovremennosti [The Mythology of Modernity] // *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov.* 2006. № 1 S. 182–189.

5. Losev A. F. Dialektika mifa [Dialectics of Myth]. – M., 1930. – 186 s.

6. Lotman M.Y., Mints Z.G., Meletinskiy E.M. Literatura i mify [Literature and Myths] // *Mify narodov mira: entsiklopediya.* M., 1980. T. 1. S. 220–226.

7. Toporov V.N. Peterburgskiy tekst russkoy literatury [The Petersburg Text of Russian Literature]: izbrannyye trudy. SPb.: Iskusstvo SPb, 2003. 616 s.
8. Podlubnova Y.S. Ural'skaya poeticheskaya shkola: fantom ili real'nost' [Ural Poetic School: Phantom or Reality] // *Quaestio Rossica*. 2022. T. 10, № 5. S. 1836–1851.
9. Smyshlyaev E.A. Sovremennaya poeziya Chelyabinskaya kak lokal'nyy tekst [Modern Poetry of Chelyabinsk as a Local Text]: monografiya. Chelyabinsk: Biblioteka A. Millera, 2019. 206 s.
10. Sem'yan T.F., Smyshlyaev E.A. Chelyabinskaya poeziya kak chast' ural'skogo poeticheskogo dvizheniya [Chelyabinsk Poetry as Part of the Ural Poetic Movement] // *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika*. 2015. T. 12, № 2. S. 28–32.
11. Tataurova O.E. Strategiya razvitiya regional'noy poezii (na primere ural'skoy poeticheskoy shkoly) [Regional Poetry Development Strategy (on the Example of the Ural Poetry School)] // *Molodaya filologiya. Chelovek, kul'tura, sotsium: sbornik statey po materialam ezhegodnoy nauchnoy studencheskoy konferentsii; otv. red. I.A. Podyukov, red. E.E. Brazgovskaya, sost. K.E. Petrova. Perm': Permskiy gosudarstvennyy gumanitarno-pedagogicheskiy universitet*, 2018. S. 175–178.
12. Antologiya Russkoy Ozerney poeticheskoy shkoly. Seriya «Geologiya» [Anthology of the Russian Lake Poetic School. The series «Geology»]. Kn. 1. Kyshtym: Evraziyskiy zhurnal'nyy portal «MEGALIT», 2016. 144 s.
13. Petrushkin A. Tydymskiy dnevnik. Vospominaniya o Edeme [Tydymsky Diary. Memories of Eden]. Izdatel'skie resheniya, 2018. 291 s.
14. Dekker R.M. Jacques Presser's Heritage. Egodocuments in the Study of History // *Memoria y Civilización. Anuario de Historia*. 2002. № 5. P. 13–37.
15. Aleksandr Petrushkin. Geometriya pobega [Escape Geometry]. M.: Russkiy Gulliver, 2015. 198 s.

Evgeny A. Smyshlyaev – Cand. Sc. (Philology), Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: smyshliaeva@susu.ru

Matvey A. Sholokhov – Master Student of the Department of Russian Language and Literature, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: mat-74@mail.ru

Received May 31, 2023

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Смышляев, Е. А. Тыдым-Кыштым: мифопоэтика пространства в творчестве А. Петрушкина / Е. А. Смышляев, М. А. Шолохов // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2023. – Т. 23, № 3. – С. 93–99. DOI: 10.14529/ssh230311

FOR CITATION

Smyshlyaev E. A., Sholokhov M. A. Tydim-Kyshtym: Mythopoetics of Space in the Works of A. Petrushkin. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2023, vol. 23, no. 3, pp. 93–99. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh230311

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФОРМ МЕДИЙНЫХ РЕСУРСОВ И ДИНАМИКА ЖАНРОВ ЖУРНАЛИСТСКИХ ТЕКСТОВ В РОССИЙСКОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

А. Н. Чумиков

Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Российская Федерация

Актуальность статьи обусловлена необходимостью перманентного анализа происходящих в журналистике интенсивных динамических изменений.

Материал построен на основе количественных методов традиционных конкретных социологических исследований в сочетании с качественными методами медиаизмерений. Использован представительный выборочный массив медийных текстов 2003–2023 гг. В фокусе анализа находятся формы медийных ресурсов и составляющие их журналистские тексты различной жанровой направленности. Автор подтверждает обозначенные ранее тенденции в российском информационном пространстве, а также выявляет новые и недостаточно очевидные. Представляются основания для обновленной классификации ресурсов и жанров.

В числе медийных ресурсов рассматриваются специализированный тематический и образовательный медиапроект, студенческая газета, медийное сообщество, страница (группа) творческого объединения, авторский медиаресурс, технологическая платформа для производства медиапродукта. Наряду с фиксацией таких определяющих характеристик современных медийных жанров, как мультимедийность, интерактивность и гипертекстуальность, прослеживаются явления «текстовой конвергенции» между ресурсами и внутривидовой «жанровой конвергенции» (полижанровости).

Обосновывается объективность актуализации и развития обобщенного жанра «история» с возможными модификациями – «социальная история», «полезная история» и др. Фиксируются причины возникновения новых жанров (фанфикшн), развития (рецензия) или упадка (путевой очерк, фельетон) популярных ранее текстов.

Ключевые слова: медиа, новые медиа, медийные ресурсы, медийные жанры, полижанровость, сторителлинг, история.

Введение

В конце XX – XXI веке медийный сегмент информационного поля претерпел количественно-качественные трансформации, сопоставимые с тремя прошедшими столетиями существования российской и мировой журналистики. После вхождения в пространство интернет-коммуникаций изменилось понимание самого термина *медиа*. Известно, что ранее он приравнивался к «масс медиа» (от англ. *mass media*) и служил признанным эквивалентом словосочетания «средства массовой информации», под которыми, в свою очередь, понимались традиционные («старые») СМИ: информационные агентства (ИА), газеты, журналы, радио и телевидение (ТВ).

Однако возникшее в XXI веке понятие *новых медиа* трактовалось значительно шире и представляло собой: а) традиционные СМИ, интегрированные в пространство интернет-коммуникаций; б) СМИ, изначально созданные как интернет-медиа и в) всю систему сетевых ресурсов, в том числе социальных сетей, не обязательно классифицируемую (и регистрируемую) как средства массовой информации. В каждом из этих секторов появились формы, обобщенно называемые *медийными ресурсами* и в разной степени отличные от предыдущих типов СМИ – ИА, газеты, журнала,

радио- и ТВ-канала или программы. С одной стороны, сами названные категории СМИ с их характерными признаками сохраняются; но, с другой – они постепенно исчезают «в чистом виде», преобразовываясь в конвергентные, то есть интегрированные в систему интернет-коммуникаций информационные ресурсы.

Вместе с ресурсами динамика подвергаются и составляющие их *жанры* журналистики – особые формы организации жизненного материала, представляющие собой специфическую совокупность структурно-композиционных признаков [1, с. 125–168]: меняются пропорции представления традиционных жанров, внедряются их новые композиционные конструкции, возникают новые жанры.

Процессы формотворчества вокруг медийных ресурсов и сопутствующих им жанров постоянно находятся в фокусе современных исследований. Задачей настоящей статьи является их продолжение с фиксацией устоявшихся, выявлением новых и обсуждением неочевидных тенденций.

Обзор литературы

Говоря о существующих подходах к анализу системы *медийных ресурсов*, отметим издание «Медиасистема России», где рассматриваются исторические этапы ее формирования и развития; технологические, экономические, организационно-

структурные и содержательные аспекты каждого сегмента, включая ИА, ТВ, радио, печатные и онлайн-СМИ, социальные медиа [2].

И. Дзялошинский в монографии «Медиапространство России: пробуждение Соляриса» исследует категориальный аппарат, применяемый для описания медиасистемы, обобщает представления о состоянии традиционных и новых медиа, выводит основные тенденции эволюции медиапространства; рассуждает о факторах, влияющих на эти тенденции [3].

Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям (Роспечать), а после его упразднения – Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ (Минцифры) на протяжении ряда лет готовили отраслевые доклады о состоянии медиаотрасли в России с разделами о ТВ, радио и печатной прессе, медийных сегментах интернета.

Так, в докладе «Интернет в России: состояние, тенденции и перспективы развития» впервые представлен специальный раздел «Интернет-СМИ» с выделением трех основных типов СМИ: 1. Профессиональные интернет-СМИ – сайты, которые регулярно публикуют новостные сообщения, написанные сотрудниками редакции этого сайта. Они аналогичны привычным офлайновым газетам и журналам, у некоторых из них есть свидетельства о регистрации СМИ (например, Lenta.ru, «Газета.ru»). 2. Интернет-версии офлайновых СМИ – сайты СМИ, транслирующие контент в интернет (например, газета «Ведомости»). 3. Социальные СМИ – сайты, на которых публикуют и комментируют новостные сообщения зарегистрированные пользователи этих сайтов [4, с. 64–65].

В том же докладе сделаны существенные сопоставления блогов (персональных интернет-дневников) и социальных сетей. Фиксировалось, что первоначально пользователи Рунета, как и всего мира, «заболели блогами». Но потом «мода прошла, и блогосфера обзавелась “мертвой зоной” из дневников, в которые никто не пишет». На смену блогам пришли социальные сети с многомиллионными аудиториями. Случилось это потому, что «...социальные сети, в отличие от блогов, предлагают своим пользователям некую среду “обитания” и общения, а не возможность создавать и потреблять контент» [4, с. 59–62]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что социальные сети представляют собой гораздо более перспективную среду для исследования форм журналистских ресурсов и составляющих их жанров, чем блоги.

В российской журналистике существуют различные и многочисленные классификации жанров. Так, Л. Кройчик обращается к жанрам советской прессы и делит их на три большие группы: информационные (заметка, интервью, репортаж, отчет); аналитические (статья, корреспонденция, письмо,

обзор печати, обозрение, рецензия); художественно-публицистические (очерк, фельетон, памфлет). Но в дальнейшем автор наблюдает процесс размывания жанровых границ, а также изменения пропорций применения жанров: одни практически исчезли (очерк, фельетон, передовая статья, обзор печати); другие, напротив, усилили свое присутствие (интервью, комментарий, эссе). Стали выделяться и новые жанры: журналистское расследование, исповедь, версия, беседа [1, с. 125–168].

А. Тертычный в учебнике 2000 г. описывает 42 жанра [5]. В более поздней публикации он только в газете «Экономика и жизнь» вычленяет 24 жанра. При этом поясняет, что большинство материалов подается всего в четырех жанрах: комментарий – консультация, вопрос – ответ, справка, заметка [6, с. 93–101].

Т. Репкова демонстрирует классификацию из 12 жанров, понимая происходящее вокруг как цепочку «проблемы – события (связанные с решением проблем) – люди (задействованные в событиях)». Соответственно, жанры фокусируются на проблемах («рациональная публицистика»); событиях (новостные жанры) или людях («эмоциональная публицистика»). К жанрам «рациональной публицистики» относятся аналитическая статья, трендовая статья, комментарий и экспертное интервью. К новостным жанрам – различные типы заметок (короткая, расширенная, мягкая), а также событийное интервью. К жанрам «эмоциональной публицистики» – репортаж, портрет, очерк и личностное интервью [7].

А. Колесниченко предлагает для практических целей ограничиться шестью жанрами, позволяющими журналисту выполнить любую задачу: новость, репортаж, интервью, трендовая статья, комментарий, портрет [8, с. 10–13]. По результатам исследования востребованности определенных жанров на сайтах десяти наиболее популярных российских онлайн-СМИ автор делает и такой вывод: аудитория читает прежде всего новостные заметки и отчасти аналитические статьи и колонки [9, с. 3–23].

В то же время вошли в практику лонгриды – особые жанры передачи информации в интернете с большим объемом и продолжительностью восприятия. Как правило, это мультимедийные композиции, предполагающие глубокое и многоаспектное знакомство с материалом. Выступая в качестве текстовой основы лонгрида, различные журналистские жанры в совокупности с мультимедийными платформами образуют новый (полижанровый) продукт [10, с. 140–157].

Но при анализе любых классификаций следует понимать, что все современные жанры, особенно с учетом их мультимедийности, имеют тенденцию к гибридности, становятся смешанными по своей природе и склонными к взаимопроникновению, перетеканию друг в друга, что в принципе

считается характерным признаком цифровой журналистики [11, с. 134].

Эксперты сходятся во мнении о том, что в современный период развивается *универсальная журналистика*, жанры которой обладают особыми признаками, а именно: 1. *Мультимедийность*: наличием и количеством медийных платформ и их вариаций: текст, звук, видео, фото, анимация, инфографика. 2. *Гипертекстуальность* с выходом на дополнительную информацию по теме: источники, комментарии и т. п. 3. *Интерактивностью* с возможностью просмотра и оценки материала; взаимодействия представителей аудитории с автором и между собой [12, с. 115].

В качестве важного обстоятельства, влияющего на характер применения текстовых жанров в СМИ, некоторые эксперты отмечают их «пиаризацию», понимая под данным термином поддержку рекламы и коммерциализацию. Рядом с ней обозначаются «вестернизация», папараццизация» и «кинфотейментизация» жанров как установки на скандальность и развлекательность [6, с. 93–101].

Методы исследования

Теория измерений больших массивов медиаконтента рождается из практики и находится в процессе своего становления. В то же время существует сформированная на протяжении XX века фундаментальная теория проведения социологических исследований, включая *конкретные социологические исследования (КСИ)*, методы которых могут быть применимы и к медиаизмерениям, в том числе в настоящей статье.

При проведении наиболее точного исследования (количественного, репрезентативного, валидного) оперируют такими позициями, как *генеральная совокупность* (весь объем единиц наблюдения, имеющих отношение к проблеме исследования – в нашем случае это публикации в СМИ и приравненных к ним ресурсах) и *выборочная совокупность* или *выборка* (пропорциональная, методически обоснованная часть генеральной совокупности, подлежащая непосредственному изучению в процессе исследования).

Генеральной совокупностью нашего медиаисследования стал весь массив печатных и электронных *текстов* российских медиа за последние 20 лет (2003–2023 гг.). В качестве выборки фигурируют материалы, представленные за указанный период на проводимый Роспечатью (Минцифрой) и Международным пресс-клубом (МПК) Всероссийский конкурс журналистов, пишущих на социально значимые темы, – «Вызов – XXI век». Общее число просмотренных работ составило порядка 11,5 тыс. от около 3 тыс. авторов из более чем 2,5 тыс. СМИ и других медийных ресурсов всех субъектов РФ. На начальном этапе проведения Конкурса большинство из них выходили только в печатной версии, но к 2023 г. более 90 % имели электронные аналоги.

Несмотря на столь представительную выборку, следует указать на ограничения, не позволяющие в полной мере отнести исследование к количественным (репрезентативным). Это главным образом отсутствие квотной (пропорциональной) выборки по СМИ и возрасту авторов: в соответствии с положением Конкурса предусматривал участие журналистов в возрасте до 25 лет, а спонтанная представленность форм медийных ресурсов на Конкурсе не соответствовала их действительным пропорциям на рынке СМИ. Не просчитывалось и число публикаций различных жанров в выборке. С другой стороны, выборка близка к репрезентативной, исходя из следующих отмеченных членами жюри и экспертами позиций:

– сопоставление выборки с цифрами, взятыми как ориентиры из докладов Роспечати – Минцифры (72,5 тыс. зарегистрированных в РФ печатных СМИ в 2009 г. и 42,8 тыс. в 2020 г.), показывает, что число анализируемых СМИ является достаточным;

– журналистика не может быть разделена на «молодежную» и «взрослую», поскольку многие молодые журналисты не уступают более старшим по производительности, креативности и атрибутам официального признания;

– молодые журналисты более восприимчивы к инновациям, отсюда анализ их публикаций не менее, а возможно, и более продуктивен по сравнению с продукцией старших коллег по цеху;

– наконец, числовые (процентные) подсчеты наличия тех или иных жанров в общем массиве видятся не совсем корректными, поскольку из года в год претерпевают существенные и нелинейные изменения, мотивированные происходящими ключевыми событиями в стране и в мире. Данная гипотеза будет подтверждена в последующем изложении.

Таким образом, текущее исследование мы квалифицируем как количественно-качественное.

Теперь посмотрим на нашу выборку с точки зрения наличия профильных публикаций. За точку отсчета взяты более 50 наиболее характерных материалов победителей 1-го Конкурса, который состоялся в 2003 г. Эти публикации были включены в специальный сборник таким образом, чтобы отражать классический спектр газетных и журнальных жанров [13].

В дальнейшем этот выбранный сегмент изданий и публикаций рассматривался в проектной динамике с точки зрения сохранения, изменения, инсталляции форм и жанров медийных ресурсов, появившихся за последующие 20 лет. При этом тематическая направленность материалов в настоящей статье не анализируется, особенности контента указываются в ряде случаев лишь как фактор, мотивирующий использование того или иного жанра.

Результаты и дискуссия

Наряду с отмеченными выше мультимедийностью, интерактивностью и гипертекстуально-

стью новых медиа мы выявили специфику их конвергенции, которая в настоящем изложении понимается шире, чем интеграция информационных и коммуникативных технологий в единый ресурс. В дополнение к этому наблюдается еще и «текстовая конвергенция», когда материалы, свойственные ранее газетам и журналам, появились в ТВ и радиальных онлайн-медиа, а также «жанровая конвергенция», когда ИА, ТВ и радио превращаются из поставщиков специфических информационных продуктов также и в производителей практически полного спектра текстовых медийных жанров. То есть онлайн-площадки ведущих общероссийских и международных СМИ первоначально определенной категории, например Международная телевизионная сеть RT (<https://russian.rt.com/>), Радио «Sputnik» (<https://radiosputnik.ria.ru/>), РИА Новости (<https://ria.ru/>) становятся кроссмедийными и мультижанровыми платформами (порталами) с наличием не только видео- и аудиопродукции, но и электронных текстов в виде как новостей, так и репортажей, интервью, аналитических статей и пр.

Этой же логике развития следуют региональные аналоги: например, Интернет-TV Губерния (<https://tv-gubernia.ru/> – Воронеж) выпускает широкий спектр текстовых электронных материалов различного жанра; на сайте Радио БФМ74 (<https://bfm74.ru/> – Челябинск) размещаются транскрипты передач и т. д.

На повестку дня для исследователей выдвигается вопрос о создании классификации сайтов журналистского профиля по таким основаниям, как цели их организаторов, состав участников, публикуемый контент, формы подачи материалов и др. Например, портал «Национальный акцент» (<https://nazaccent.ru/>) – это федеральный *специализированный тематический медиапроект* Гильдии межэтнической журналистики с мультиплатформенным контентом из текстов, видео, фоторепортажей, подкастов и лонгридов. Спецпроекты портала ориентированы на просвещение (ЭтноLife), обмен мнениями (Медиафорум), образование (Школа). К этой же категории с приставкой «международный» относится мультимедийный проект «Я живу в России» Медиаконгресса «Содружество журналистов» (<https://iliveinrussia.ru/>), публикующий работы журналистов со всего мира.

Территориально-ведомственным *образовательным медиапроектом*, мультиплатформенным, мультимедийным и мультижанровым, можно назвать портал молодежного медиахолдинга «Есть talk» (<https://talk-on.ru/>). Портал является структурным подразделением Тольяттинского государственного университета, включает в себя ТВ, радио, газетные редакции и позиционируется как кросс-дисциплинарная база практик для студентов, обучающихся по различным направлениям, в том числе журналистике. Претендуя на расширение влияния за пределами вуза, ресурс формулирует

свою миссию как «Talk’ово о высшем образовании в текстах, фото, видео и аудио».

В число устоявшихся форм медийных ресурсов входит *студенческая газета*. В качестве иллюстрации приведем издание «ЖурFix» Челябинского государственного университета. В печатной версии она издается в количестве 50 экз., однако имеет страницу в социальной сети «ВКонтакте» (<https://vk.com/zhurfix>), куда выкладываются электронные версии номеров и посты участников группы.

Далее следует говорить уже о расширенных возможностях социальных сетей, в первую очередь VK, для развития многих видов журналистских ресурсов. Например, это *страница (группа) школьного пресс-центра и газеты «Эврика»* в средней школе № 2 небольшого города Сим в Челябинской области (https://vk.com/gazeta_evrika). Группа ориентирована на заинтересованных школьников, их родителей, а также студентов журфаков и позиционирует себя как Программа дополнительного образования «Редколлегия школьной газеты».

А группа To «Way» (<https://vk.com/toway>) позиционирует себя как творческое объединение молодых журналистов, «стремящееся сделать вашу жизнь интереснее и помочь в решении ваших задач». Группа не привязывает себя к конкретной организации, хотя известно, что создали ее студенты Московского государственного педагогического университета.

Обобщая эти намеренно выбранные «малые» и не столь массовые, примеры форм медийных ресурсов, заметим, что для «больших» изданий наличие группы в соцсети является обязательным элементом их журналистской деятельности. Все группы, вместе взятые, объединяются термином *медийные сообщества*. Они превращаются в полноценную составляющую конвергентного медиа со своей специфической аудиторией и контентом.

Разумеется, в нашу классификацию попадают и авторские ресурсы, включающие в себя как полноценные сайты, так и страницы в социальных сетях: например, у И. Сурвилло это «Я – Иван Сурвилло. Интервьюер ТАСС», где выложено более 50 интервью с интересными современниками (<https://sourvillo.ru/>); и сопутствующая ему страница в VK (<https://vk.com/isourvillo/>), или культурологический сайт Э. Деменцовой (<http://dementsova.ru/>) с модификацией в соцсети (<https://vk.com/edementsova>) и «ветвях» в других медиа, например, в интернет-журнале «Театрон» (<https://teatron-journal.ru/?s=деменцова>).

Наконец, в завершение неисчерпывающего исследовательского блока о трансформации форм медийных ресурсов стоит сказать о таких из них, как *платформы для производства лонгридов*. Лучший вариант – это специально разработанная автором форма, но таких в информационном про-

странстве крайне мало. Далее следует набор возможных платформ (шаблонов), на которых можно размещать контент лонгрида. Из этих платформ чаще всего применяется *Tilda* (<https://tilda.cc/ru>). Ее всё более активно используют журналисты для последующего размещения на любых медийных ресурсах с соответствующей ссылкой. В качестве примера приведем лонгрид о поисковом движении «Лиза Алерт» (<http://liza.alert.tilda.ws>).

Приступая к анализу жанровой динамики, поделимся мнением о том, что приведенные выше классификации жанров от различных авторов являются приемлемыми *трактовыми* существующих в информационном поле текстов. Мы же ставим перед собой задачу обратить внимание не столько на трактовки, сколько на *явления* в журналистике и обществе в целом, влияющие на происходящие изменения. Заметим при этом, что новые тенденции всё чаще отмечают и обобщают сами журналисты, выступая в этом случае не только в роли производителей медийных текстов, но и как теоретики дисциплины. Так, Е. Тюрина, журналист портала «Сегодня в Воронеже» (<https://today.29ru.net/voronezh/>), защитила в 2021 г. диссертацию, посвященную репортажу [14]. В ней содержатся выводы, имеющие отношение к журналистским жанрам вообще и получившие дополнительное подтверждение в ходе нашего исследования.

Важным моментом представляется фиксация в научной работе такого развивающегося явления, как *репортажность* журналистских текстов – это, по мнению Е. Тюриной, «...специфическое наджанровое образование, которое проявляется в различных (изначально нерепортажных) публикациях и служит инструментом создания в текстах предельной наглядности, позволяющей погрузить аудиторию в описываемую ситуацию, явление, процесс». В более общем плане данное явление определяется как *интерференция* – результат проникновения компонентов одного жанрового образования в другое, способное вызывать в текстах структурно-содержательные изменения [14, с. 70–76].

По нашему мнению, здесь фиксируется тенденция к продуцированию *полижанровых текстов*, создание которых не ограничивается для журналиста формальными рамками и дополнительно мотивируется доступными площадями интернет-изданий, не имеющими жесткой регламентации.

Практика реализации данного тренда иллюстрируется в публикациях самой Е. Тюриной. Так, сюжет материала «Сессия по предоплате» рассказывает о том, как перевоплотившийся в студента журналист выясняет возможности получения требуемых оценок за деньги. Здесь присутствует собственно репортаж с применением метода, именуемого раньше «журналист меняет профессию», а теперь – «метод маски». Репортажу сопутствуют

интервью с «попавшимися на удочку» автора студентами и преподавателями. В публикацию имплантированы комментарий юриста, а также аналитические обобщения автора [15].

Столь же глобальное, но менее исследованное применительно к журналистике явление связано с фактическим возникновением характерного в первую очередь для XXI века жанра *истории*, несущего, с одной стороны, черты очерка, репортажа, корреспонденции и полижанровости в целом; а с другой – нуждающегося в специальном обосновании.

Сторителлинг (англ. *storytelling*) – технология производства и трансляции историй – закрепилась как специальное направление PR и рекламной деятельности в 90-х гг. XX века и продолжала развиваться в XXI веке. Сторителлинг означает оптимизированное и актуальное для профиля субъекта изложение существующих в реальности и легендарных фактов, символов, предположений, в отличие от «простого» хронометража жизнедеятельности [16, с. 142–157]. Р. Макки, например, глобализирует тему создания историй до провозглашения «*сторинномики*» – особого направления маркетинга в пострекламном мире [17].

Но постепенно эксперты пришли к пониманию, что речь здесь идет не только о PR и рекламе: человечество в принципе воспринимает всё происходящее вокруг через истории. Они необходимы как один из важнейших способов обсуждения любых проблем и мотивация для привлечения к ним внимания аудитории. Востребованный в самых разных областях человеческого взаимодействия, сторителлинг стал к настоящему времени медиатрендом.

О. Самарцев анализирует модель сторителлинга с позиций журналиста и соотносит его с особой формой текста, называемой западными исследователями *features writing* (занимательная статья с главным смыслом в конце). В отличие от стиля и жанра *news writing* (новостная заметка в виде «перевернутой пирамиды», где главный смысл располагается вначале), он необходим не для констатации фактов, а для раскрытия событий общественной жизни в виде увлекательных историй [18].

Сущность сторителлинга и жанра «история», который мы здесь декларируем, адекватно прослеживается на примерах характерных публикаций из нашей выборки. Так, на упомянутом выше портале «Я живу в России» прямо говорится о том, что здесь публикуются «необычные *истории* обычных россиян, которые нашли свою формулу жизни, свое призвание на малой Родине». В «Областной газете», одном из самых качественных региональных изданий России, Н. Шадрин публикует материал «Долгий путь к Андрею Рублеву» о роли Урала и Свердловска в судьбе актера А. Солоницына. Перед нами не очерк, не заметка,

не традиционное интервью с очевидцами, а именно *история*, которую в данном случае можно назвать исследовательской и познавательной [19].

Портал www.revda-info.ru (г. Ревда Свердловской области) содержит специальную рубрику «Истории». Публикация М. Семинтиновой «Как живут ревдинские семьи с детьми-эпилептиками» содержит в подзаголовке следующий текст: «Реальные истории двух семей, в которых растут малыши и подросток с эпилепсией». А далее: «Советы психолога и врача, которые могут помочь с ней справиться» [20]. Теперь мы видим историю совсем другого типа – о проблемной ситуации, о трагедии, а рядом с ней рекомендации, как можно хоть немного помочь в подобном случае.

Получается, что уместно говорить о специальном, существующем автономно или как разновидность «истории», жанре. Наиболее точно его характеризует слово «*лайфхак*» (от англ. *life hacking* – на сленге «хитрости жизни», «народная мудрость», «полезный совет»). В 2004 г. английский журналист Д. О’Брайан издал статью с рассказом о целом движении «лайфхакеров» с их стремлениями сделать жизнь каждого удобнее. В 2005 г. явление покорило интернет и с тех пор остается одним из самых востребованных запросов популярных поисковиков [21].

Но наш вывод не исчерпывается найденным для жанра оригинальным определением и продолжается следующим утверждением: если «репортажность» и «полижанровость» получили распространение во многом благодаря возможностям интернет-коммуникаций, то популярность «лайфхаков» мотивирована рядом конкретных событий, касающихся жизни всего российского общества.

Так, сложная пожарная обстановка, возникшая летом 2010 г. из-за аномальной жары и отсутствия осадков, выявила слабый уровень готовности населения к добровольному участию в тушении пожаров, после чего был оперативно принят Закон РФ № 100-ФЗ от 6.05.2011 г. «О добровольной пожарной охране». Его реализацию сопровождала кампания в СМИ по вовлечению населения в добровольчество, которое начало активно возрождаться после упадка в 80–90-е гг. Появились многочисленные публикации как о позитивных исторических прецедентах добровольчества, так и новом опыте добровольных пожарных.

2018 г. Указом Президента России объявляется Годом добровольца, и ему сопутствует медийная кампания, вызвавшая к жизни еще большее число историй о волонтерстве. В период пандемии коронавируса Общероссийский народный фронт (ОНФ) запустил общероссийскую акцию взаимопомощи #МыВместе (<http://мывместе2020.рф>), и это тоже стало предметом активного внимания журналистов.

Нельзя обойти вниманием и проявившийся в России и мире в конце первого – начале второго

десятилетия XXI века финансовый кризис. На формирование актуальных установок населения была направлена принятая распоряжением Правительства РФ от 25 сентября 2017 г. № 2039-р «Стратегия повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017–2023 гг.», выполнявшая роль антикризисной коммуникационной программы. Документ содержал специальный раздел «Информирование населения о вопросах финансовой грамотности и способах защиты прав потребителей финансовых услуг», предполагавший масштабную кампанию в СМИ с серьезным финансированием со стороны государства.

Таким образом, интенсивное развитие жанра «историй-лайфхаков» следует считать объективным процессом. Применительно к описанным ситуациям их можно было бы назвать жанром «социальных историй».

Если говорить о динамике более традиционных жанров, то некоторые из них также имеют социально-государственную мотивацию. Так, объявленные Президентом России Год литературы (2015), Год кино (2016), Год театра (2019) существенно оживили интерес к жанру *рецензии* (кино-, литературной, театральной критики). Более того, по отношению к особенностям подачи данного жанра появилось обобщающее понятие *сетература*, а внутри него родился новый жанр – *фанфикшн*. И вновь мы наблюдаем, как его разработкой на тематических медийных ресурсах и в научных изданиях занимается журналист – автор рецензий.

Как пишет Е. Тимошенко на портале «Год литературы в России», фанфикшн – это создание текстов по мотивам книги, фильма или компьютерной игры. Такие тексты интересны тем, что содержат творческие импровизации фанатов, необычные трактовки отношений между героями и предположения о развитии действий в будущем [22]. И далее в научной статье: «Фанфикшн – литературное творчество поклонников произведений популярной культуры, создаваемое на основе этих произведений в рамках интерпретативного сообщества (фандома). Фанфикшн – эмоциональный отклик пользователя массовой культуры на ее продукцию» [23, с. 89–94].

Вместе с тем наблюдается и ослабление внимания к некоторым устоявшимся и заслуживающим внимания жанрам. Причем утрата популярности является, как и в предыдущих примерах, формально или социально мотивированной.

Так, снизилась былая значимость жанра «путевые заметки» (путевой очерк / репортаж). С одной стороны, существуют интересные и масштабные прецеденты подачи такого жанра. Например, корреспондент курской газеты «Друг для друга» А. Пищулин совершил и подробно описал свои путешествия автостопом по Кавказу и Азии [24]. С другой стороны, конкурентами полноценному

«путевому» жанру выступают значительно более многочисленные упрощенные аналоги в виде *travel-блогов* с краткими текстовыми пояснениями, но широким фото- и видеорядом.

Иная ситуация сложилась с жанром *фельетона*. Т. Афолина (псевдоним Л. Словобудова) опубликовала в газете «Орская хроника» серию фельетонных материалов о придуманном городе Дырске. В нем происходят проблемные ситуации, характерные для реального города Орска, а журналистка вскрывает данные проблемы как таковые [25]. Но этот же автор, теперь в научной статье, рассуждает о причинах слабой распространенности фельетонов: «Учредителями региональных СМИ являются администрации города, области, края, которые не приветствуют критические материалы в свой адрес, особенно сатирической направленности. Не каждый журналист возьмется за написание фельетонов, чтобы не портить деловые связи» [26].

Разумеется, и другие формы медийных ресурсов, равно как и не указанные здесь журналистские жанры, претерпевают определенную динамику. В то же время сделанные в статье акценты представляются нам существенными.

Выводы

Таким образом, мы отметили традиционные, а также выявили новые или недостаточно очевидные особенности форм медийных ресурсов и жанровых текстов СМИ в процессе их трансформации. Наряду с отмеченными ранее мультимедийностью, интерактивностью и гипертекстуальностью новых медиа, рассмотрена «текстовая конвергенция», когда материалы, свойственные ранее газетам и журналам, появились в ИА, ТВ и радиальных онлайн-медиа; и «жанровая конвергенция», когда эти ресурсы превращаются из поставщиков специфического контента в производителей также практически полного спектра текстовых медийных жанров.

Названы предпосылки для создания классификации сайтов журналистского профиля по таким основаниям, как цели их организаторов, состав участников, публикуемый контент, формы подачи материалов и др., например, специализированный тематический медиапроект, образовательный медиапроект, студенческая газета, медийное сообщество, страница (группа) творческого объединения, авторский медиаресурс, технологическая платформа для производства медиапродукта.

Проанализированы тренды в журналистике и явления в обществе, влияющие на происходящие жанровые изменения. Представлены объективные основания для декларируемого группами журналистских жанров «история» с такими ее разновидностями, как «социальная история», «полезная история» («лайфхак») и др.

Показано, что если «репортажность» и «полижанровость» получили распространение во многом благодаря возможностям интернет-коммуни-

каций, то популярность «историй» и некоторых других жанров мотивирована рядом конкретных событий, касающихся жизни всего российского общества.

Объяснены причины снижения интереса журналистов к некоторым жанрам, среди которых путевой очерк и фельетон.

Литература

1. Кройчик, Л. Е. Система журналистских жанров / Л. Е. Кройчик // Основы творческой деятельности журналиста : учебник ; ред.-сост. С. Г. Корконосенко. – СПб. : Знание, 2000. – 272 с.

2. Медиасистема России / под ред. Е. Л. Вартановой. – 2-е изд. – М. : Аспект-пресс, 2021. – 424 с.

3. Дзялошинский, И. М. Медиапространство России: пробуждение Соляриса : монография / И. М. Дзялошинский. – М. : АПК и ППРО, 2012. – 422 с.

4. Интернет в России: Состояние, тенденции и перспективы развития : отраслевой доклад. – М. : Роспечать, 2010. – С. 59–62, 64–65. – URL: <https://adindex.ru/files/47676/internet.pdf>.

5. Тертычный, А. А. Жанры периодической печати / А. А. Тертычный. – М. : Аспект Пресс, 2000. – 310 с.

6. Тертычный, А. А. Тенденции в использовании жанров на страницах современных печатных СМИ / А. А. Тертычный // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2011. – № 5. – С. 93–101. – URL: <https://vestnik.journ.msu.ru/books/2011/5/tendentsii-v-ispolzovanii-zhanrov-na-stranitsakh-sovremennykh-pechatnykh-smi/>.

7. Репкова, Т. Новое время: как создать профессиональную газету в демократическом обществе / Т. Репкова. – М. : IREX ПроМедиа, 2004. – 468 с.

8. Колесниченко, А. В. Основы журналистской деятельности : учебное пособие / А. В. Колесниченко. – 2-е изд. – М. : Юрайт, 2019. – 341 с.

9. Колесниченко, А. В. Востребованность жанров журналистских текстов аудиторией онлайн-медиа / А. В. Колесниченко // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2019. – № 3. – С. 3–23. – URL: <https://vestnik.journ.msu.ru/books/2019/3/vostrebovannost-zhanrov-zhurnalisticheskikh-tekstov-auditoriei-onlaynovykh-media/>.

10. Мультимедийный лонгрид как новый формат подачи информации в Интернете // Универсальная журналистика: опыт проектного обучения : учебное пособие ; под ред. Л. П. Шестеркиной. – Челябинск : ЮУрГУ, 2018. – С. 140–157.

11. Мультимедийная журналистика : учебник для вузов / под общ. ред. А. Г. Качкаевой, С. А. Шомовой. – М. : ВШЭ, 2017. – 413 с.

12. Универсальная журналистика : учебник для вузов / под ред. Л. П. Шестеркиной. – М. : Аспект Пресс, 2016. – 480 с.

13. Социальный медиа-вызов – XXI век. Всероссийский конкурс молодых журналистов, пишущих на социально значимые темы : сборник работ победителей. – М. : ГЕОС, 2004. – 260 с.
14. Тюрина, Е. В. Репортаж и репортажность в печатных и сетевых изданиях (на примере СМИ Воронежской области) : дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Тюрина. – Воронеж, 2021. – С. 70–76. – URL: http://www.science.vsu.ru/dissertations/9598/Диссертация_Тюрина_Е.В..pdf.
15. Тюрина, Е. Сессия по предоплате. Сегодня в Воронеже. 23.03.2015 / Е. Тюрина. – URL: <https://today.29ru.net/voronezh/16739280/> (дата обращения: 1.04.2023)].
16. Чумиков, А. Н. Сторителлинг в развитии: технологии и контексты / А. Н. Чумиков, С. Ю. Чумикова // Коммуникология. – 2023. – Т. 11, № 1. – С. 142–157.
17. Макки, Р. Сториномика: Маркетинг, основанный на историях, в пострекламном мире / Р. Макки, Т. Джерас ; пер. с англ. – М. : Альпина нонфикшн, 2019. – 280 с.
18. Самарцев, О. Р. Творческая деятельность журналиста (очерки теории и практики) / О. Р. Самарцев ; под общ. ред. Я. Н. Засурского. – 4-е изд. – М. : Академический проект, 2017. – 528 с.
19. Шадрин, Н. Долгий путь к Андрею Рублеву / Н. Шадрин // Областная газета. – 14.01.2017. – URL: <https://www.oblgazeta.ru/culture/31596/>.
20. Семинтинова, М. Как живут ревдинские семьи с детьми-эпилептиками. 4.03.2017 / М. Семинтинова. – URL: <https://www.revda-info.ru/2017/04/03/epilepsiya-likbez/> (дата обращения: 1.04.2023).
21. Что такое лайфхаки и почему это сегодня популярно? // Storymil Journal. – URL: <https://storymil.com/chto-takoe-lajfxaki-i-pochemu-eto-segodnya-populyarno>.
22. Тимошенко, Е. Фанфикшн как дань восхищения классикам и опыт соавторства с ними. 19.05.2015 / Е. Тимошенко. – URL: <https://godlitratury.ru/articles/2015/05/19/chego-dobilsya-genialny-m-ty-romanom>
23. Тимошенко, Е. Стратегии российского фанфикшна по роману Л. Н. Толстого «Война и мир» / Е. Тимошенко // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – 2015. – Т. 25, № 6. – С. 89–94. – URL: <https://journals.udsu.ru/history-philology/article/view/3482>.
24. Пищулин, А. По Кавказу автостопом. Российский туризм 25.05.2015 / А. Пищулин. – URL: https://russiantourism.ru/region-pulse/region-pulse_10693.html.
25. Словоблудова Л. Новости города Дырск / Л. Словоблудова // Орская хроника. – 27.02.2022. – URL: <https://hron.ru/news/read/68754>.
26. Афонина, Т. Жанр фельетона в городской газете (на материале «Орской хроники») / Т. Афонина // Ломоносов-2015 : материалы Международного молодежного научного форума ; отв. ред. А. И. Андреев, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов. – М. : МАКС Пресс, 2015. – URL: https://lomonosovmsu.ru/archive/Lomonosov_2015/data/7034/uid81105_report.pdf.

Чумиков Александр Николаевич – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры коммуникационных технологий Института международных отношений и социально-политических наук, Московский государственный лингвистический университет (Москва), e-mail: chumikov@pr-club.com. ORCID 0000-0002-7208-9783

Поступила в редакцию 2 апреля 2023 г.

DOI: 10.14529/ssh230312

TRANSFORMATION OF FORMS OF MEDIA RESOURCES & DYNAMICS OF GENRES OF JOURNALISTIC TEXTS IN THE RUSSIAN INFORMATION SPACE

A. N. Chumikov

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

The article was born out of the need for an analysis of the intense and dynamic changes taking place in journalism. The study uses quantitative methods of traditional concrete sociological research combined with qualitative methods of media measurements. A representative sample array of media texts from 2003–2023 was used. The analysis focuses on the forms of media resources and their journalistic texts of various genres. The results confirm the trends outlined earlier and also identifies new and insufficiently obvious trends. The grounds for an updated classification of resources and genres are presented.

Media resources used in this study include specialized thematic and educational media projects, a student newspaper, a media community, a social media page (group) of a creative association, a proprietary media resource, and a platform for the production of media products. Defining characteristics of modern media genres as multimedia, interactivity and hypertextuality were detected and the phenomenon of textual convergence between resources and intra-resource genre convergence (multi-genre) was noted.

The objectivity of actualizing and developing the generalized genre story with possible modifications social story, useful story, etc. is substantiated. The reasons for the emergence of new genres (fan fiction), development (review), or decline (travel essay, feuilleton) of previously popular texts are determined.

Keywords: media, new media, media resources, media genres, multi-genre, storytelling, story.

References

1. Krojchik L.E. Sistema zhurnalistskikh zhanrov [System of Journalistic Genres] // *Osnovy tvorcheskoj deyatel'nosti zhurnalista: uchebnik*; red.-sost. S.G. Korkonosenko. SPb.: Znanie, 2000. 272 s.
2. Mediasistema Rossii [Media System of Russia] / pod red. E.L. Vartanovoj. 2-e izd. M.: Aspekt-press, 2021. 424 s.
3. Dzyaloshinskij, I. M. Mediaprostranstvo Rossii: probuzhdenie Solyarisa [The Media Space of Russia: the Awakening of Solaris]; monografiya. M.: APK i PPRO, 2012. 422 s.
4. Internet v Rossii Sostoyanie, tendencii i perspektivy razvitiya [Internet in Russia State, Trends and Prospects of Development]. Otrasevoj doklad. Rospechat', 2010. S. 59–62, 64–65. URL: <https://adindex.ru/files/47676/internet.pdf>.
5. Tertychnyj A.A. Zhanry periodicheskoy pechati [Genres of Periodicals]. M.: Aspekt Press, 2000. 310 s.
6. Tertychnyj A.A. Tendencii v ispol'zovanii zhanrov na straniczah sovremennykh pechatnykh SMI [Trends in the Use of Genres on the Pages of Modern Print Media] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*. 2011. № 5. S. 93–101. URL: <https://vestnik.journ.msu.ru/books/2011/5/tendentsii-v-ispolzovanii-zhanrov-na-stranitsakh-sovremennykh-pechatnykh-smi/>.
7. Repkova T. Novoe vremya: kak sozdat' professional'nuyu gazetu v demokraticheskom obshchestve [New Age: How to Create a Professional Newspaper in a Democratic Society]. M.: IREX ProMedia, 2004. 468 s.
8. Kolesnichenko A.V. Osnovy zhurnalistskoj deyatel'nosti [Fundamentals of Journalistic Activity]: uchebnoe posobie. 2-e izd. M.: Yurajt, 2019. 341 s.
9. Kolesnichenko A.V. Vostrebovannost' zhanrov zhurnalistskikh tekstov auditoriej onlajnovykh media [The Demand for Genres of Journalistic Texts by the Audience of Online Media] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*. 2019. № 3. S. 3–23. URL: <https://vestnik.journ.msu.ru/books/2019/3/vostrebovannost-zhanrov-zhurnalistskikh-tekstov-auditoriej-onlajnovykh-media/>.
10. Mul'timedijnyj longrid kak novyj format podachi informacii v Internete [Multimedia Longrid as a New Format for Presenting Information on the Internet] // *Universal'naya zhurnalistika: opyt proektnogo obucheniya: uchebnoe posobie*; pod red. L.P. Shesterkinoy. Chelyabinsk: YuUrGU, 2018. S. 140–157.
11. Mul'timedijnaya zhurnalistika [Multimedia Journalism]: uchebnik dlya vuzov / pod obshh. red. A.G. Kachkaevoj, S.A. Shomovoj. M.: VShE, 2017. 413 s.
12. Universal'naya zhurnalistika [Universal Journalism]: uchebnik dlya vuzov / pod red. L. P. Shesterkinoy. M.: Aspekt Press, 2016. 480 s.
13. Social'nyj media-vyzov – XXI vek [Social Media Challenge – XXI Century] // *Vserossijskij konkurs molodyh zhurnalistov, pishushhih na social'no znachimye temy: sbornik rabot pobeditelej*. M.: GEOS, 2004. 260 s.
14. Tyurina E.V. Reportazh i reportazhnost' v pechatnykh i setevykh izdaniyah (na primere SMI Voronezhskoj oblasti) [Reportage in Print and Online Publications (Using the Example of the Voronezh Region Media)]: dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh 2021. S. 70–76. URL: http://www.science.vsu.ru/dissertations/9598/Dissertaciya_Tyurina_E.V..pdf.
15. Tyurina E. Sessiya po predoplate [Session on Prepayment] // *Segodnya v Voronezhe*. 23.03.2015. URL: <https://today29ru.net/voronezh/16739280/>.
16. Chumikov A.N., Chumikova S.Y. Storytelling v razviti: tehnologii i konteksty [Storytelling in Development: Technologies and Contexts] // *Kommunikologiya*. 2023. T. 11, №1. C. 142–157.
17. Makki R. Dzheras T. Storinomika: Marketing, osnovannyj na istoriyah, v postreklamnom mire [Marketing Based on Stories in the Post-Advertising World]; per. s angl. M.: Al'pina nonfikshn, 2019. 280 s.
18. Samarcev O.R. Tvorcheskaya deyatel'nost' zhurnalista (oчерki teorii i praktiki) [Creative Activity of a Journalist (Essays on Theory and Practice)]; pod obshh. red. Y.N. Zasurskogo. 4-e izd. M.: Akademicheskij proekt, 2017. 528 s.

19. Shadrina N. Dolgij put' k Andreyu Rublevu [A Long Way to Andrey Rublev] // *Oblastnaya gazeta*. 14.01.2017. URL: <https://www.oblgazeta.ru/culture/31596/>.
20. Semintinova M. Kak zhivut revdinskie sem'i s det'mi-epileptikami [How Revdinsky Families with Epileptic Children Live]. 4.03.2017. URL: <https://www.revda-info.ru/2017/04/03/epilepsiya-likbez/>.
21. Chto takoe lajfhaki i pochemu eto segodnya populyarno? [What are Life Hacks and Why are They Popular Today?] // *Storymil Journal*. URL: <https://storymil.com/chto-takoe-lajfxaki-i-pochemu-eto-segodnya-populyarno>.
22. Timoshenko E. Fanfikshn kak dan' vosxishheniya klassikami i opyt soavtorstva s nimi [Fanfiction as a Tribute to the Admiration of the Classics and the Experience of Co-Authorship with Them]. 19.05.2015. URL: <https://godliterary.ru/articles/2015/05/19/chego-dobilsya-genialnym-ty-romanom>.
23. Timoshenko E. Strategii rossijskogo fanfikshena po romanu L.N. Tolstogo «Vojna i mir» [Strategies of the Russian Fanfiction Based on the Novel by L.N. Tolstoy «War and Peace»] // *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istorija i filologiya*. 2015. T. 25, № 6. S. 89–94. URL: <https://journals.udsu.ru/history-philology/article/view/3482>.
24. Pishhulin A. Po Kavkazu avtostopom [Hitchhiking in the Caucasus] // *Rossijskij turizm*. 25.05.2015. URL: https://russiantourism.ru/region-pulse/region-pulse_10693.html.
25. SlovoBludova L. Novosti goroda Dyrska [News of the City of Dyrsk]. Orskaya hronika. 27.02.2022. URL: <https://hron.ru/news/read/68754> (data obrashheniya: 1.04.2023).
26. Afonina T. Zhanr fel'etona v gorodskoj gazete (na materiale «Orskoj hroniki») [The Genre of the Feuilleton in the City Newspaper (Based on the Material of the Orsk Chronicle)]. Lomonosov-2015: materialy Mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchnogo foruma; otv. red. A.I. Andreev, A.V. Andriyanov, E.A. Antipov. M.: MAKS Press, 2015. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2015/data/7034/uid81105_report.pdf.

Alexander N. Chumikov – D. Sc. (Politics), Professor, Professor of the Department of Communication Technologies at the Institute of International Relations and Socio-Political Sciences, Moscow State Linguistic University (Moscow), e-mail: chumikov@pr-club.com

Received April 2, 2023

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Чумиков, А. Н. Трансформация форм медийных ресурсов и динамика жанров журналистских текстов в российском информационном пространстве / А. Н. Чумиков // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2023. – Т. 23, № 3. – С. 100–109. DOI: 10.14529/ssh230312

FOR CITATION

Chumikov A. N. Transformation of Forms of Media Resources & Dynamics of Genres of Journalistic Texts in the Russian Information Space. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2023, vol. 23, no. 3, pp. 100–109. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh230312

Рецензии

УДК 94(470)«19/20» + 043.3/5

DOI: 10.14529/ssh230313

РЕЦЕНЗИЯ НА КОЛЛЕКТИВНУЮ МОНОГРАФИЮ «ДИССЕРТАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА РОССИЙСКОГО ИСТОРИКО-НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА: ОПЫТ И ПРАКТИКИ ПОДГОТОВКИ И ЗАЩИТ ДИССЕРТАЦИЙ (XIX – НАЧАЛО XX в.). (МОСКВА – САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 2022)

Е. В. Волков

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

В статье содержится характеристика и анализ коллективной монографии, посвященной процессу становления профессиональных ученых-историков в дореволюционной России. Представлено описание основной дефиниции данного труда – «диссертационной культуры» в трактовке авторов монографии. Отмечено, что в монографии исследованы и реконструированы основные элементы диссертационной культуры: подготовка диссертации, ее экспертиза, диссертационный диспут (защита). Авторы монографии показали и влияние защит диссертаций на карьеру диссертантов, их место в историко-научном сообществе дореволюционной России. В рецензии содержится характеристика видов использованных источников и некоторых теоретических подходов, а также структуры монографии. Подчеркивается, что авторами коллективной монографии создана и проанализирована база данных о 409 диссертациях по истории, защищенных в российских университетах в XIX – начале XX в., а также предпринята попытка создать коллективный портрет на основе выявленных сведений о 280 авторах диссертаций. В результате на основе таких метаданных получилась вполне убедительная картина развития научно-исторического сообщества в дореволюционной России. Высказаны отдельные замечания по содержанию монографии с точки зрения не изученных авторами аспектов. В целом данный труд, безусловно, заслуживает высокой оценки и вносит существенный вклад в развитие современной историографии как направления интеллектуальной истории о становлении ученых-историков в дореволюционной России, о практиках и опыте создания, экспертизе и защите диссертаций.

Ключевые слова: диссертационная культура, магистерская диссертация, докторская диссертация, диссертационный диспут, ученые степени, научное сообщество российских историков.

Рецензируемая монография [1] скорее всего будет интересна профессиональным историкам, которые, безусловно, почувствуют атмосферу диссертационной культуры, в которую в тот или иной момент своей научной деятельности они когда-то также были погружены. Хотя в монографии речь идет о российском научном сообществе дореволюционного времени, но и сегодня многие каноны диссертационной культуры, сформировавшиеся в XIX – начале XX в., пусть и с некоторыми корректировками, во многом сохраняют свою актуальность и функционируют в научном пространстве. Поэтому для современных ученых-историков обращение к тексту монографии скорее всего возродит в их памяти знакомые ситуации, связанные с защитами и обсуждениями диссертаций, и, конечно, будет способствовать неподдельному интересу к книге, ее фактологии, трактовкам и выводам авторов.

Авторы монографии либо в настоящее время являются сотрудниками историко-филологического факультета Челябинского государственного университета, либо ранее были связаны с этим вузом. Под руководством доктора исторических наук Н. Н. Алеврас и кандидата исторических наук

Н. В. Гришиной, как главных авторов, в создании данного труда активно участвовали кандидаты исторических наук О. В. Богомазова и А. М. Скворцов, а также исследователи К. М. Белик и О. В. Выдрин. По их словам, работа по данному проекту шла более десяти лет. Отдельные положения и выводы еще до выхода монографии в свет нашли отражение в различных публикациях авторов [1, с. 435–437, 438–439, 441, 450].

На вопрос о том, что такое диссертационная культура, которая стала основной дефиницией, вокруг которой построено исследование, авторы монографии отвечают следующим образом. Диссертационная культура имеет синтетическую природу, включая юридическую нормативную базу о правилах присуждения ученых степеней, процесс создания диссертационных исследований, их презентацию на защите и в периодической печати, обсуждение (диспут) и дальнейшее влияние на научную карьеру диссертанта. «Главным элементом диссертационной культуры выступает научное произведение особого жанра – диссертация». В итоге авторы формулируют этот научный и культурный феномен так: «Под “диссертационной

культурой” понимается совокупность организационно-нормативных процедур, традиций и ритуалов со стороны научно-образовательных структур, а также усилий заинтересованных претендентов на достижение ученого статуса и экспертного сообщества, направленных на получение научно-исследовательского продукта (произведения в виде диссертации), соответствующего принятым квалификационным требованиям и нормам научно-профессиональной сертификации» [1, с. 10–11, 15].

Для реализации своих задач авторы монографии опирались на теоретические подходы в области когнитивной истории, интеллектуальной истории, исторической антропологии, а также на институциональный подход. Они изучили и интерпретировали достаточно большой комплекс исторических источников. В результате удалось показать, как складывалась и развивалась диссертационная культура в российском научном сообществе историков в разных его аспектах и как трансформировалась от начала XIX в. до завершения дореволюционной эпохи.

Видовые группы источников, выявленных и проанализированных авторами, включают: законодательно-нормативные акты, определяющие деятельность университетов и правила присуждения ученых степеней; научные произведения, связанные с созданием и защитой диссертаций; делопроизводственную документацию диссертационных диспутов; источники личного происхождения (мемуары и дневники). Значительная часть источников была выявлена в шести центральных архивохранилищах Москвы и Санкт-Петербурга (ГАРФ, РГИА, АРАН, СПб Ф АРАН, ЦГИА Москвы, ЦГИА СПб.) и в отделах рукописей Российской государственной библиотеки (РГБ, Москва) и Российской национальной библиотеки (РНБ, Санкт-Петербург).

В монографии представлен обзор историографии (отечественной и зарубежной) по близкой тематике. Подчеркивается, что к этому проекту подтолкнула деятельность советского библиографа Г. Г. Кричевского, с середины 1930-х гг. составлявшего справочник о диссертациях, защищенных в дореволюционных университетах России [2], и опубликовавшего несколько своих работ [3, 4].

Монография, помимо традиционных предисловия, введения и заключения, состоит из трех разделов, включающих девять глав. В первом разделе представлена трансформация, с юридической точки зрения, статуса диссертации в российском законодательстве XIX в. Проанализирован процесс превращения диссертации как одной из форм экзамена кандидатов на магистерскую или докторскую степень в виде реферативного текста в серьезный научный труд, который должен быть наполнен авторскими трактовками на основе привлеченных исторических источников и обладать ори-

гинальностью в контексте исследований данной тематики.

Авторами коллективной монографии создана и проанализирована база данных о 409 диссертациях по истории, защищенных в российских университетах в XIX – начале XX в., а также предпринята попытка создать коллективный портрет 280 авторов диссертаций, информацию по которым удалось выявить. В итоге на основе таких метаданных получилась вполне убедительная картина развития научно-исторического сообщества в дореволюционной России в контексте подготовки и защиты диссертаций.

Однако стоит заметить, что в дореволюционной России большую роль играло и социальное происхождение человека, его сословный статус, по крайней мере на подготовительном этапе вхождения в научную сферу. Но авторы обошли этот вопрос стороной. Однако, создавая коллективный портрет ученых-историков, важно было показать их сословные корни. Понятно, что такая информация требует дополнительных поисков в архивах, но это значительно обогатило бы коллективный портрет российских профессиональных историков дореволюционного периода.

Второй раздел содержит анализ одного из главных явлений диссертационной культуры – диссертационного диспута (защиты диссертации) и того, какие стадии экспертизы проходила данная работа, что из себя представляло оппонирование, кто этим занимался. Здесь же представлено, как данные аспекты диссертационной культуры эволюционировали со временем в условиях формирования определенных норм.

Третий раздел показывает целый ряд примеров того, как историк преодолевал путь по созданию и защите своей диссертации, как складывались взаимоотношения между диссертантом и его научным руководителем, какие имелись контакты и линии влияния в коммуникационной среде профессиональных историков, в том числе между представителями Петербургской и Московской научных школ.

Таким образом, в монографии детально и убедительно реконструирована научная деятельность и ее трансформация в сфере исторической науки дореволюционного времени в контексте диссертационной культуры. Если бы авторы еще проанализировали немногочисленные диссертации, связанные с историческими исследованиями в России XVIII в., и научные события, с ними связанные, то можно было бы констатировать, что они в данном ключе изучили весь дореволюционный период. Но, к сожалению, создатели монографии в качестве нижней хронологической рамки своего исследования определили начало XIX в., оставив в стороне предыдущее столетие.

Однако рецензируемый труд, безусловно, заслуживает высокой оценки и вносит существен-

Рецензии

ный вклад в развитие современной историографии как одного из направлений интеллектуальной истории о профессиональном становлении ученых-историков в дореволюционной России. Ряд научных традиций и практик дореволюционной эпохи, сложившихся при подготовке и защите диссертаций, конечно, и сегодня заслуживают пристального внимания и даже, возможно, применения их с учетом современных условий в пространстве российского научно-исторического сообщества.

Литература

1. Диссертационная культура российского историко-научного сообщества: опыт и практики подготовки и защит диссертаций (XIX –

начало XX в.) : коллективная монография / под ред. Н. Н. Алеврас, Н. В. Гришиной. – М. ; СПб. : Нестор-История, 2022. – 464 с.

2. Кричевский, Г. Г. Диссертации университетов России. 1805–1919 / Г. Г. Кричевский. Машинопись. – М., 1984.

3. Кричевский, Г. Г. Библиография диссертаций (Опыт обзора и план дальнейших работ в этой области) / Г. Г. Кричевский // Из трудов библиотеки Академии наук СССР. – Л. : АН СССР, 1948. – С. 103–104.

4. Кричевский, Г. Г. Ученые степени в университетах дореволюционной России / Г. Г. Кричевский // История СССР. – 1985. – № 2. – С. 141–153.

Волков Евгений Владимирович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной и зарубежной истории, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: volkovev@susu.ru. ORCID 0000-0002-8038-0431

Поступила в редакцию 26 мая 2023 г.

DOI: 10.14529/ssh230313

REVIEW OF THE COLLECTIVE MONOGRAPH «DISSERTATION CULTURE OF THE RUSSIAN HISTORICAL AND SCIENTIFIC COMMUNITY: EXPERIENCE AND PRACTICE IN THE PREPARATION AND DEFENSE OF DISSERTATIONS (19th – EARLY 20th CENTURY)» (MOSCOW – SAINT PETERSBURG, 2022)

E. V. Volkov

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The article contains a description and analysis of a collective monograph dedicated to the formation of professional historians in pre-revolutionary Russia. A description of the main definition of this work («dissertation culture») according to the authors of the monograph is presented. The monograph explored and reconstructed the main elements of dissertation culture: dissertation preparation, examination, and dispute (defense). The authors also showed the influence of dissertation defenses on the career of dissertators and their place in the historical and scientific community of pre-revolutionary Russia. The review contains a description of the types of sources used and some theoretical approaches, as well as the structure of the monograph. It is emphasized that the authors of the collective monograph created and analyzed a database of 409 dissertations on history defended at Russian universities in the 19th and early 20th centuries. An attempt was made to create a collective portrait based on the identified information about 280 dissertations authors. A quite convincing picture of the development of the scientific and historical community in pre-revolutionary Russia was obtained based on this metadata. Some comments are made on the content of the monograph, including aspects not studied by the authors. In general, this work deserves high praise and significantly contributes to the development of modern historiography as a direction of intellectual history about the formation of historians in pre-revolutionary Russia as well as the practices and experience of creating, examining and defending dissertations.

Keywords: dissertation culture, master's thesis, doctoral dissertation, dissertation dispute, academic degrees, scientific community of Russian historians.

References

1. Dissertacionnaya kultura rossijskogo istoriko-nauchnogo soobshchestva: opyt i praktiki podgotovki i zashchit dissertacij (XIX – nachalo XX v.) [Dissertation Culture of the Russian Historical and Scientific Community: Experience and Practice of Preparing and Defending Dissertations (19th and Early 20th Century)]: kollektivnaya monografiya / pod red. N.N. Alevras, N.V. Grishinoy. M.; S-Pb.: Nestor-Istoriya, 2022. 464 s.
2. Krichevskij G.G. Dissertacii universitetov Rossii. 1805–1919 [Dissertations of Russian Universities. 1805–1919]. M., 1984. (Rukopis-mashinopis).
3. Krichevskij G.G. Bibliografiya dissertacij (Opyt obzora i plan dal'nejshih rabot v etoj oblasti) [Bibliography of Dissertations (Experience Review and Plan for Further Work in this Area)] // *Iz trudov biblioteki Akademii nauk SSSR*. L.: AN SSSR, 1948. S. 103–104.
4. Krichevskij G.G. Uchenye stepeni v universitetah dorevolucionnoj Rossii [Academic Degrees at Universities in Pre-Revolutionary Russia] // *Istoriya SSSR*. 1985. № 2. S. 141–153.

Evgeny V. Volkov – D. Sc. (History), Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign History, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: volkov@susu.ru

Received May 26, 2023

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Волков, Е. В. Рецензия на коллективную монографию «Диссертационная культура российского историко-научного сообщества: опыт и практики подготовки и защит диссертаций (XIX – начало XX в.). (Москва – Санкт-Петербург, 2022) / Е. В. Волков // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2023. – Т. 23, № 3. – С. 110–113. DOI: 10.14529/ssh230313

FOR CITATION

Volkov E. V. Review of the Collective Monograph «Dissertation Culture of the Russian Historical and Scientific Community: Experience and Practice in the Preparation and Defense of Dissertations (19th – Early 20th Century)» (Moscow – Saint Petersburg, 2022). *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2023, vol. 23, no. 3, pp. 110–113. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh230313

СВЕДЕНИЯ ОБ ИЗДАНИИ

Журнал основан в 2001 году. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-57373 выдано 24 марта 2014 г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южно-Уральский государственный университет» (национальный исследовательский университет).

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства науки и высшего образования Российской Федерации журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки), 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки), 5.6.3. Археология (исторические науки), 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки), 5.9.1. Русская литература и литература народов Российской Федерации, 5.9.9. Медиакommunikации и журналистика, 5.10.1. Теория и история культуры, искусства, 5.10.3. Виды искусства (с указанием конкретного искусства).

Журнал включен в Реферативный журнал и базы данных ВИНТИ. Сведения о журнале ежегодно публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory».

Подписной индекс 29076 в объединенном каталоге «Пресса России».

Периодичность выхода — 4 номера в год.

Адрес редакции, издателя: 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76, Издательский центр ЮУрГУ, каб. 32.

ТРЕБОВАНИЯ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ МАТЕРИАЛОВ

1. В редакцию предоставляется электронная (документ Microsoft Word) версия работы, экспертное заключение о возможности опубликования работы в открытой печати, сведения об авторах (Ф.И.О., место работы, звание и должность для всех авторов работы, сроки обучения в аспирантуре для аспирантов), контактная информация ответственного за подготовку рукописи (адрес, телефон, e-mail).

2. Структура статьи: УДК, название, список авторов, ORCID (Open Researcher and Contributor ID) каждого автора, аннотация (200—250 слов), список ключевых слов, текст работы, литература (в порядке упоминания, ГОСТ 7.1-2003), сведения об авторах. После текста работы следует название, аннотация, список ключевых слов, список литературы и сведения об авторах на английском языке.

3. Параметры набора. Поля: верхнее — 30, нижнее — 30, левое — 30, правое — 30 мм. Шрифт — Times New Roman, кегль — 14. Отступ красной строки 0,7 см, интервал между абзацами 0 пт, межстрочный интервал — полуторный. Рисунки и схемы должны быть сгруппированы и иметь названия.

4. Адрес редакционной коллегии научного журнала «Вестник ЮУрГУ» серия «Социально-гуманитарные науки»: Россия, 454080, г. Челябинск, пр. им. В. И. Ленина, 76, главный корпус, Южно-Уральский государственный университет, Институт медиа и социально-гуманитарных наук, дирекция ИМСГН, 435/1. Тел./факс (351) 267-90-29. E-mail: shesterkina@susul.ru, главный редактор — профессор Шестеркина Людмила Петровна, ответственный секретарь — доцент Салганова Елена Ивановна.

5. Полную версию правил подготовки рукописей и пример оформления можно загрузить с сайта журнала <http://vestnik.susu.ru/humanities>.

6. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

ВЕСТНИК
ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия
«СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»
2023 Том 23, № 3

16+

Главный редактор *Шестеркина Л. П.*
Компьютерная верстка *Выборнова Л. В.*

Издательский центр Южно-Уральского государственного университета

Подписано в печать 14.07.2023. Дата выхода в свет 21.07.2023. Формат 60×84 1/8.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 13,48. Тираж 500 экз. Заказ 264/264. Цена свободная.

Отпечатано в типографии Издательского центра ЮУрГУ. 454080, г. Челябинск, проспект Ленина, 76.